

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Владимирский государственный университет имени
Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»
(ВлГУ)

На правах рукописи

Пилипенко Наталья Викторовна

**ДЕСКРИПТИВНЫЙ СЛОВЕСНЫЙ РЯД КАК СПОСОБ ОРГАНИЗАЦИИ
ОПИСАНИЯ В ДРЕВНЕРУССКОМ ТЕКСТЕ**

Специальность 10.02.01 – Русский язык

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук, профессор
Пименова Марина Васильевна

Владимир
2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	5
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.....	12
1.1. Вопрос о делимитации текста.....	12
1.2. Вопрос о делимитации древнерусского текста.....	18
1.3. <i>Описание</i> как функционально-смысловой тип речи.....	27
Выводы.....	37
ГЛАВА 2. СТРУКТУРА ДЕСКРИПТИВНЫХ СЛОВЕСНЫХ РЯДОВ.....	39
2.1. Дескриптивный словесный ряд.....	39
2.1.1. Номинативный элемент дескриптивного словесного ряда.....	39
2.1.2. Дескриптивный элемент дескриптивного словесного ряда.....	44
2.1.2.1. Словесные ряды с адъективной дескрипцией.....	45
2.1.2.2. Словесные ряды с вербативной дескрипцией.....	49
2.1.2.3. Словесные ряды с субстантивной дескрипцией.....	50
2.1.2.4. Словесные ряды с неоднородной дескрипцией.....	51
2.2. Функционирование дескриптивных словесных рядов.....	52
2.2.1. Функционирование дескриптивных словесных рядов на уровне формулы-синтагмы.....	52
2.2.1.1. Употребление дескриптивного элемента в функции предиката.....	53
2.2.1.1.1. Употребление адъективного дескриптивного элемента в функции предиката.....	53
2.2.1.1.2. Употребление вербативного дескриптивного элемента в функции предиката.....	57
2.2.1.1.3. Употребление субстантивного дескриптивного элемента в функции предиката.....	59
2.2.1.1.4. Употребление неоднородного дескриптивного элемента в функции предиката.....	61

2.2.1.2. Употребление дескриптивного элемента в атрибутивной функции.....	64
2.2.1.2.1. Употребление адъективного дескриптивного элемента в атрибутивной функции.....	64
2.2.1.2.2. Употребление вербативного дескриптивного элемента в атрибутивной функции.....	70
2.2.1.2.3. Употребление субстантивного дескриптивного элемента в атрибутивной функции.....	72
2.2.1.2.4. Употребление неоднородного дескриптивного элемента в атрибутивной функции.....	73
2.2.2. Функционирование дескриптивных словесных рядов на уровне текста.....	75
Выводы.....	80
ГЛАВА 3. СЕМАНТИКА ДЕСКРИПТИВНЫХ СЛОВЕСНЫХ РЯДОВ.....	83
3.1. Сенсорная дескрипция.....	83
3.1.1. Дескриптивные словесные ряды, передающие визуальное восприятие (визуальные дескриптивные словесные ряды).....	84
3.1.1.1. Описание внешности.....	84
3.1.1.2. Описание местности.....	97
3.1.1.3. Описание материальных объектов, окружающих человека и созданных его руками.....	105
3.1.1.4. Описание природы.....	110
3.1.2. Дескриптивные словесные ряды, передающие аудиальное восприятие (аудиальные дескриптивные словесные ряды).....	118
3.1.3. Дескриптивные словесные ряды, передающие осязательное восприятие (осязательные дескриптивные словесные ряды).....	122
3.1.4. Дескриптивные словесные ряды, передающие ольфакторное восприятие (ольфакторные дескриптивные словесные ряды)	124

3.1.5. Дескриптивные словесные ряды, передающие восприятие вкуса.....	127
3.2. Рациональная дескрипция.....	129
3.2.1. Морально-этическая характеристика объекта описания.....	129
3.2.2. Интеллектуальная характеристика объекта описания.....	140
3.2.3. Характеристика практической деятельности объекта описания.....	148
3.2.4. Характеристика географических объектов.....	154
Выводы.....	158
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	160
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	164
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	182

ВВЕДЕНИЕ

Настоящее диссертационное исследование посвящено анализу семантики и структуры основных видов минимальных, вычлняемых, повторяющихся единиц древнерусского текста, главной функцией которых является описание действительности, – дескриптивных словесных рядов (типа *Бяху же хлѣби оны тепли суще и мяци*).

В данной работе под дескриптивными словесными рядами мы будем понимать линейную, обладающую относительной смысловой и структурной законченностью последовательность двух логически зависимых друг от друга элементов: номинативного элемента, обозначающего объект действительности, который подвергается описанию (в примере, приведенном выше, – *хлѣби оны*), и дескриптивного элемента, содержащего собственно описание означенного объекта действительности (*тепли суще и мяци*).

Дескриптивные словесные ряды в данном исследовании анализируются в рамках функционально-смыслового подхода, который позволяет выявить делимитативные (от лат. *delimitation* – граница) границы дескриптивных словесных рядов, на уровне текста обнаружить номенклатуру, отношения, складывающиеся между дескриптивными словесными рядами, а также свойства функционирования дескриптивных словесных рядов.

Проанализированные нами дескриптивные словесные ряды являются формульными конструкциями, то есть имеющими определённую формально-структурную схему, воспроизводимость которой связана с нормативностью текста-образца.

В синхронии проблемой выделения минимальных неделимых единиц текста, способных реализовывать тот или иной тип речи, занимались такие ученые, как Н. С. Валгина, И. Р. Гальперин, Л. М. Лосева, О. А. Нечаева, В. В. Одинцов, Г. Я. Солганик, З. Я. Тураева, В. М. Хамаганова и др. В диахронии отдельным аспектам функционально-смысловой делимитации текста посвящены работы Э. Н. Акимовой, И. А. Антиповой,

М. Вас. Пименовой, А. А. Селезневой, О. М. Шуковой. Целостного же представления о функционально-смысловой делимитации текста и о структурно-семантических особенностях единиц, способных реализовывать тот или иной тип речи, в диахроническом языкознании не сформировано.

Актуальность работы обусловлена недостаточной изученностью структурно-семантических особенностей языковых единиц древнерусского текста, служащих для описания действительности.

Целью настоящей работы является выявление особенностей описаний на основе исследования их структурной и семантической организации, а также функционирования в древнерусских памятниках письменности.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

- 1) выявить в памятниках древнерусской письменности контексты, включающие описания;
- 2) выделить дифференциальные структурные и семантические признаки описательных единиц (дескриптивных словесных рядов);
- 3) представить структурные схемы дескриптивных словесных рядов древнерусского текста;
- 4) дать семантические классификации дескриптивных словесных рядов в древнерусском тексте;
- 5) определить особенности функционирования дескриптивных словесных рядов в древнерусском тексте.

Объектом исследования является дескриптивный словесный ряд как одна из минимальных, вычлняемых, повторяющихся единиц древнерусского текста, главной функцией которой является описание действительности.

Предметом исследования выступает семантика, структура и особенности функционирования дескриптивных словесных рядов в древнерусском тексте.

Материал исследования. В ходе диссертационного исследования было подвергнуто анализу 310 письменных текстов Древней Руси XI – XVII веков (повести, летописи, поучения, слова, жития, сказания, послания и др.),

включенных в серии «Памятники литературы Древней Руси» и «Библиотека литературы Древней Руси», из которых методом сплошной выборки было извлечено 1193 контекста, содержащих дескриптивные словесные ряды.

Методы исследования. Для осуществления задач исследования были использованы общенаучные методы (наблюдение, анализ, синтез, индукция, дедукция), а также собственно лингвистические методы системного изучения языка (описательный метод, метод компонентного анализа, контекстуальный анализ).

Для отбора материала был использован метод наблюдения, для характеристики структурных и семантических видов описаний был применен описательный метод, для их систематизации – обобщение и классификация.

Метод компонентного анализа позволил определить семантические и структурные виды дескриптивных словесных рядов. Метод контекстуального анализа позволил рассмотреть функционирование дескриптивных словесных рядов в древнерусском тексте.

Методологической основой исследования послужили работы по лингвистике и стилистике текста (Н. С. Болотнова, М. П. Брандес, Н. С. Валгина, И. Р. Гальперин, А. Н. Кожин, Г. В. Колшанский, В. А. Кухаренко, Л. М. Лосева, О. И. Москальская, В. В. Одинцов, Г. Я. Солганик, Ц. Тодоров, Т. Б. Трошева, З. Я. Тураева, В. М. Хамаганова), работы по истории русского литературного языка (Л. Р. Абдулхакова, И. А. Антипова, М. В. Артамонова, В. А. Баранов, К. М. Богрова, В. И. Борковский, Ф. И. Буслаев, В. В. Виноградов, М. А. Гадолина, В. Л. Георгиева, А. И. Горшков, И. В. Ерофеева, Л. П. Клименко, В. В. Колесов, Б. А. Ларин, Т. П. Ломтев, О. П. Лопутько, Н. М. Михайлов, М. Вас. Пименова, Е. И. Рыкин), работы по ментальности и языковой картине мира (И. В. Ерофеева, А. А. Зализняк, А. В. Кирилина, Л. П. Клименко, В. В. Колесов, Е. С. Кубрякова, Д. С. Лихачев, В. А. Маслова и др.),

исследования по грамматике русского языка (В. В. Бабайцева, В. В. Виноградов, Г. А. Золотова, Т. П. Ломтев, А. А. Потебня, К. Я. Сигал).

Научная новизна работы определяется следующим:

- 1) выявлены минимальные, вычленяемые, повторяющиеся единицы древнерусского текста, главной функцией которых является описание действительности – дескриптивные словесные ряды;
- 2) определены дифференциальные признаки дескриптивных словесных рядов;
- 3) представлены структурные схемы дескриптивных словесных рядов;
- 4) предложена семантическая классификация дескриптивных словесных рядов;
- 5) определены особенности функционирования дескриптивных словесных рядов в древнерусском тексте.

Теоретическая значимость диссертационного исследования состоит в том, что оно вносит определенный вклад в разработку лингвистической теории текста. Структурные и семантические особенности дескриптивных словесных рядов могут послужить теоретической базой для дальнейшего изучения делимитации древнерусского текста, а также для дальнейшего постижения ментальных особенностей средневекового человека.

Практическая значимость диссертационной работы заключается в том, что ее результаты могут быть использованы в вузовской практике при подготовке курсов «Историческая грамматика», «История русского литературного языка», «Стилистика», «Лингвистика текста», «Филологический анализ текста», при разработке спецкурсов и спецсеминаров, посвященных историческому синтаксису, средневековой ментальности и культуре, а также в школьной практике для подготовки курсов по внеурочной деятельности, направленных на подготовку обучающихся к олимпиадам.

В качестве **гипотезы** исследования был принят тезис о том, что для выражения описания в древнерусском тексте использовались специальные

устойчивые, воспроизводимые единицы, имеющие определённую формально-структурную схему и единообразное лексическое наполнение.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Дескриптивные словесные ряды в древнерусском тексте представляют собой формульные конструкции (то есть представляющие собой определённые формально-структурные схемы, воспроизводимость которых связана с нормативностью текста-образца), состоящие из номинативного и дескриптивного элементов.

2. Дескриптивные словесные ряды можно разделить на четыре типа в зависимости от морфологического выражения дескриптивного элемента: дескриптивные словесные ряды с адъективной дескрипцией, дескриптивные словесные ряды с субстантивной дескрипцией, дескриптивные словесные ряды с вербальной (глагольной) дескрипцией, дескриптивные словесные ряды с неоднородной дескрипцией.

3. Дескриптивные словесные ряды в качестве средства выражения описания могут функционировать на разных уровнях: на уровне формулы-синтагмы и на уровне текста. Дескриптивный элемент может употребляться в предикативной и атрибутивной функции.

4. В древнерусских текстах распространены дескриптивные словесные ряды с однокомпонентным дескриптивным элементом и с многокомпонентным дескриптивным элементом.

5. Дескрипция представляет собой языковую экспликацию познания как процесса определения внешних и внутренних характеристик, свойств, элементов объекта действительности, поэтому может быть дифференцирована как сенсорная и как рациональная.

6. Сенсорная дескрипция является отражением предметов, ситуаций, явлений, возникающих при непосредственном воздействии физических раздражителей на рецепторные поверхности органов чувств. Дескриптивные словесные ряды в древнерусском тексте вербализуют признаки, свойства,

характеристики объектов описания, воспринимаемые всеми пятью внешними рецепторными органами, что позволяет нам выделять следующие семантические виды дескриптивных словесных рядов: дескриптивные словесные ряды, передающие визуальные восприятия; дескриптивные словесные ряды, передающие аудиальные восприятия; дескриптивные словесные ряды, передающие ольфакторные восприятия; дескриптивные словесные ряды, передающие осязательные восприятия; дескриптивные словесные ряды, передающие восприятие вкуса.

7. Рациональная дескрипция связана с фундаментальной характеристикой объекта описания, представляющей собой словесное изображение свойств и качеств объекта описания, основанных не на экстероцептивных ощущениях субъекта, а на его способности мыслить абстрактно, а также на обобщённой и объективированной системе знаний, полученных в результате коллективной деятельности ряда поколений людей. К этому виду дескрипции относятся словесные ряды, содержащие свойства, качества и признаки объекта, основанные на внутренних социально-личностных ценностях, имеющих внешнее выражение (морально-этическая характеристика объекта описания, интеллектуальная характеристика объекта описания, характеристика практической деятельности объекта описания); а также словесные ряды, содержащие свойства, качества и признаки объекта, основанные на внутренних социально-экономических ценностях, имеющих внешнее выражение (характеристика географических объектов).

8. Описания в древнерусском тексте отличаются единообразием и краткостью. Единообразие описаний достигается за счёт повторяемости одного и того же слова или одной и той же семантически несвободной фразы, что дает нам возможность отнести дескриптивные словесные ряды к устойчивым конструкциям древнерусского текста.

Апробация работы. Всего по теме диссертации опубликовано шесть работ, три из которых опубликованы в журналах, включенных ВАК в Перечень

рецензируемых журналов. Основные положения и результаты исследовательской работы обсуждались на научных конференциях различного уровня: X Международной научной конференции «Языковые категории и единицы: синтагматический аспект» (Владимир, ВлГУ, сентябрь 2013); VI Международной научной конференции, посвященной памяти православных просветителей святых равноапостольных Кирилла и Мефодия (Владимир, ВлГУ, май 2014); Всероссийской научной конференции, посвященной Дню славянской письменности и культуры (Коломна, май 2014); XI Международной научной конференции «Языковые категории и единицы: синтагматический аспект» (Владимир, ВлГУ, сентябрь 2015); VIII Международной научной конференции, посвященной памяти православных просветителей святых равноапостольных Кирилла и Мефодия (Владимир, ВлГУ, май 2016).

Материалы диссертации обсуждались на заседаниях кафедры русского языка Владимирского государственного университета (2013 – 2017 гг.).

Структура работы. Исследование состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы (173 источников), списка сокращений (126 источников).

При цитировании памятников древнерусской письменности сохраняются графика, орфография и пунктуация изданий.

ГЛАВА 1.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. ВОПРОС О ДЕЛИМИТАЦИИ ТЕКСТА

Значительное место в современной лингвистике занимают работы, связанные с исследованиями текста. Существуют различные концепции, в которых понятие *текст* интерпретируется по-разному: как языковая единица (Г. В. Колшанский), или шире – «реализация языковой системы» (Н. А. Купина); произведение речи (В. В. Одинцов, З. Я. Тураева); последовательность речевых единиц (Г. Я. Солганик); феномен языкового употребления, не являющийся единицей языкового строя (А. И. Горшков); единица коммуникации (Н. С. Валгина, Г. А. Золотова, О. Л. Каменская, В. А. Кухаренко, О. И. Москальская); коммуникативная система речевых знаков и знаковых последовательностей (Е. В. Сидоров).

Следует также отметить, что термин *текст* употребляется для обозначения двух различных объектов лингвистического исследования: *целого речевого произведения* и *сверхфразового единства* (сложного синтаксического целого) – высказывания, состоящего из одного или нескольких предложений. Объединяет эти объекты критерий смыслового единства и функциональный критерий коммуникативной значимости, присущие и целому речевому произведению, и односоставному предложению-высказыванию, как, например, «Пожар!» [Москальская 1981: 12-13].

Текст является дискретной единицей, поэтому важнейшим для лингвистики текста является вопрос о его *делимитации* (от лат. *delimitation* – граница) – членении на отдельные единицы. Единого взгляда на делимитацию текста и выделение основных текстовых единиц в лингвистике нет. В качестве основного конституента текста признаётся то абзац, то сверхфразовое единство

(или сложное синтаксическое целое), то высказывание, «включающее в себя все виды предложений» [Родионова 2008: 82], то синтагма – единица текста, которую вслед за Л. М. Ждановой определяют как единицу, «обладающую смысловой, лексико-синтаксической и просодической целостностью, все свойства и параметры которой устанавливаются самим текстом» [Родионова 2008: 83].

Е. В. Филатова считает, что «восприятие речи – устной и письменной – осуществляется на синтагматическом уровне», для порождения же текста одной синтагматической структуры недостаточно. Исследователь определяет структуру текста «в виде единства нескольких структур: синтагматической, предложенческой и абзацной» [Филатова 2011: 67].

В современных исследованиях представлен целый ряд подходов к делимитации текста: структурно-смысловой, информативный, функционально-коммуникативный, функционально-смысловой. Их отличие связано с лингвистической или экстралингвистической сущностью, размером выделяемых единиц, с разными формами и аспектами реализации коммуникативной направленности.

Одним из самых разработанных в современной лингвистике является функционально-смысловой подход. Учёные указывают, что применение функционально-смыслового подхода к изучению делимитации текста даёт возможность обнаружить структуры, строящиеся на логической и семантико-грамматической основе, в результате чего отчетливо осознаются делимитативные границы дискретных текстовых единиц, позволяющие на уровне текста обнаружить номенклатуру дискретных текстовых единиц, отношения, складывающиеся между этими единицами, а также свойства их функционирования в целом тексте [Хамаганова 2003: 20].

Как указывает О. А. Нечаева, функционально-смысловой подход к делимитации текста опирается на логическую основу экспликации конституирующих единиц, базирующихся на «мыслительных комплексах,

выражающих связи одновременности, последовательности или причинно-следственной зависимости между явлениями». Эти единицы являются отражением самих форм существования материи в пространстве, во времени и на основе их взаимообусловленности [Нечаева 1974: 26]. В рамках функционально-смыслового подхода к делимитации текста рассматриваются такие традиционные конститuentы, как *описание, повествование и рассуждение* (М. П. Брандес, Н. С. Валгина, В. А. Кухаренко, Л. М. Лосева, О. А. Нечаева, В. В. Одинцов, Г. Я. Солганик). Наряду с традиционными выделяют также *сообщение, определение, объяснение, умозаключение, характеристику* (В. В. Одинцов, Г. Я. Солганик), *предписание, констатацию* (Т. Б. Трошева).

Дискретные текстовые единицы, изучаемые в рамках функционально-смыслового подхода, в лингвистике классифицируют по-разному: как функционально-смысловые типы речи (О. А. Нечаева), функциональные типы сложных синтаксических целых (Л. М. Лосева), логические единства (В. В. Одинцов, Г. Я. Солганик), композиционно-речевые формы (В. В. Виноградов, М. П. Брандес, О. И. Москальская, В. А. Кухаренко, З. Я. Тураева). Подобное многообразие классификационных наименований основано на дифференциации подходов к изучению данных единиц текста, поскольку за основу их выделения одни учёные берут содержание (тема, логические отношения), другие – форму, прежде всего, грамматическое строение.

О. А. Нечаева предлагает подходить к изучению типов речи «в аспекте связи между мыслительной деятельностью человека и его речью» [Нечаева, 1974: 249]. Человеческому сознанию, по мнению исследователя, свойственно восприятие действительности в её одновременных или последовательных явлениях или в явлениях, находящихся в причинно-следственной зависимости; для отражения этих особенностей восприятия действительности в языке сложились определенные логико-смысловые и структурные типы

монологического высказывания: *описание*, *повествование* и *рассуждение*. По мнению автора, эти типы и являются минимальными единицами монологического высказывания, а их границы зависят от микротематических условий. Каждый тип речи обладает собственной типизированной структурой и функционально-смысловым значением.

Отмечая текстовый характер типов речи, О. А. Нечаева указывает на то, что все они (и *описание*, и *повествование*, и *рассуждение*) состоят из предложений, которые в составе того или иного типа речи помимо собственной функции повествования, вопроса или побуждения несут дополнительную функцию: репродуктивно- или регистрационно-перечислительную (*описание*), событийно-повествовательную, (*повествования*), функцию доказательства (*рассуждение*). Функционирование типов речи, по мысли автора, складывается из вторичного аспекта предложений. Вместе с тем каждый тип речи имеет обобщённо-смысловое значение.

Изучение типов речи на логической основе прослеживается также в работах В. В. Одинцова. В. В. Одинцов рассматривает типы речи как логические единства. Монологическая речь, по В. В. Одинцову, состоит из логических единств *определения-объяснения* и *умозаключения-рассуждения*, *характеристики-описания* и *сообщения-повествования*. Структура данных логических единиц характеризуется семантическими отношениями входящих в неё понятий, образующих смысловую стержень высказывания. Две единицы могут либо образовывать последовательность, либо располагаться рядом, быть параллельными. Таким образом, в основе структурных характеристик логических единиц В. В. Одинцов видит два типа связи – последовательную и параллельную. Определение предполагает подчинённость, последовательность смысловых элементов; умозаключение – «логически подчёркнутую последовательность»; «характеристика представляет собой сумму равноправных признаков, их последовательность, и определяет

характеризуемый объект; то же можно сказать и о последовательности действий, обычных в сообщении» [Одинцов 1980: 95-96].

В работах Г. Я. Солганика и Г. А. Золотовой больше внимания уделяется синтаксической структуре типов речи. Г. Я. Солганик на первый план выдвигает проблему когерентности текстообразующих единиц, реализующих описание, повествование и рассуждение, – прозаических строф. Прозаическая строфа, по Г. Я. Солганику, имеет внутренний и внешний план строения. Внутреннее строение «представляет собой наиболее общий структурный тип связи суждений, в котором движение мысли совершается через развёртывание предиката или субъекта предыдущего суждения» [Солганик 2009: 42]. Будучи одной из крупных структурных единиц, строфа имеет и внешний план строения. Делимитирующими единицами прозаических строф являются зачин и концовка, которые имеют особые синтаксические способы выражения начала и конца мысли. [Солганик 2009: 25].

Г. А. Золотова вводит понятие рематической доминанты текстового фрагмента, служащей для построения синтаксических моделей соответствующего содержания: «предложений с акционально-глагольными предикатами для сообщения о действиях, предложений с именными и адъективными предикатами для описания предметов и их качеств» [Золотова 1979: 117]. В зависимости от морфологического выражения предиката автор выделяет предметную, качественную, стательную-динамическую, импрессивную, акциональную рематическую доминанту. Достоинством данной классификации, на наш взгляд, является то, что основные признаки, помогающие различить тип речи, обнаруживаются в рамках не только текстового фрагмента, но и отдельного высказывания.

Наряду с проблемой делимитации текста актуальной в современной лингвистике остаётся проблема выделения минимальных неделимых единиц текста, способных реализовывать тот или иной тип речи. Внутри текста эти единицы комбинируются, перемежаются, переходят «из одного в другой на

разной протяжённости текста» [Валгина 2004: 94], поэтому спорным остаётся вопрос о том, какая структурная единица – абзац, сверхфразовое единство, высказывание – может проявлять тип речи. Об актуальности вопроса свидетельствуют работы Н. С. Валгиной, О. А. Нечаевой, В. В. Одинцова, В. М. Хамагановой и др. исследователей.

На сегодняшний день существует два противоречащих друг другу подхода к пониманию данного вопроса. Одна из точек зрения принадлежит О. А. Нечаевой и основывается на том, что конstituенты функционально-смысловой делимитации текста *описание, повествование, рассуждение* являются речевыми единицами сверхфразового уровня. Говоря, например, об *описании* как функционально-смысловом типе речи, О. А. Нечаева указывает, что для выражения его (*описания*) значения «необходимо несколько одновременных признаков, во всяком случае, не менее двух, притом с условием, что они представляют отдельные суждения в форме предложений» [Нечаева 1974: 38-44]. Тех же взглядов придерживаются В. В. Бабайцева, И. Р. Гальперин, Л. М. Лосева, З. Я. Тураева, Г. Я. Солганик, В. М. Хамаганова и др.

Однако исследователи не исключают возможности функционирования разных типов речи в пределах одной микротемы, т. е. в пределах одного сверхфразового единства (сложного синтаксического целого). Подобные контексты они относят к контаминированным, указывая на то, что в них могут одновременно функционировать два или сразу три типа речи.

Суть второго подхода заключается в том, что «объём» структурной единицы, проявляющей тип речи, «непредсказуем: это может быть отдельное высказывание, построенное по тому или иному типу; межфразовое единство или абзац; некоторый фрагмент текста» [Валгина 2004: 93-94], т. е. проявить тип речи может «отдельно взятое предложение-высказывание» [Валгина 2004: 78], и даже «отдельное предложение может включать различные ‘типы речи’» [Одинцов 1980: 86].

Несмотря на многообразие подходов и противоречивость взглядов вопрос делимитации современного текста в современной лингвистике представлен более-менее ясно и полно, чего нельзя сказать о древнерусском тексте.

1.2. ВОПРОС О ДЕЛИМИТАЦИИ ДРЕВНЕРУССКОГО ТЕКСТА

В диахронии под текстом подразумевается «последовательность семантически выразительных знаков, построенная согласно правилам данного языка и образующая сообщение, идеологически важное для данной культуры [Колесов 1989: 32].

Следует отметить, что древнерусский текст является наименее изученной областью текстового уровня. По мнению исследователей, это объясняется рядом причин: недостаточной разработанностью базовых для интерпретации древнего текста исторических дисциплин, позволяющих признать достаточным объяснение закономерностей смыслообразования в древнем тексте; неизученностью многих древних рукописей, являющихся конкретным проявлением текста; тем, что большинство современных диахронических работ базируется не на первоисточниках, а на материалах, извлечённых из исторических словарей и картотек, что «приводит историков языка к ситуации, когда они в ряде случаев вместо средневековой ментальности (вместо древнерусского текста) изучают логику учёных-лексикографов XIX – XXI вв.» [Пименова 2008: 7-9]. Кроме того, при изучении древнерусского текста не всегда учитываются особенности его организации.

Во-первых, древнерусский текст, в отличие от современного текста, «предстаёт как совокупность синтагменных, рядоположенных формул» [Колесов 2004: 187], «может включать в себя другие тексты» (фрагменты канонических произведений, цитаты) и сам «может быть включённым в состав других текстов» [Ковалёв 1997: 87]).

Во-вторых, тематическое единство, являющееся одним из главных признаков современного произведения, в древнем «макротексте оказывается несущественным», так как в древних текстах «отсутствует разграничение тем: общим предметом сообщения... является «незримое в зримом мире» [Ковалёв 1997: 49].

В-третьих, нерелевантной оказывается определяющая тип, структуру современного текста авторская интенция, формирующая также стиль, основанный на норме. В древнем периоде не существовало еще «индивидуальной творческой потенции», как не было и нормы: «не познана система языка, нет знаний о языке», соответственно не существовало стиля, «стилем являлся штамп», очень часто навязывавшийся «извне – через образцовые, обычно переводные тексты» [Колесов 2004: 21, 154].

В. В. Колесов так определяет особенности древнерусского текста: «Такой текст напоминает древнерусскую икону с разбросанными и внутренне не связанными предметами. Те же, по-видимому, независимые друг от друга, самодостаточные фрагменты текста... которые повествуют о самых различных вещах: о предметах, объектах, свойствах, не связанных внутренней связью ни генетически, ни причинно, ни логически. Только что говорили о похлёбках – и тут же речь о «рабах и слугах». «Вещи» существуют сами по себе, включаясь в мир себе подобных вещей, и потому всегда предстают в целостном своём виде, не в разъятом на drobные признаки, данные через впечатление автора или ощущение читателя; нам явлены не признаки сходства или различия, но органически целые вещи – как полное отражение жизни. ”Реальный реализм” средневекового текста определялся символическими установками сознания, согласно которым всякое материальное в его единственной ценности отражает нечто отвлечённо-высокое» [Колесов 2004: 170].

Перечисленные особенности организации древнерусского текста предполагают, что в основе делимитации древнерусского текста должны лежать другие основания, поэтому те подходы к делимитации текста, которые

выработало синхроническое языкознание, по отношению к древнерусскому тексту не всегда являются релевантными.

Следует заметить, что целостного представления о делимитации текста в диахроническом языкознании не сформировано, однако существует ряд работ, посвящённых структурно-семантическим особенностям конstituентов композиционно-смысловой делимитации текста. Основным типам речи посвящены работы Э. Н. Акимовой, И. А. Антиповой, С. И. Баженовой-Рагриной, М. Вас. Пименовой, А. А. Припадчева, А. А. Селезнёвой, О. М. Шуковой.

Задачи лингвистического изучения конstituентов функционально-смысловой делимитации текста в диахроническом аспекте были сформулированы ещё В. В. Виноградовым, писавшим о необходимости разработки «исторической типологии композиционных форм речи как систем языковых объединений, которые встречаются в ткани литературно-художественных произведений той или иной эпохи» [Виноградов 1980: 70]. Под композиционно-речевыми формами В. В. Виноградов понимает «предельные единицы», «словесные объединения, которые представляют собой не непосредственную «данность» языка, а определённый продукт построения» [Виноградов 1980: 244], имеющие «в каждую эпоху свои композиционные законы сцепления словесных рядов, свои нормы лексических колебаний, свои тенденции внутренней динамики слов, своеобразие семантики и синтактики» [Виноградов 1980: 73]. «Языковая морфология этих стилистических единиц очень невыразительна. Они могут совпадать со словами, фразами, предложениями, с большими синтаксическими единствами, с комплексом синтаксических групп» [Виноградов 1980: 244].

По поводу представленности конstituентов функционально-смысловой делимитации текста в древнерусском тексте учёными высказываются различные, в том числе и прямо противоположные, точки зрения. Например, А. А. Припадчев считает, что «повествовательность жанров не способствовала

развитию таких композиционных форм речи, которые известны современному русскому языку и которые возникли на другом соотношении статического и динамического в осмыслении картины мира, поэтому говорить о современных композиционных формах речи как о сформировавшихся в древнерусский период было бы преждевременным». Учёный относит появление повествовательных, описательных текстов, а также текстов-рассуждений к XIV – XVII вв. [Припадчев 1992: 73, 149].

М. Вас. Пименова полагает, что «к способам организации древнего текста принадлежат, с одной стороны, имеющие современные аналоги описание и повествование, с другой стороны, особый способ текстообразования, ставящий своей целью конкретизацию абстрактного значения (духовного плана) высказывания» – толкование [Пименова 2008: 44]. И лишь начиная с текста «Слова о житии и учении святого отца нашего Стефана» Епифания Премудрого, по мнению М. Вас. Пименовой, «толкование заменяется современным нам функционально-семантическим типом речи – рассуждением» [Пименова 2008: 50]. А С. И. Баженова-Рагина, напротив, считает, что «до XV века “рассуждение” было наиболее развитой текстовой формой с разнообразным выражением внутритекстовых связей, умелым темарематическим членением информации, продуманной композицией и изощрёнными стилистическими украшениями» [Баженова-Рагина 1990: 125].

Делимитация древнерусского текста на синтаксические единицы достаточно условна, так как в древнерусских памятниках знаки препинания «ещё не имели смысловой функции и обозначали лишь членение текста, вызванное потребностью пишущего остановиться с целью “отдохновения”» [Валгина 2004: 8]; «пунктуация в них обычно оказывалась сбивчивой и произвольной» [Мещерский 1995: 230]. Соответственно, использование таких строевых единиц текста, как *предложение, фраза, сверхфразовое единство*, является нерелевантным для диахронического языкознания.

Основной единицей древнерусского текста, по мнению В. В. Колесова, является речевая формула-синтагма. Эти формулы устойчивы, традиционны, они позволяют «сохранить образцовый текст во времени и пространстве, одновременно создавая структуру повествовательных форм», и выбор их предопределён жанром текста. Цельность формулы в древнерусском тексте «формально организуется тремя средствами. Такая формула синтаксически представлена как *синтагма*, ритмически – как *хелиандус*, семантически – как *символ*» [Колесов 1996: 95].

При этом следует указать, что «для древнерусского языка несущественно современное разграничение между синтагмой и предложением в случаях, когда основным свойством предложения является предикативность» [Колесов 1989: 137-138], т. е. синтагма древнерусского текста – «это не только всякое парное сочетание слов, члены которого соотносятся как определяющее и определяемое», это также сочетание слов, основанное на предикативности [Колесов 1989: 22].

В лингвистике существует ряд терминологических определений для данных единиц: формулы (А. С. Орлов), цельные / застывшие / шаблонные сочетания (А. М. Пешковский), традиционные устойчивые сочетания / литературные формулы (О. В. Творогов), устойчивые словосочетания / трафаретные выражения / устойчивые сочетания на метонимической основе (Л. Я. Костючук), словесные «сращения» (А. Н. Робинсон), словесные формулы (Д. С. Лихачёв), синкретемы (М. Вас. Пименова).

Термин *синкретема*, предложенный М. Вас. Пименовой, является, на наш взгляд, наиболее целесообразным, так как термин используется не изолированно, а входит в терминологическую систему, находясь в одном ряду, во-первых, с терминами *синкрета*, *синкретизм*, *синкретсемия*, а во-вторых, с терминами, указывающими на минимальные единицы различных языковых уровней – *фонема*, *морфема*, *лексема* и под. [Пименова 2007: 53].

Под синкретемой вслед за М. Вас. Пименовой мы понимаем относительно устойчивые лексические единицы, в которых «формами одного слова» выражаются «семантические отношения нескольких генетически неразрывных значений, которые сосуществуют в языке и одновременно актуализируются в тексте / речи (семасиологический тип семантического синкретизма (от греч. συνκρητισμός – соединение)); и, соответственно, единицы, в которых «одно синкретичное значение выражается узуально закреплёнными в языке формами двух и более лексико-грамматически связанных слов» (ономасиологический тип семантического синкретизма) [Пименова 2007: 52].

М. Вас. Пименова выделяет следующие структурно-семантические типы синкретем:

1) синкретемы *парадигматического структурно-семантического типа*, соединённые паратактической (сочинительной) связью: *парные именованья* – устойчивые двухкомпонентные сочетания, представляющие собой сочинительное соединение семантически связанных лексических единиц, реализующих нерасчленённое значение парности (*радость и веселье, хлеб и соль* и т.п.); *двандва* – «модель сочетания формульного типа, удвоение видовых понятий, в котором образуется родовое понятие сакрального смысла», это и устойчивые сочетания, компоненты которых представлены антропонимами (*Петръ и Павелъ, Борисъ и Глѣбъ* и т.п.);

2) синкретемы *синтагматического структурно-семантического типа*, соединённые подчинительной связью: *атрибутивные сочетания* (словосочетания с постоянными эпитетами (*добрый молодец*)), словосочетания с устойчивыми книжными атрибутами (*святый духъ*)); *глагольные синкретемы* (описательные глагольно-именные обороты (*сътворити миръ*)); *предикативные конструкции* (интенсифицирующие (*бысть съча зла*)), аксиологические (*тѣломъ бяше краснь*)); *устойчивые сравнительные обороты* (*акы волци*);

3) синкретемы *эпидигматического структурно-семантического типа* (этимологические фигуры (*свет светлый*)).

В качестве структурных единиц древнерусского текста более высокого порядка исследователи называют также *континуум оценочных единиц*, *мегатекст*, *макротекст*, *микротекст* (Н. С. Ковалёв), *структурно-смысловый блок* (Э. Н. Акимова), *словесный ряд* (В. В. Виноградов, А. И. Горшков, М. Вас. Пименова).

Вводя понятие *континуум оценочных единиц*, Н. С. Ковалёв исходит из вопроса о различиях между единицами горизонтали и вертикали текста. Однако, как отмечает Н. С. Ковалёв, этим понятием не исчерпывается определение способа организации единиц текста. Оно включает в себя факты взаимосвязи этих единиц. Отношения единиц линейного плана являются отражением вертикальных связей. Н. С. Ковалёв вводит в исследование такие разноуровневые текстовые единицы, как *мегатекст* («обобщённое обозначение системы нормативных текстов эпохи»), *макротекст* («речевое произведение, отвечающее критериям текстуальности и функционирующее в системе жанрово-стилевых форм подобных смысловых образований»), *микротекст* («функционально-смысловой или композиционный отрезок макротекста») [Ковалев 1997: 18], объясняя это тем, что древнерусские тексты являются «моделируемыми системами, в которых часть смыслообразующих компонентов и их главные функции заданы мегатекстом» [Ковалев 1997: 46]. Соответственно, в данной иерархии текстовых единиц минимальной единицей выступает микротекст, а макротекст и мегатекст являются единицами более высоких уровней системы объекта, на которых интегрируются свойства словоформ, высказываний, композиционных блоков [Ковалев 1997: 46].

Указывая на «блочный» принцип организации древнерусского текста, Э. Н. Акимова предлагает считать основной мельчайшей единицей древнерусского текста *структурно-смысловый блок*, представляющий собой отрезок текста больший, чем предложение. Структурно-смысловые блоки – это

относительно целостные в информативном отношении компоненты произведений с особой структурно-смысловой организацией. Блок образуется последовательностью предикативных единиц, которые выполняют в составе блока определённую текстообразующую функцию. Набор функций, выполняемых предикативными единицами в пределах блока, и последовательность этих единиц задаются особыми моделями – типовыми схемами, которые состоят из трёх частей: зачина, развёртывающей части и концовки. Пограничным сигналом между блоками служит разрыв тематической прогрессии [Акимова 2006].

Словесный ряд как строевая единица текста рассмотрен в работах В. В. Виноградова и А. И. Горшкова.

Вслед за В. В. Виноградовым, главным признаком текста А. И. Горшков считает внутреннее композиционно-смысловое единство, другими словами, специфику «присущей ему организации и динамики языковых единиц, т. е. специфику его лингвистической композиции» [Горшков 1983: 42]. Языковыми единицами лингвистической композиции текста А. И. Горшков предлагает считать *словесные ряды*. «Словесные ряды, движение, чередование и развёртывание которых выражает композиционную структуру текста» исследователь понимает широко: «это не только собственно словарные, лексические ряды, но и ряды всех других языковых единиц и единств, т.е. ряды, которые могут вместиться в слова или составиться из слов» [Горшков 1983: 44]. Конкретное лингвистическое наполнение понятия *словесный ряд* зависит от типа текста, путей и задач исследования. В общем плане словесный ряд А. И. Горшков определяет как «последовательность (не обязательно непрерывную) представленных в тексте языковых единиц разных ярусов, объединённых композиционными функциями и соотнесённостью с определённой сферой языковой коммуникации или определённым приёмом языкового выражения» [Горшков 1984: 18]. Исследователь указывает на главное свойство словесного ряда – «его смысловое, содержательное

наполнение». По мнению автора, «словесный ряд не образуется лишь общностью некоторых формальных признаков – фонетических, морфологических, синтаксических, словообразовательных, лексических, но выступает именно как ряд (а не просто набор) компонентов текста, выполняющих определённые семантические и экспрессивные функции» [Горшков 1983: 46-47].

Количество и качество словесных рядов в тексте может быть различным, а формы – разнообразными; словесные ряды могут находиться в различных отношениях: чередоваться, переплетаться, преобразовываться один в другой. Кроме того, развёртывание словесных рядов в тексте «имеет чётко выраженный исторический аспект», так как находится в прямой зависимости «от специфики соотношения плана содержания и плана выражения в тексте, от приёмов словесного отображения и изображения действительности, которые не остаются неизменными в процессе исторического развития» [Горшков 1984: 18].

М. Вас. Пименова вводит понятие *эвалюативный словесный ряд* (франц. *evaluatif* – оценочный) – законченный в смысловом отношении отрезок письменной речи, эксплицирующий оценочное значение. К эвалюативным словесным рядам М. Вас. Пименова относит «выражающие частно-оценочное значение сублимированного типа на уровне макроконтекста функционально-семантические единицы текста: *эвалюативное описание*, предполагающее перечисление соответствующих / несоответствующих эстетическому идеалу постоянных признаков объекта оценки, *эвалюативное повествование*, характеризующее объект оценки через развивающиеся действия или состояния и актуализирующее значение 'делающий / создающий что-либо в соответствии с эстетическим идеалом' / 'поступающий вне эстетического идеала, что приводит к эстетической пейоративности', и *эвалюативное толкование*, оценивающее объект путём установления его совпадения / несовпадения с

каким-либо отвечающим эстетическим требованиям одушевлённым / неодушевлённым объектом-эталоном [Пименова 2007: 98].

В соответствие понятию *эвалюативный словесный ряд*, предложенному М. Вас. Пименной, мы предлагаем использовать понятие *дескриптивный словесный ряд* – законченный в смысловом отношении отрезок письменной речи, эксплицирующий описательное значение. Следует указать, что дескриптивный словесный ряд является формульной конструкцией. Причём под формулой мы предлагаем понимать не относительно устойчивые лексические единицы, выступающие в качестве минимальных единиц древнерусского текста, а определённую формально-структурную схему, отличающуюся лексическим наполнением, воспроизводимость которой связана с нормативностью текста-образца.

1.3. ОПИСАНИЕ КАК ФУНКЦИОНАЛЬНО-СМЫСЛОВОЙ ТИП РЕЧИ

Мышление человека организовано таким образом, что, познавая какую-либо реальность, он стремится выделить «замеченные им признаки предмета и на этой основе создаёт себе представление о вещи в целом» [Колесов 2014: 543]. Следует отметить, что *описание*, или *дескрипция* (от лат. describe – описывать), рассматривается в нескольких сферах научного знания.

В *математике* под *дескрипцией* понимаются специальные конструкции, применяемые к формулам (предикатам), содержащим по крайней мере одну свободную переменную, которую они в таких случаях «связывают», преобразуя данное выражение в обозначение единственного объекта, являющегося значением этой переменной. То есть, по сути, математические дескриптивные конструкции выполняют роль имён собственных [БСЭ 1972: 134].

В *философии* под *описанием* понимается упорядоченное изложение обстоятельств дела с целью вызвать ясное и отчётливое представление о

сообщае́мом. Описание придерживается фактов, его интересует, «что» и «как», в то же самое время описание помогает раскрыть и причины, объяснить «почему» и «отчего». Способ описания в философии является одним из методов (дескриптивный, описательный метод) [ФЭС 2007: 318].

В *логике* под *описанием* понимается языковое выражение, служащее для обозначения единичных объектов посредством изображения их свойств, качеств или отношений к другим объектам. Дескрипцией являются, например, такие выражения, как «самый глупый человек на земле», «изобретатель колеса» и т. п. [ФЭС 2004: 227]. Основной функцией логической дескрипции является раскрытие структуры соответствующего ей индивидуума, сообщение о нём дополнительной информации. Употребление дескрипции в логике аналогично употреблению артиклей или заменяющих артикли выражений типа «тот, который» и т. п. в естественных языках. Однако логическая дескрипция отличается от описательных форм выражений естественного языка определённой экстенциональностью контекста: объект логической дескрипции обязательно существует и всегда единствен [ФЭС 1983: 149].

В *словесности* термин *описание* стал употребляться с середины XIX века и вслед за П. Е. Георгиевским определялся как «представление отдельно существующего в пространстве предмета, передача его признаков, действий и отношения к другим предметам». В дальнейшем термин *описание* приводился в литературоведческой справочной и учебной литературе, где характеризовался как «изображение предмета» [Нечаева, 1974: 34].

Собственно *лингвистическое* изучение *описания* начинается с работ О. А. Нечаевой, которая определяет его как «функционально-смысловой тип речи, являющийся ее типизированной разновидностью как образец, модель монологического сообщения в виде перечисления одновременных или постоянных признаков предмета в широком понимании и имеющий для этого определенную языковую структуру» [Нечаева, 1974: 94]. При этом подходе

вслед за О. А. Нечаевой *описание* рассматривается в двух аспектах: содержательно-тематическом и формально-грамматическом.

В основу содержательно-тематического аспекта положено семантическое наполнение описательной единицы, в основу формально-грамматического – её языковое выражение. Оба аспекта взаимосвязаны, и всё же исследователи указывают на то, что «смысловые параметры» являются определяющими при рассмотрении функционально-смысловых типов речи: «функция и смысл... создают характерологические признаки текста» [Валгина 2004: 75], «именно смысловая цельность, законченность позволяет выделять логические единства» (функционально-смысловые типы речи) [Одинцов 1980: 103].

Содержательной стороной описания является репрезентация законченной микротемы, в которой могут быть представлены следующие содержательно-тематические виды описания: пейзаж (описание места действия, природы), портрет (описание действующего лица), описание события (условий, ситуации, состояния действительности), описание предмета (деталей, из которых он состоит). Причём в одном описательном фрагменте не может быть двух тем, появление другого денотата свидетельствует о реализации другой текстовой единицы «описание» [Хамаганова 2003: 30].

В основе формально-грамматического аспекта лежит языковая структура высказывания. Описание, как и другие функционально-смысловые типы речи, является системой языковых объединений, однородной формой словесной композиции. Выбор языковых средств, наполняющих каждый конкретный тип речи, порядок их следования зависит от многих факторов: от стиля, жанра литературного произведения, от авторской интенции, принадлежности автора к определённому литературному направлению и т. п. Однако для каждого функционально-смыслового типа существует «какая-то идеальная форма, в которой ясно, в чистом виде выражен тип структуры» [Брандес 2011: 74].

Под структурой описания понимается её конструкция, «строй мысли», выраженный через категории пространства и времени [Брандес 2011: 75].

О. А. Нечаева пишет, что « для выражения значения описания необходимо несколько одновременных признаков, во всяком случае не менее двух, притом с условием, что они представляют отдельные суждения в форме предложений. Внутренняя необходимая связь в таких суждениях и предложениях выражается значением одновременности этих явлений» [Нечаева, 1974: 43]. Ц. Тодоров отмечает, что структура описательного предложения представлена двумя аспектами: деноминативным и предикативным. В качестве деноминативного аспекта (*denomination* – фр. «называние») выступает *субъект* предложения, называющий объект описания или указывающий на него, а его дескриптивные аспекты образует сказуемое (предикат), в котором раскрываются признаки объекта описания. То есть «описание целиком сосредоточено в предикате» [Тодоров 1978: 453].

Остановимся на формах выражения субъекта и предиката. Субъект может быть представлен как именительным падежом имени, так и другими предложно-падежными формами, а также наречием (О. А. Селеменова, В. М. Хамаганова). Что касается предиката, то, так как цель описания – отразить суть предмета, его свойства, признаки, чаще всего предикат выражается именами прилагательными и существительными, реже – глагольными формами и наречиями¹. Глаголы в описаниях обозначают не последовательную смену деталей, частей, а их «расположение на одной плоскости, как бы на одном живописном полотне» [Горшков 2010: 125]. Используются преимущественно глагольные формы несовершенного вида прошедшего и настоящего времени, причём, как отмечает В. В. Виноградов, «формы настоящего времени используются в описаниях лишь в широком контексте, когда в изложении уже ясно обозначился план прошлого» [Брандес 2011: 83]. О. А. Нечаева отмечает, что формами настоящего времени чаще всего выражаются глаголы в научно-техническом или деловом описании, а формами

---

¹ В.В. Колесов указывает, что древнейшим средством фиксации признаков были причастия, впоследствии они разложились на прилагательные и глаголы, одинаково способные передавать признаки в любой форме [Колесов 2014а: 543].

прошедшего времени – глаголы в художественном описании. Употребление форм настоящего времени в научном, научно-техническом и деловом описании исследователь объясняет тем, что в этих видах описания перечисляются постоянные признаки предметов, которые обычно имеют форму настоящего времени. Кроме того, О. А. Нечаева указывает на невозможность сочетания в одной микротеме настоящего, прошедшего и будущего времени, которое свойственно другому типу речи – повествованию [Нечаева 1974: 50-52].

Н. С. Валгина указывает, что, кроме вида и времени глагола, при определении типа речи важно учитывать характер глагольного предиката, так как один и тот же глагол может обозначать разные виды движения. Например, глагол *идёт* в предложениях *Поезд идёт* и *Дождь идёт*. Как отмечает Н. С. Валгина, «в первом случае субъект, являясь продуктом человеческой деятельности, сам активно действует (субъект артефакт), фраза свидетельствует о повествовательном контексте. Во втором случае перед нами природная субстанция (субъект натюрфакт), этот контекст описательного типа». В первом предложении глагол *идёт* обозначает активное действие, во втором – «это движение, замкнутое на самом субъекте, именно поэтому глагол здесь может быть опущен без ущерба для смысла. Такие трансформации в предложении *Поезд идёт* практически невозможны», так как *Поезд* может *стоять*, «тогда как *Дождь* *стоять* не может – он всегда *идёт*» [Валгина 2004: 78-79].

Если описание представлено не единичной предикативной конструкцией, а сверхфразовым единством, то структура описания характеризуется «собственными качествами, которые не сводятся к качествам составляющих их предложений, а определяются структурной связью предложений» [Брандес 2011: 74].

Вопрос структурной организации сверхфразового единства, несмотря на большое количество работ, ему посвящённых, до сих пор остаётся одним из самых актуальных в лингвистике текста. В. В. Одинцов указывает, что единицы логического единства «могут либо образовывать последовательность, либо

располагаться рядом, быть параллельными». Соответственно, в основе анализа структуры сверхфразового единства должны лежать два типа связи – последовательность (цепь) и параллельность (охват). Описание, как правило, представляет собой сумму равноправных признаков, характеризующихся параллельной структурной организацией. Однако автор допускает и последовательность описательных компонентов внутри сверхфразового единства, так как последовательность может приобретать «разный характер в зависимости от логических отношений элементов (простая последовательность, причинно-следственные отношения; отношения подчинения, совмещения, переименования и др.) и в зависимости от их сущностной основы» [Одинцов 1980: 95-96].

Г. А. Золотова считает, что одним из главных организаторов связности текста является категория актуального членения предложения. В пределах текстового фрагмента выделяются слова, несущие на себе логическое ударение. В зависимости от морфологического выражения этих слов можно выделить следующие виды описания: описание с качественной, предметной, импрессивной ремой и ремой динамического состояния. [Золотова 1979]. Наиболее распространённый вид описания – с качественной или предметной ремой, где логически выделяются «имена качества или названия предметов» [Валгина 2004: 80].

В. М. Хамаганова для характеристики структуры описания вводит понятие *актантного ядра*, как «деривационной основы» описательного текста. В состав актантного ядра входят «актанты, номинирующие структуру пространства» и «актанты, перечисляющие предметы, наполняющие описываемое пространство». Актанты структуры пространства находятся в тематической части предложений-высказываний, входящих в сверхфразовое единство, предметные актанты пространства содержатся в рематической части. Выстраивание членов актантного ядра в описании мотивируется

имманентными свойствами физического пространства и логикой восприятия внеязыкового предметного ряда [Хамаганова 2003: 300 – 302].

Структуру описания могут составлять номинативные предложения, «в которых обозначается только наличие, бытие предметов или явлений и не выражается действие или состояние», но для этого номинативные предложения, по мнению О. А. Нечаевой, «должны быть в описательном контексте» [Нечаева 1974: 43].

Исследователи выделяют следующие виды *описания*.

Визуальное описание и *описание-характеристика*. «В визуальном описании номинированы признаки объекта, конкретные, наблюдаемые в определённый момент времени» [Хамаганова 2003: 26-27].

Внутри визуального описания на основе анализа статальности / динамичности признаков описываемого объекта Ж. В. Николаева выделяет *синхронное бытийно-статальное описание* (как основную разновидность описательного типа речи) и *контаминированное бытийно-процессуальное описание* (с изменяющимися признаками, с чередованием явлений, бытийно-протяжённое описание пространства, изменяющегося при передвижении наблюдателя). Выделение контаминированных разновидностей описания обусловлено различием в отношении временного характера описываемых явлений. Ж. В. Николаева подчёркивает, что такие фрагменты текста не являются типичными структурами для описания, так как в них подчёркиваются последовательные детали, черты, признаки описываемого предмета, показанные в процессе развития. Однако в данном типе сохраняется ситуативная, бытийная функция, и объект описания характеризуется через ряд признаков-процессов, а не действий [Николаева 2002: 11 – 13].

Визуальному описанию исследователи (М. П. Брандес, Л. М. Лосева, О. А. Нечаева, Ж. В. Николаева, В. В. Одинцов, Г. Я. Солганик, Т. Б. Трошева, В. М. Хамаганова) противопоставляют *характеристику* – особый вид описания, отличающийся семантическими отношениями входящих в неё

понятий и грамматическими формами времени предикатов предложений, составляющих описательный текст, которым свойственна «относительная независимость от времени, отсутствие чётких временных границ существования связи между субъектом и приписываемым ему признаком...» [Булыгина, Шмелев 1997: 51]. Характеристика представляет собой «такую группу контекстов, в которых происходит констатация и перечисление постоянных признаков, которые вообще свойственны личности, предмету, географическому объекту и т. д.» [Николаева 2002: 14]. Все признаки, составляющие характеристику, являются равноправными, а их последовательность определяется характеризуемым объектом [Одинцов 1980: 95 – 96].

К языковым средствам формирования характеристики Ж. В. Николаева относит предикаты со значением свойства, различные обстоятельства (*всегда, беспрестанно, постоянно*), постоянный характер самого объекта описания (характеристика географических объектов).

Под характеристикой часто понимают собственно характеристику человека, стремясь указать его отличительные, существенные признаки. О. А. Нечаева выделяет два вида характеристики человека: биографическую и характеристику, обозначающую черты характера и наклонности человека. Первый вид представляет собой группу признаков, содержащих фактические данные, не всегда требующие доказательств. Вторым видом содержит признаки, которые могут нуждаться в доказательствах, так как основаны на биографических данных, – это характеристика человека с точки зрения его занятий [Нечаева 1974: 75]. Данный вид характеристики Ж. В. Николаева рассматривает как особую разновидность контаминированного описания, указывая, что в структурном плане данные высказывания сближаются с повествованием [Николаева 2001].

Л. Н. Омельченко квалифицирует характеристику как монологическую речь переходного типа, совмещающую признаки описания, повествования и

рассуждения. Близость характеристики и повествования как типа речи просматривается в повторяющихся, нелокализованных во времени действиях, рассматриваемых как признаки объекта действительности. С рассуждением же характеристику сближает наличие оценки объекта описания [Омельченко 1998: 14-16].

Статическое (прерывающее развитие действия) и *динамическое* (не приостанавливающее действие, включённое в событие) описание. Сущность динамического описания – описание одновременного (точнее, с очень маленькими временными интервалами) протекания действия в ограниченном пространстве... В основе динамического описания – действия» [Брандес 1990: 72 – 73]. Динамическое описание используется для показа внешних событий, кроме того, оно может служить средством острых, тонких психологических зарисовок – при изображении переживания, динамики внутреннего состояния героя [СЭС 2006: 269]. М. П. Брандес выделяет динамическое описание событий и динамическое описание переживания. В. А. Кухаренко выделяет динамический портрет и динамический пейзаж. Динамический портрет, помимо характерологической функции, выполняет и функцию актуализатора связности текста, объединяя разные фрагменты, порой рассредоточенные по всему тексту, в единое портретное целое. Подобным описаниям свойственна контаминация с повествованием и создание динамической картины изменяющейся внешности персонажа [Кухаренко 1988: 136-137]. Динамический пейзаж отражает динамические процессы, происходящие в природе: ураганы, землетрясения, цунами, извержение вулкана. Кроме того, он «символизирует о смене сюжетного хода, то есть выступает в композиционной функции переключателя действия» [Кухаренко 1988: 139].

Первичные и вторичные описания. «В отличие от первичных, связанных с естественным языком, вторичные организуют аналитически обработанный язык, который оформляет вторичную информацию, прошедшую рефлексивную трансформацию» [Брандес 2011: 77-78]. Вторичные описания представлены в

научной, технической литературе, журнальных и газетных публикациях, в официальных документах», а также в художественной литературе. Основное отличие первичных описаний от вторичных – в видах пространства, с которыми они имеют дело. Первичные описания – это конструкт реального пространства, вторичные – конструкт пространства в сознании [Брандес 2011: 89].

Если в синхронии, несмотря на некоторые нерешённые вопросы, описание предстаёт как достаточно изученный функционально-смысловой тип речи, то его диахроническое изучение только начинается.

Следует указать, что изучением *описания* в древнерусских текстах до недавнего времени занималось преимущественно литературоведение, которое рассматривало отдельные содержательно-тематические виды описания: портрет (Д. С. Лихачев, А. Б. Никольская, В. А. Ромодановская, Е. К. Ромодановская, О. В. Творогов и др.) и пейзаж (Т. Ф. Волкова, В. В. Данилов, Х. М. Лопарев, А. Б. Никольская, А. Н. Ужанков и др.). Ученые указывают на единообразие описаний в древнерусском тексте, их этикетность и традиционность, что связано с архаическим восприятием мира средневековым человеком.

В лингвистическом плане *описание* в диахронии не подвергалось специальному исследованию. Отдельные аспекты описания затронуты в работах Э. Н. Акимовой, Ф. И. Буслаева, Е. И. Зиновьевой, В. В. Колесова, Н. А. Мещерского, М. Вас. Пименовой, А. А. Селезнёвой, О. М. Шуковой.

Наиболее значительной работой об описании в диахронии нам представляется исследование М. Вас. Пименовой. В своей работе «Красотою украси» М. Вас. Пименова рассматривает эвалюативное описание как функционально-семантическую единицу текста, выражающую «частнооценочное значение сублимированного типа на уровне макроконтекста». Эвалюативное описание, по М. Вас. Пименовой, представлено в древнерусских текстах двумя структурными типами: *описательными словесными рядами*, основанными «на перечислении статичных соответствующих / несоответствующих идеалу постоянных

признаков одушевленных / неодушевленных объектов оценки (ключевыми компонентами которого являются синтагмы с атрибутивными формами)» и *текстовыми конструкциями*, где описание выступает как основной способ организации (к таким конструкциям М. Вас. Пименова относит иконописные подлинники, кабальные записи и травники) [Пименова 2007: 96-111].

Итак, обобщив работы исследователей, предлагаем следующее определение *описания*. Описание (дескрипция) представляет собой языковую экспликацию познания как процесса определения внешних и внутренних характеристик, свойств, элементов объекта действительности

Структурно описание в древнерусском тексте выражено имеющей символический смысл формульной конструкцией, представленной в виде линейной, обладающей относительной смысловой и структурной законченностью последовательности двух логически зависимых друг от друга элементов: номинативного элемента, обозначающего объект действительности, подвергшийся описанию (слово-символ), и дескриптивного элемента, содержащего признаки, свойства, качества означенного объекта действительности.

Придерживаясь традиции, сложившейся в синхроническом языкознании, мы будем рассматривать описание в двух аспектах: формально-грамматическом и содержательно-тематическом, то есть будем рассматривать языковую структуру описательной единицы и ее семантическое наполнение.

Выводы

Итак, в первой главе диссертационной работы нами освещён вопрос о делимитации текста, названы различные подходы к делимитации современного текста, отличие которых связано с лингвистической или экстралингвистической сущностью, размером выделяемых единиц, с разными формами и аспектами реализации коммуникативной направленности. Сделана попытка обобщить

сведения о делимитации древнерусского текста и структурно-семантических особенностях единиц текста, рассматриваемых в рамках функционально-смыслового подхода: описания, повествования, рассуждения и толкования.

Мы связываем рассмотрение вопроса о делимитации текста с вопросом о выделении минимальной, вычленяемой единицы текста, способной проявить тот или иной тип речи, поэтому нами рассмотрены также два подхода к пониманию данной проблемы, авторы одного из которых считают функционально-смысловые типы речи единицами сверхфразового уровня, авторы другого указывают на то, что проявить тип речи может отдельно взятое предложение-высказывание. Далее в главе нами освещён вопрос о минимальных структурных единицах древнерусского текста, исследование которых представлено в трудах В. В. Колесова, М. Вас. Пименовой, Н. С. Ковалева, Э. Н. Акимовой и др.

В первой главе диссертационной работы представлены также различные подходы к *описанию* (дескрипции) в следующих сферах научного знания: математике, философии, логике, словесности; представлены аспекты изучения описания как типа речи в лингвистике: содержательно-тематический и формально-грамматический; виды описания, выделяемые синхроническим языкознанием: визуальное описание и описание-характеристика; статическое (прерывающее развитие действия) и динамическое (не приостанавливающее действие, включённое в событие); первичное и вторичное; а также затронут диахронический аспект изучения описания.

ГЛАВА 2

СТРУКТУРА ДЕСКРИПТИВНЫХ СЛОВЕСНЫХ РЯДОВ

2.1. ДЕСКРИПТИВНЫЙ СЛОВЕСНЫЙ РЯД

Данная глава посвящена рассмотрению структуры основных видов минимальных, вычленяемых, повторяющихся единиц древнерусского текста, главной функцией которых является описание действительности. Для обозначения данных единиц мы предлагаем ввести понятие *deskриптивный словесный ряд*.

Deskриптивный словесный ряд представляет собой линейную, обладающую относительной смысловой и структурной законченностью последовательность двух логически зависимых друг от друга элементов: *номинативного элемента*, обозначающего объект действительности, который подвергается описанию, и *deskриптивного элемента*, содержащего собственно описание означенного объекта действительности.

2.1.1. Номинативный элемент deskриптивного словесного ряда

Номинативный элемент служит номинацией объекта действительности, подвергающегося описанию, и определяет содержательно-тематический вид deskриптивного словесного ряда: описание места действия, природы, действующего лица, события (условий, ситуации, состояния действительности), предмета (деталей, из которых он состоит).

Номинативный элемент может иметь разное грамматическое выражение: может быть выражен **собственным / нарицательным, одушевлённым / неодушевлённым именем существительным в именительном падеже** (*Бъ же Глѣбъ милостивъ на убогия и странънолюбивъ, тѣхъ имѣя къ церквамъ, тепль на вѣру и кротокъ, взоромъ красенъ* [ПВЛ: 212]; *И бысть в шестую*

годину дни, начаша появляватися погании измаилтяне в полъ, бѣ бо поле чисто и велико зѣло [Лет. пов. о Кул. бит.: 122]; И бѣше дотолъ, преже видѣти, была Москва град великъ, град чуденъ, градъ многочеловѣченъ, в нем же множество людей, в нем же множество господства, в нем же множество всякого узорочья. И пакы въ единомъ частъ измѣнися видѣние его, егда взят бысть, и погъченъ, и пожженъ. И видѣти его нѣчего, развѣ токмо земля, и персть, и прах, и пепел, и трупиа мертвых многа лежаща, и святыа церкви стояще акы разорены, акы осиротѣвши, акы овдовѣвши [Пов. наш. Тохт.: 202]; И стояше клубокъ на гробѣ Онаньинѣ златъ с каменемъ драгомъ с жемцюзгом украшеным, полнъ мура и ливанъ, и стекляницу, того не видихом [Сказ. Вавил.: 184]); **именем существительным в косвенном падеже** (Татарове возбояшесе, видя Еунатия крѣпка исполина [Пов. о раз. Ряз. Бат.: 192]; Таче благослови и старѣцъ и повелѣ великому Никону остриги и, прозвутеру тому суцю и чѣрноризыцю искусьну, иже и поимъ блаженаго Феодосиа и по обычаю святыихъ отѣцъ остригы и облече и въ мѣнишьскую одежду [Жит. Феод. Печ.: 318]; И видѣ мѣсто то велми прекрасно и многолюдно [Лег. о Кит.: 214]); **притяжательным прилагательным** (Бориса же Вячеславлича слава на судѣ приведе, и на Канину зелену наполому постла за обиду Олгову, храбра и млада князя [Сл. о полку Иг.: 376]); **местоимением** (та бѣ мудра зѣло [Суды Сол.: 74]; И видѣвъ ю добру суцю лицем и смыслену велми [ПВЛ: 74]); **сочетанием слов** (Такъ бо бѣше блаженный князь Ярополкъ кротокъ, смиренъ, братолюбивъ и ницелюбецъ, десятину дая от всихъ скотъ своих святѣй Богородици и от жита на вся лѣта, и моляше Бога всегда [ПВЛ: 218]; И выступи мужъ Володимѣръ, и възрѣвъ печенѣжинъ и посмѣяся, — бѣ бо средний тѣломъ [ПВЛ: 138]; Бѣ бо нѣкый царь велий и славенъ, бысть же ему шествовати на колесницѣ позлащенѣ и окрестъ его оруженници, якоже подобаетъ царемъ; усрести два мужа растерзанамы ризамы и сквернымы оболчена суца, худа же лицемъ и зѣло поблѣдѣвшиа [Пов. Варл. Иоас.: 198]; Князи же, племя Ростиславле, милостиви суть и до хрестыянства добръ, той

день стоаше на побоици [Пов. о бит. на Лип.: 124]; Преставися Пиньский князь Юрьи, сынъ Володимировъ, кроткый, смиренный, правдивый [Гал.-Вол. лет.: 424]; Настоящее же да глаголется еже о епископъ Стефанъ, еже бысть муж добродѣтеленъ, иже житиємъ благоговѣинъ, иже из дѣтства сердечною чистою свѣтлѣашеся [Жит. Серг. Рад.: 374]; Въ то же время во святаго Георгия монастыри бѣ нѣкий человекъ яко уродъ ся творя, прозорлива же дара имѣа от Бога благодать [Пов. о пут. Иоан. Новгород.: 460]).

Следует отметить, что достаточно частотны случаи включения в состав номинативного элемента сочетаний с творительным идентификационным падежом. Сочетания с творительным идентификационным падежом характеризуют человека по имени и состоят из собственного имени существительного и существительного *имя* в творительном падеже [Рыкин 2014: 61-62]. Например: Боголюбивому князю Ярославу любяще Берестовое и церковь ту суцую Святыхъ апостолъ и попы многы набдяцую, и в них же бѣ прозвутерь, именемъ Ларионъ, мужъ благъ, и книженъ и постникъ [ПВЛ: 170]; Яко се бысть другый черноризецъ, именемъ Исакий, яко еще суцую в мирьскомъ жити и богату суцую ему, бѣ бо купецъ, родомъ торопчанинъ, и помысли быти мнихомъ, и раздая имѣние свое трѣбуюцимъ и по монастыремъ, иде къ великому Антонию в пещеру, моляшеся ему, дабы створиль черноризыцемъ [ПВЛ: 204]; Бѣ же и другий братъ, именемъ Матфѣй, той бѣ прозорливъ [ПВЛ: 202]; Того же лѣта безбожный царь Ахмут Кичиахметевич со всею Ордою поиде на Русь, и подшед близ Руси, и остави у цариц старых и болных и малых, и поиде съ проводники непутма, и проиде к рецѣ Окъ под город под Олексин с литовского рубежа, а въ градъ том бѣаше воевода, именем Семион Васильевичъ Беклемишевъ, человекъ на рати велми храбръ [Северн. лет. свод 1472: 438]; Бысть в Мунтъянской земли греческыя вѣры христианинъ воевода именем Дракула влашескимъ языком, а нашимъ — диаволь. Толико зломудръ, якоже по имени его, тако и житие его [Сказ. Драк.: 554].

Наш материал показывает, что творительный идентификационный падеж может выступать в качестве характеристики неодушевленного предмета. Например: *Иже и многа мѣста обѣидше, послѣди же приидоста и обрѣтоша мѣсто красно зѣло, имуще и рѣку близ, именем Кержачь, идѣже нынѣ монастырь стоит честное Благовѣщение пречистыа владычица наша Богородица* [Жит. Серг. Рад.: 370].

Как показывает наш материал, идентификационную функцию может выполнять также **страдательное причастие настоящего времени** (*Царю же на смирение мое призрѣвшу, и милосердие показавшу, и остави мя по воли творити, и избравшу достойнаго таковаго пастыря Христова словеснаго стада, духовнаго и искуснаго в божественной и челоуѣческой мудрости старца, Тихона глаголема, словесна и мудра зѣло, иже бысть послѣже архиепископъ великаго и новопросвещеннаго, Богомъ спасаемаго града Казани и иных градов прѣвопрестолник* [Дух. грам. Евф. Турк.: электронный ресурс]; *Побиени же от него стратилати, або ротмистры, мнози мужие храбрые и искусные в военных вещах: Андрѣй, глаголемы Каишкарровъ, муж славны в знамянитых своихъ заслугахъ, и братъ его, Азарий именемъ, такоже муж разумны и во Священных Писаниях искусный, з дѣтками погубленъ и братиею ихъ, Василей и Григорей, глаголемы Тетерины* [Ист. о вел. кн. Моск.: электронный ресурс]; *Потомъ убьенъ от него Петръ Оболенский, глаголеми Сребреный, сниклицкимъ саномъ украшен и муж нарочитъ в воинстве и богатъ* [Ист. о вел. кн. Моск.: электронный ресурс]), **а также предикативная конструкция** (*Прилучи же ся в то время старецъ Кирилова монастыря, ему же имя Дионисие, художествомъ часовникъ* [Расск. о смерти Пафн. Бор.: 482]; *Воздвизаетъ бо нѣкоего от христианска народа, мужа от рода неславна, но смысломъ мудра, егоже прозваниемъ нарицаху Козма Мининъ, художествомъ бяше преже говядаръ* [Из Хрон. 1617 г.: электронный ресурс]).

Позиция номинатива в дескриптивном словесном ряду может быть различной. Номинатив может быть препозитивен, то есть может располагаться

перед дескриптивным элементом. Например: «*Потом придет ти человѣкъ, красенъ лицемъ, вдай же ему в руцѣ все оружие свое*» [Сл. Мерк. Смол.: 204]; *Таже вижду ишедша из гроба старца съда брадою* [Жит. Зос. и Савв. Солов.: электронный ресурс].

Номинатив может быть постпозитивен, то есть может располагаться после дескриптивного элемента. Например: *По временех же доволных диаволь побѣдився съ блаженным в различных провидѣнних, всуе тружався купно съ бѣсы своими: аще и многаа различная мечтаниа наведе, но обаче ни въ ужасть может въвреци тврѣдаго оного душею и храбраго подвижника*. [Жит. Серг. Рад.: 310 – 312]; *И на четвертый день изыдохом сопротив града Казанского на великие и пространные, и гладкие, зѣло веселые дуги, и положиися тамо все войско подле реки Волги* [Ист. о вел. кн. Моск.: электронный ресурс]; *Таже уясниша мѣсто от стоящих лѣсов, велику и зѣло прекрасну и превысоку церковь предиреченную поставляет, и в предѣлах устрояет великого богословца и евангелиста Иоана и чуднаго чудотворца Николу* [Сказ. Валаам. мон.: электронный ресурс].

Номинатив может находиться внутри дескриптивного элемента (*Тогда видѣ нѣкоего зѣло злообразна мужа, черна и перната, и устрашае болящаго* [От жит. преп. Савв.: электронный ресурс]) или «разрываться» дескриптивным элементом (*Посем же посла Володимѣръ слугу своего доброго вѣрного, именемъ Ратчьшю, ко брату своему Мъстиславу* [Гал.-Вол. лет.: 400]; *И по многѣхъ лѣтехъ нѣкий человекъ въ Кашине, благочестивъ и богатъ зѣло, именемъ Михаилъ, прозваниемъ Вороньковъ, имѣя вѣру велику къ святому, въсхотѣ церковь камену сотворити въ его монастырь* [Волоколам. пат.: электронный ресурс]; *Итого ради богоподражателный самодержец, храбрый душею и тѣлом великий князь Ярослав, второе прииде во Орду к незаконному царю Батыю, с ним же и братия его и сыновцы* [О вел. кн. Яр. Вс.: электронный ресурс]).

Для дескриптивных словесных рядов характерно как контактное, так и дистантное расположение номинативного и дескриптивного элементов. Контактное расположение элементов преобладает над дистантным. Приведём примеры дескриптивных словесных рядов с дистантным расположением элементов: *По сем же вѣдомо бывает ремество блаженнаго Арсенія, и повелѣно бысть ему от игумена Иоанна и братьи ковати сосуды и всякия потребности монастырьския. Он же повелѣная без лѣности творяше, не дадѣй себѣ покоя. Днем убо повелѣная ему коваше, ноцию же на молитве Богови предстояше, сна же мало принимаше телеснаго ради союза, **бѣ же тѣлом крѣпокъ** [Жит. Арс. Кон.: электронный ресурс]; «Келиам же зиждемым и тыном огражденым, **не зѣло пространнѣйшимъ**, но и вратаря сущихъ ту у врат пристави, от нихже сам Сергей трие или четыре келии сам своима рукама създа» <...> «И въ время строения на другомъ мѣсте основана бысть церковь камена архимандритомъ Феодоромъ, **чюдна зѣло**, въ имя пречистыя Богородица честнаго ея Успения» [Жит. Серг. Рад.: 320, 384] и т. п.*

В. В. Колесов указывает, что дистантное расположение имён прилагательных и определяемых существительных развивается с XIII в., именно в этот период времени прилагательное становится свободным в своём употреблении. Это связано, по мнению В. В. Колесова, с отражением «древнерусской обратной перспективы при взгляде на вещный мир», в котором в XIII в. уже «представлена равноценность каждого признака и любой вещи» [Колесов 2009: 422].

2.1.2. Дескриптивный элемент дескриптивного словесного ряда

Дескриптивный элемент дескриптивного словесного ряда служит для характеристики объекта описания.

В качестве дескриптивного элемента могут выступать слова разных частей речи. В зависимости от того, какое морфологическое выражение имеет дескриптивный элемент, его можно разделить на несколько видов, для

обозначения которых мы предлагаем использовать следующие условные термины: *адъективная дескрипция*, *субстантивная дескрипция*, *вербативная (глагольная) дескрипция*, *неоднородная дескрипция*. В соответствии с данными терминами для обозначения дескриптивных словесных рядов мы предлагаем использовать термины *словесные ряды с адъективной дескрипцией*, *словесные ряды с субстантивной дескрипцией*, *словесные ряды с вербативной (глагольной) дескрипцией*, *словесные ряды с неоднородной дескрипцией*.

Следует указать, что ядерным средством выражения описания в древнерусском тексте являются словесные ряды с адъективной дескрипцией, на втором месте по частотности употребления стоят словесные ряды с неоднородной дескрипцией, на третьем – словесные ряды с вербативной (глагольной) дескрипцией, на четвёртом – словесные ряды с субстантивной дескрипцией. Процентное соотношение структурных видов дескриптивных словесных рядов представлено на диаграмме:

2.1.2.1. Словесные ряды с адъективной дескрипцией

Словесный ряд с адъективной дескрипцией реализуется в конструкциях, включающих в себя имя существительное / словосочетание (номинативный элемент), обозначающее материальный объект, и согласуемое с ним

постпозитивное, реже – препозитивное, имя прилагательное или синкретсемичное атрибутивное словосочетание (синкретему), обозначающее признак, качество или свойство объекта описания.

К словесным рядам с адъективной дескрипцией мы относим конструкции, в которых дескриптивный элемент имеет следующее выражение:

Качественное прилагательное + существительное (*красень лицемъ / великих в мужестве и храбрости*). Для описания одушевлённых объектов используются словесные ряды, дескриптивный элемент которых построен по модели «синкретсемичное качественное именное прилагательное + имя существительное». Такие сочетания имеют значение ограничения, т. е. в них «содержание понятия, обозначенного управляющим словом, проявляется не полностью, а лишь в какой-то области» [Георгиева 1968: 61]. В таких сочетаниях имя существительное может стоять в творительном падеже или в предложном падеже. Например: *человѣкъ, красень лицемъ; сынъ красень лицем и душею; Амурат же некый янычанин, крѣпок сый тѣлом; богоподражателный самодержец, храбный душею и тѣлом великий князь Ярослав; Сабуровых же других, глаголемых Долгихъ, а воистину великих в мужестве и храбрости; два мужа живописцы в добродѣтелях совершены, Данила именовъ, и спостника его Андрѣа* и т. п.

Прилагательное в именной форме + наречие меры и степени (*зѣло красно*). Для описания одушевлённых и неодушевлённых объектов используются словесные ряды, в которых дескриптивный элемент выражен синкретемой, построенной по модели «синкретсемичное прилагательное в именной форме + наречие меры и степени *зѣло, добръ, велми*» [Пименова 2007: 82]. Напримр: *мѣсто зѣло красно; церковь камена чудна зѣло; сынъ нѣкоего мѣста старѣйшины именов Темиръ, свѣрѣнь зѣло; братъ жидовин, хитръ добръ* и т. п.

Имя прилагательное + существительное (*мужа добродѣтелна / хитръ мужъ дѣломъ и словомъ*). Для описания одушевлённых объектов

используются словесные ряды, дескриптивный элемент которых включает сочетания имени прилагательного с именем существительным. Наиболее употребительным именем существительным является слово *муж*. Например: *духовнаго отца своего, мужа добродѣтелна, Андреа именем; протопопу своему, именем Андрѣю, мужу добродѣтельную суцу; старецъ именем Моисий тоя же обители Коневъския, муж богобоязливъ; с Феодоромъ Ситникомъ, мужемъ духовным; человекъ египтянинъ; Еупатия крѣпка исполина* и т. п. Нередко вместо имени прилагательного в подобных сочетаниях используется синкретема, включающая сочетания, имеющие значение ограничения. Например: *хитръ мужъ дѣломъ и словомъ*.

Одинокое имя прилагательное. В представленных словесных рядах дескриптивный элемент выражен употребляющимся в постпозиции по отношению к номинативному элементу синкретсемичным качественным именем прилагательным. Например: *и тѣй плешивъ сый; и та благочестива суци; нѣкоему юноши именемъ Уляяну, юну суцу* и т.п.

Парное именование (*смирень и кртокъ*). В отдельных контекстах для описания одушевлённых предметов используются словесные ряды, в состав которых входит дескриптивный элемент, выраженный одним из видов синкретем парадигматического структурно-семантического типа – *парным именованием* – двухкомпонентным сочетанием древнерусского текста, представляющим собой сочинительное соединение семантически связанных лексических единиц [Артамонова 2005: 16]. Являясь дополнительным семантическим средством художественной образности в выражении синкретизма мироощущения, парные именованья в древнерусском тексте «имели чисто прагматическую цель – на основе сближения частных значений объединяемых слов образовать понятие собирательного смысла» [Колесов 1989: 145].

Парные именованья в изучаемых нами словесных рядах представляют собой сочинительные соединения семантически связанных имён

прилагательных (*смирень и кротокъ, многосмыслень и разумень, разумный и мудрый*). В подобных соединениях признаки, обозначаемые прилагательными, осознаются как равноправные и выражают единое синкретичное значение. Например, сочетание *смирень и кротокъ* состоит из компонентов, соотносящихся друг с другом как причина и следствие: наличие у человека такого признака, как *съмереный*, есть результат приобретения признака *кроткий*. Синтагматическое соединение этих двух синонимичных прилагательных помогает «усилению» качества, возведению признака, названного сочетанием, в наивысшую степень его проявления: человек, наделённый признаком *кроткий и съмереный*, – нравственный, праведный человек, исполненный покорности [Артамонова 2013: 81]. В парном именовании *разумный и мудрый*, имеющем обобщённое значение ‘обладающий глубоким умом’, прилагательное *мудрый* присоединяет к себе близкую по значению единицу *разумный* с целью возведения признака в наивысшую степень его проявления [Артамонова 2005: 56]. Эта синкретичность значения сближает парные именованья со словом.

Дескриптивный элемент словесного ряда с адъективной дескрипцией может быть *однокомпонентным* и *многокомпонентным*.

Однокомпонентный дескриптивный элемент выражен, как правило, постпозитивным / реже препозитивным синкретсемичным именем прилагательным, парным именованьем или синкретсемичным атрибутивным словосочетанием (синкретемой²). Например: *та мудра зъло; Данило князь лють есть; чловгъкъ, красень лицемъ* и т. п.

Многокомпонентный дескриптивный элемент представляет собой свободное сочетание двух- и более слов / синкретем, связанных сочинительной или бессоюзной связью. Например: *мужь не книженъ и умомъ простъ и просторгъкъ; се князь лицемъ красень, очима свѣтель, взоромъ грозень, паче*

² О видах синкретем см. [Пименова, 2007: 34 – 94]

мъры храборъ, сердцем же легокъ; братучада своего первенца именемъ Ванцатура, мала убо тѣломъ, но великъ храбростию и т. п.

2.1.2.2. Словесные ряды с вербальной (глагольной) дескрипцией

Словесный ряд с вербальной (глагольной) дескрипцией реализуется в конструкциях, включающих в себя имя существительное / словосочетание (номинативный элемент), обозначающее материальный объект, и синкретическое сочетание, состоящее из глагольной формы (причастия, глагола) совершенного / несовершенного вида прошедшего времени, одиночного или сочетающегося с именем существительным, стоящим в форме винительного / родительного / творительного падежа. Например: *нѣкто мужь, Леонтие нарицаем, въ конец достиг всякие философии, и словесным, и естеством, и звездочетным; десят мужей велия разумы исполнены; старца нѣкоего именем Павла, чином священничества подобнѣ украшена; воевода одѣян во златую одежду; сей бяше бо имый священничества чин; бяше же земля новгородская озера и болоты велики наводнена; Комельский лѣсъ, бѣ бо тогда непроходимъ, пооблачилося небо, съниде дѣждь* и т. п.

Дескриптивный элемент словесного ряда с вербальной дескрипцией может быть *однокомпонентным* и *многокомпонентным*.

Однокомпонентный дескриптивный элемент словесного ряда с вербальной дескрипцией выражен синкретическим сочетанием слов, в которых в качестве главного компонента выступает причастие. Например: *всѣми добродѣянии украшенъ бѣ отрокъ той; воевода одѣян во златую одежду* и т. п.

Многокомпонентный дескриптивный элемент словесного ряда с вербальной дескрипцией выражен свободным сочетанием двух- и более глаголов (причастий) / синкретем, связанных сочинительной или бессоюзной связью. Например: *Сий благовѣрный князь Всеволодъ бѣ измлада любя правду и*

набдя убогия, и воздая честь епископомъ и прозвутеромъ, излиха же любляше чернорисиць и подаваше требованье имъ; старца в ветхихъ ризах чернеческих ходяща и браду велию густу, не велми долгу имуца и т. п.

2.1.2.3. Словесные ряды с субстантивной дескрипцией

В ряде текстов используются словесные ряды с субстантивной дескрипцией. Словесный ряд с субстантивной дескрипцией реализуется в конструкциях, включающих в себя имя существительное / словосочетание (номинативный элемент), обозначающее материальный объект, и согласуемое с ним имя существительное или синкретему со значением ограничения, служащее для обозначения признака, качества или свойства объекта описания. Например: *Каинъ ратай; Авъль пастух; Еупатей же, исполин силою; старецъ Кирилова монастыря, ему же имя Дионисие, художествомъ часовникъ* и т. п.

Дескриптивный элемент словесного ряда с субстантивной дескрипцией может быть *однокомпонентным* и *многокомпонентным*.

Однокомпонентный дескриптивный элемент словесного ряда с субстантивной дескрипцией выражен именем существительным или синкретсемичным сочетанием слов, в котором в качестве главного компонента выступает имя существительное. Например: *Каинъ ратай, а Авъль пастух* и т. п.

Многокомпонентный дескриптивный элемент словесного ряда с субстантивной дескрипцией выражен свободным сочетанием двух- и более имён существительных / синкретем, связанных сочинительной или бессоюзной связью. Например: *вънзи тгъ от камени самфира, измарагды и жемчюга великаго и злата аравита; нгкто прелукавый змий возста имянемъ Петрушка, казаческой товариць, родом звенигородець, художествомъ гончар* и т. п.

2.1.2.4. Словесные ряды с неоднородной дескрипцией

Словесный ряд с неоднородной дескрипцией реализуется в конструкциях, включающих в себя имя существительное / словосочетание (номинативный элемент), обозначающее материальный объект, и согласуемую с ним последовательность морфологически разнородных компонентов, служащих для обозначения признаков, качеств или свойств объекта описания. Дескриптивный элемент словесных рядов с неоднородной дескрипцией, как правило, включает в свой состав компоненты, о которых мы говорили ранее (см. п. 2.1.2.1; п. 2.1.2.2; п. 2.1.2.3; п. 2.1.2.4), поэтому, несмотря на широкую распространённость словесных рядов с неоднородной дескрипцией в древнерусских текстах, мы рассматриваем их в завершающем пункте параграфа.

В отличие от дескриптивного элемента словесных рядов с адъективной, вербальной и субстантивной дескрипцией, которые могут быть как однокомпонентными, так и многокомпонентными, словесные ряды с неоднородной дескрипцией бывают только *многокомпонентными*. В ходе анализа языкового материала нами было выявлено несколько вариантов морфологического выражения дескриптивного элемента в словесных рядах с неоднородной дескрипцией.

Самым распространённым вариантом словесных рядов с неоднородной дескрипцией являются **словесные ряды с адъективно-вербальным дескриптивным элементом** (65%). Например: *Глѣбъ милостивъ на убогия и странънолюбивъ, тцанье имѣя къ церквамъ, теплъ на вѣру и кртокъ, взоромъ красенъ; Антипа же градъ великъ, всяким же земнымъ украшениемъ украшенъ и мцениемъ; честную икону образа Христова, чюдну и златом украшену и т. п.*

Вторым вариантом словесных рядов с неоднородной дескрипцией являются **словесные ряды с адъективно-субстантивным дескриптивным элементом**. Их количество составляет 14%. Например: *надѣяху бо ся на цесаря, велик бо бѣ згло и исполин силою; Дандушь, кртокъ же си тѣломъ, но*

храбрь велми и конникъ добръ воинъ велми; Ларионъ, мужъ благъ, и книженъ и постникъ и т. п.

Третьим вариантом словесных рядов с неоднородной дескрипцией являются **словесные ряды с адъективно-субстантивно-вербативным дескриптивным элементом**. Их количество составляет 11%. Например: *блаженный князь Ярополкъ кротокъ, смиренъ, братолюбивъ и ницелюбець, десятину дая от всихъ скоть своих святъй Богородици и от жита на вся лъта, и моляше Бога всегда; митрополита Михаила учителна, премудра же и книжна, паче же встьми духовными дълы украшена и житием велика, сирина родом и т. п.*

Четвёртым вариантом словесных рядов с неоднородной дескрипцией являются **словесные ряды с субстантивно-вербативным дескриптивным элементом**. Их количество составляет 10%. Например: *[Александр Невский] иерълюбець и мънихолубець, и нищяя любя, митрополита же и епископы чтяше и послушааше их, аки самого Христа; нъкто человекъ, христианинъ, поселянинъ, чином орачь, земледълецъ, живый на селъ своем, орый плугом своим и от своего труда питаася, пребываше от далече сущих мъсть, иже от многа желаниа и слышаниа въсхотъ видѣти его и т. п.*

2.2. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ДЕСКРИПТИВНЫХ СЛОВЕСНЫХ РЯДОВ

Данный раздел главы посвящён употреблению дескриптивных словесных рядов в качестве средства выражения описания на разных уровнях: на уровне формулы-синтагмы и на уровне текста.

2.2.1. Функционирование дескриптивных словесных рядов на уровне формулы-синтагмы

Древнерусский текст представляет собой свободное соединение традиционных формул-синтагм (цепочечное нанизывание). Синтагма

древнерусского текста – «это не только всякое парное сочетание слов, члены которого соотносятся как определяющее и определяемое» [Колесов 1989: 137-138], это также сочетание слов, основанное на предикативности. Значение описания в древнерусском тексте может выражаться на уровне одной предикативной единицы, внутри которой дескриптивный элемент выступает либо в предикативной, либо в атрибутивной функции.

2.2.1.1. Употребление дескриптивного элемента в функции предиката

К ядерным дескриптивным конструкциям относятся словесные ряды, в которых дескриптивный элемент выступает в предикативной функции.

2.2.1.1.1. Употребление адъективного дескриптивного элемента в функции предиката

Словесные ряды с адъективной дескрипцией, как правило, образуют устойчивые сочетания слов, в которых номинативную функцию выполняет субъект, называющий объект описания, а его дескриптивную функцию – предикат, в котором раскрываются признаки объекта описания. Устойчивость данных словесных рядов основана на общности формулы, служащей для экспликации практически всех содержательно-тематических видов описания в древнерусских текстах: портрета (*И бысть отроча красно*), описания события (*Бысть сеча зла*), описания предмета (*Бяху же хлѣби оны тепли суще и мягци*), описания природного явления (*Бысть велика мгла в зимнее время*). Однако есть словесные ряды, устойчивость которых основана на повторяемости именно данной семантически несвободной фразы, к которым, например, относится дескриптивный словесный ряд, указывающий на «высшую степень выраженности каких-либо... общественных явлений» [Лопутько 2011: 115], *Бысть сеча зла*.

Структуру словесного ряда с адъективной дескрипцией, основанного на предикативности, составляют, как правило, три компонента: *бытийный глагол*;

номинирующее объект действительности, подвергшийся описанию, *определяемое слово*, выраженное именем существительным / местоимением в именительном падеже (номинатив) и *краткое прилагательное / синкретема с синкретсемичными прилагательными* в форме именительного предикативного (дескриптивный элемент).

Следует указать, что в данных словесных рядах нет строго закреплённого порядка слов. Компоненты словесного ряда могут располагаться по-разному относительно друг друга. Например, в словесных рядах *В се же лето вода бысть велика во Днѣпрѣ, и въ Деснѣ, и въ Припеть* [ПВЛ: 274]; *Та же зима была студена, а стно дорого* [Северн. лет. свод 1472: 420]; *Князь же Мьстиславъ бяшетъ легосердъ* [Гал.-Вол. лет.: 416] на первом месте стоит определяемое слово, выраженное именем существительным в именительном падеже, на втором месте – бытийный глагол, а на третьем – краткое прилагательное.

В словесных рядах *Во един же от дний тѣх, еще убо тогда во градѣ Троецкомѣ Сергиеве монастырѣ множество воинства храбрѣствующих на враги и борющееся, дни освѣтающе недѣльному, бысть велика мгла в зимнее время* [Сказ. Авр. Пал.: электронный ресурс]; *Приводят его к нѣкому старцу от живущих ту, дабы ѿ научил како помолитися, баше бо простъ поселянин* [Жит. Зос. и Савв. Солов.: электронный ресурс] на первом месте стоит бытийный глагол, за ним следует краткое прилагательное, определяемое слово находится на третьем месте.

Третий предикативный ряд отличается от предыдущих тем, что бытийный глагол в нём находится в постпозиции по отношению и к имени существительному, и к имени прилагательному. Ср.: *Ятвязем же погъхавшим на помощь Данилу, не могоша догъхати, зане снѣзи велицѣ быша* [Гал.-Вол. лет.: 324].

В следующих словесных рядах на первом месте стоит бытийный глагол, на втором – имя существительное в именительном падеже, а на третьем – имя

прилагательное: *И бысть буря велика* [ПВЛ: 168], *И бяше снѣгъ великъ* [ПВЛ: 180], *И бысть в то время мразь крѣпокъ зѣло* [Жит. Ир. Рост.: электронный ресурс], *Но бяше бо и та земля многонародна* [Ин. Фомы сл.: 308]; *Бѣ бо и отрокъ той грамотен же* [Пов. о Тим. Влад.: 60] и т. п.

Подобное варьирование, на наш взгляд, связано с «затемнённостию» синтаксической функции кратких имён прилагательных. Известно, что в древнерусском языке краткие прилагательные могли выполнять как предикативную, так и атрибутивную функцию, так как изначально относились к нечленному имени, то есть «могли выступать одновременно как существительные без какого-либо изменения формы» [Иванов 1990: 242]. Эта «затемнённость» синтаксической функции кратких имён прилагательных, способных «совмещать идею вещи и идею о её существенных признаках» [Уржумова 2013: 201], проявляется в том, что они имеют формальную связь как с именем существительным, называющим объект описания, так и с бытийным глаголом.

Следует отметить, что в дескриптивных словесных рядах, основанных на предикативности, номинативный элемент может быть опущен или может располагаться в предваряющей описательную часть повествовательном контексте. Например: *И выступи мужь Володимѣрь, и възрѣвъ печенѣжинь и посмѣся, — бѣ бо средный тѣломъ* [ПВЛ: 138]; *Воеваша же иноплеменници ти на Римь и отѣяша многу страну. Многу же печаль имѣ о томѣ царь, и помяну Плакиду, зане бѣ доблий храборъ* [Сказ. Евст. Плак.: 234]; *Князь же Александръ воскорѣ иде и изверже град их из основания, а самых извѣша и овѣх с собою поведе, а инѣх, помиловавъ, отпусти, бѣ бо милостивъ паче мѣры* [Жит. Ал. Невск.: 432]; *В седмое же лѣто видѣ цесарь мало живущих въ градѣ, зане велик бо бѣ зело, и тако сотвори: послав из Рима и от иных стран, събрав достославных велмож и мегистан, рекиша сановник, съ множеством людей ихъ ту приведе и, дома велиа создав, дасть им жити в градѣ со устроением великим и царскими чины, яко и своя дома и отчѣства им забыти*

[Пов. о взят. Царьгр.: 218]; *На Нектанавов же столпъ Александръ вшедь, по Египту погляда, высок бо бѣ велми, и повелъ разбити всего [Алекс.: 72]; Ананиа же борзо ударив конь свой и пострели Лисовского из лука в високъ лѣвой, с ухом прострелив, и опроверже его долу, сам же утече из среды полков казачихъ; бѣ бо из лука гораздъ, такоже и из самопала [Сказ. Авр. Пал.: электронный ресурс] и т. п.*

В древнерусских текстах одинаково распространены адъективные словесные ряды как с *однокомпонентным* дескриптивным элементом, так и с *многокомпонентным* дескриптивным элементом, находящимся в функции предиката.

Приведём примеры словесных рядов, основанных на предикативности, в которых функционирует однокомпонентный дескриптивный элемент:

В се же лѣто бысть тишина велика [ПВЛ: 170]; И бысть отроча красно [ПВЛ: 108]; Бѣ же и другий братъ, именемъ Матфѣй, той бѣ прозорливъ [ПВЛ: 202]; И тое ноци бысть дождь великъ [Гал.-Вол. лет.: 268]; И бысть рать велика зѣло, и поидоша за рѣку за Пиану, и прииде к ним вѣсть, повѣда имъ царевичя Арапию на Волчы Водѣ [Пов. о поб. на Пьяне: 88]; и т. п.

Приведём примеры словесных рядов, основанных на предикативности, в которых функционирует многокомпонентный дескриптивный элемент:

Бѣ же Ростиславъ мужъ добръ на рать, върастом же лѣтъ и красень лицемъ, милостивъ убогимъ [ПВЛ: 180]; Бѣ бо великъ и тяжекъ Болеславъ, яко ни на кони не моги стѣдѣти, но бяше смыслень [ПВЛ: 156]; И яста ся бороти крѣпко, и надолзѣ борющимся има, и нача изнемогати Мьстиславъ: бѣ бо великъ и силенъ Редедя [ПВЛ: 160]; Чи зримъ иже при нашихъ полцѣхъ тѣхъ мало, Ростиславля племени, да князи мудри суть, и рядни, и хоробри, а мужи их, новгородци и смолняне, дерзѣки суть к боеви [Пов. о бит. на Лип.: 118]; И бысть в шестую годину дни, начаша появливатися погании измаилтяне в полѣ, бѣ бо поле чисто и велико зѣло [Лет. пов. о Кул. бит.: 122]; и т. п.

2.2.1.1.2. Употребление вербативного дескриптивного элемента в функции предиката

Словесные ряды с вербативной дескрипцией, основанные на предикативности, используются для описания одушевлённых и неодушевлённых объектов действительности.

Приведём примеры дескриптивных словесных рядов, служащих средством характеристики одушевлённого объекта действительности: *Сий благовѣрный князь Всеволодъ бѣ измлада любя правду и набдя убогия, и воздая честь епископомъ и прозвутеромъ, излиха же любляше чернорисцѣ и подаваше требованье имъ* [ПВЛ: 226]; *Имѣяше бо в себѣ кротость многу и велико истинное смирение, о всем всегда подражаа своего владыку Господа нашего Иуса Христа, подавшаго ся на подражание хотящим подражати его и послѣдовати ему, рекшему: «Приидѣте къ мнѣ, вси тружajúщиеся и обременени, азъ покою вы. Възмѣте иго мое на ся, и научитесь от мене: яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ»* [Жит. Серг. Рад.: 320]; *Той бо Олгердъ вина не пиаше и велик разум имяше, земля и княженъа притяжа к себѣ многи и удержа велию власть* [Сказ. о кн. влад.: 432]; *И той, аще многу добродѣтел стяжав к Богу, но, обаче, побеждашеся властолюбием, единодержател быти желаше всему отеческому наслѣдию в Русей земли* [О вел. кн. Вс. Георг.: электронный ресурс]; *Бѣ бо велику чтяше священнический и мнишеский чин, во все же время юности своя смиреномудрие вседушно держаше, воздержася и бдя, чистоту душевную и телесную соблюдаше, кротость же стяжа и от щеславия отвращашеся; и много полагаше тцание чрево удержавати, вѣдѣй, яко чревное насыщение целомудрие разаряет и бдѣнню спону сотворяет и прочим добродѣтелем сопротивляется* [Жит. и подв. вел. кн. Ал. Ярослав.: электронный ресурс].

Приведём примеры дескриптивных словесных рядов, служащих средством характеристики неодушевлённого объекта действительности:

Пришедшу же ему въ царьскій домъ, Александра видѣвъ на престоле своемъ висоце сѣдяща. Престоль его украшенъ зело искуснымъ златомъ и зеленымъ каменемъ и слоновыми костями [Алекс.: 42]; Послѣди же, при державѣ великого князя Ивана Василевича, всея Руси, и благословениемъ преосвященнаго Симона митрополита, от негоже иерей бысть, в лѣто 7005 прииде блаженный Корнилие на Комельскій лѣс, бѣ бо тогда непроходимъ [Жит. Корн. Ком.: электронный ресурс]; Ти яко бысть полунощи, бысть знамение велико, явися солнце посреди небесе, стоа и луча испущаше на нею [Пам. Конст. и Ел.: электронный ресурс].

При анализе языкового материала нами были выявлены вербативные словесные ряды как с *однокомпонентным* дескриптивным элементом (выраженным одной словоформой или синкретемой), так и с *многокомпонентным* дескриптивным элементом, выступающим в функции предиката.

Приведём примеры словесных рядов с *однокомпонентным* дескриптивным элементом в функции предиката:

Нектанавъ, царь египетскій, волшебною хитростию и звездочетию египетскимъ украшенъ зело [Алекс.: 24]; Бяше же земля новоградская озеры и болоты велми наводнена, и того ради в лѣтняя времена рать конная не бывала на них никогдаже, ни от которыхъ великих князей прежних [О... вел. кн. Ив. Вас.: электронный ресурс] Тѣ же кресты и стязи велици злати с драгими каменми и с великыми жсенчюги здѣлани, в ноц же свѣтят аки в день [Сказ. об Инд. царст.: электронный ресурс] и т. п.

Приведём примеры словесных рядов с *многокомпонентным* дескриптивным элементом в функции предиката:

Тако же и князь Александръ — побѣжая, а не побѣдимъ [Жит. Ал. Невск.: 426]; И пришед въ град вселися в монастырь святого Богоявления, и обрѣте себѣ келию, и живяше в ней, зѣло подвизаяся на добродѣтель: бяше бо и тот любяше жити трудолюбно, живый в келии своей житие жестоко,

постом и молитвою, и от всего въздръжаяся, и тива не тиаше, и ризы не щипливы ношааше [Жит. Серг. Рад.: 298] и т. п.

2.2.1.1.3. Употребление субстантивного дескриптивного элемента в функции предиката

Словесные ряды с субстантивной дескрипцией в древнерусских письменных памятниках встречаются редко. Это объясняется тем, что имя существительное чаще служит для номинации предмета, чем для выражения его признаков. Однако в пределах одного существительного может содержаться и название предмета, и указание на его свойства, например, в словесном ряду *Яковъ, родомъ полочанинъ, ловчий бѣ у князя* [Жит. Ал. Невск.: 430] имя существительное *ловчий*, выступающее в предикативной функции, служит для номинации рода занятий объекта описания и одновременно указывает на свойства, необходимые для выполнения данного рода деятельности: ловкость, определённые знания и умения, организаторские способности и т. п.

Словесные ряды с субстантивной дескрипцией, основанные на предикативности, представлены в древнерусских текстах предикативными конструкциями двух видов: словесными рядами, в которых имя существительное выступает в функции предиката; и словесными рядами, в которых имя существительное выступает в функции субъекта.

К субстантивным словесным рядам первого вида мы относим предикативные конструкции типа *ловчий бѣ у князя, бяше бо сей родом корѣльскихъ людей* и т. п., которые состоят из глагольной связки / вспомогательного глагола, определяемого слова, номинирующего объект действительности, подвергшийся описанию (номинативного элемента), и имени существительного, указывающего на свойство объекта описания.

Приведём примеры субстантивных словесных рядов, в которых имя существительное выступает в функции предиката:

И роди Адамъ Каина и Авеля, и бѣ Каинъ ратай, а Авельъ пастухъ [ПВЛ: 104]; И оттуда воставъ, реки доиде, ейже ширина бѣше день ходу, и мость на той рецы сотворити повель, и сего сотвориша за 60 дни, и все войско по тому преиде [Алекс.: 98]; На ту же ноць паде снѣга в колѣно [Пов. Мартир. Зелен.: электронный ресурс]; И обрѣте тамо нѣкоего мниха, выше мененаго, именем Германа, бѣше бо сей родом корѣльскихъ людей [Жит. Зос. и Савв. Солов.: электронный ресурс]; Яви же ся ему сице: бяху въ одежах и въ шапках литовьскихъ отстровръхых: и устрѣмишася на блаженнаго, хотяща разорити церковь и мѣсто изъ основаниа [Жит. Серг. Рад.: 306 – 308]; И внидоша в цареву полату и видиша ту одръ стоящъ, и ту лежаше 2 вѣнця: царя Навходоносора и царицѣ его. Они же вземше, видиша грамоту, написано грѣческымъ языком: «Си вѣнцы створенъ бысть, егда Навходоносоръ царь створи тѣло златое и постави на полѣ Дирѣлмсгѣй». Бяху бо вѣнцы тѣ от камени самфира, измарагды и жемчюга великаго и злата аравита [Сказ. Вавил.: 184].

Конструкции второго вида представляют собой двухэлементные словесные ряды, состоящие из бытийного глагола и имени существительного в именительном падеже, которое является выразителем и номинативного, и дескриптивного аспектов описания. В таких словесных рядах в центре внимания имя, а не смысл глагола; «это своего рода номинативные предложения, которых еще не было» в древнерусском языке [Колесов 2009: 421].

Приведём примеры субстантивных словесных рядов, в которых имя существительное выступает в функции субъекта:

Того же лѣта помраченье бысть въ солнци августа [ПВЛ: 272]; Бѣ бо уже въ заморозъ [ПВЛ: 156]; Данилови же пошедишу на войну на литву и на Новѣгородокъ, бывшую раскалью, посла сына си Лва на Бакоту [Гал.-Вол. лет.: 332]; И потомъ по малѣ времѣни бысть знамение в лунѣ, месяца сентября [Сказ. о Довм.: 54].

2.2.1.1.4. Употребление неоднородного дескриптивного элемента в функции предиката

В предикативной функции могут употребляться все виды неоднородных дескриптивных элементов.

Адъективно-вербативный дескриптивный элемент: *Бысть же Иоанъ си мужъ хитръ книгамъ и учѣнью, милостивъ убогимъ и вдовицамъ, ласкав же всякому, к богату и къ убогу, смиренъ же умомъ и кротокъ, и молчаливъ, рѣчь чистъ же книгами святыми, утѣшая печальныя, и сякова не бысть прежде в Руси, ни по нѣмъ не будетъ такий [ПВЛ: 218]; Тѣгда же блаженный отъць нашъ Феодосий поставленъ бысть презвутеръмъ повелѣниемъ преподобнаго Антония и бѣ по вся дѣни божьствѣную службу съвѣршая съ всякимъ съмѣрениемъ, бяше бо кроткъ нравѣмъ, и тихъ съмыслѣмъ, и простъ умѣмъ, и духовныя всея мудрости испълненъ. Любѣвь же непорочну имѣя къ всей братии, бѣ бо уже съвѣкупилося братия яко до пяти-на-десяте [Жит. Феод. Печ.: 331]; Василко бо бѣ возрастомъ середний, умомъ великъ и дерзостью, иже иногда многожды побѣждаше поганые, или иногда многожды посылающима има на поганья [Гал.-Вол. лет.: 306]; И многою скорбию смущаше царьскую славу и богатство, понеже бесплодна, не имущи отрочати, красна же бѣ зело [Алекс.: 26]; И рассмотривъ нестойтелное мира сего, — бѣ бо зѣло смыслоу совершенъ и добръ вѣды Божественое писание, — и поревнова божественому Святоши, отвержесе мира, и множество служащихъ ему свободою почте, и всѣхъ удовли [Волоколам. пат.: электронный ресурс]; Все роди имуще от благородныхъ кровий, мужолѣпни, доброродни, храбри, добли, добри и ярольвни, мужие кровии вси [Хрон. Конст. Манасс.: 278]; Другий же сынъ его, Георгий, не таковъ, но простъ сый и несмысленъ, на все доброе нестроенъ [Казанск. ист.: 358]; Бѣ бо мужъ, яко рассмотримъ его добръ, не токмо мужественный и храбрый, но и словества полонъ, и остръ*

разумомъ, и добру память имущь [Ист. о вел. кн. Моск.: электронный ресурс] и т.п.

Адъективно-субстантивный дескриптивный элемент: *Видиши ли, господи мой, яко град сей великъ и добръ есть зъло, и велие угобzenie его во всем* [Чудо Георг.: 522]; *Тако убо съвѣтующе, мнози на то укланяхуся, надѣяху бо ся на цесаря, зане вѣдяху храбрости и силу его, велик бо бѣ зъло и исполн силою* [Пов. о взят. Царьгр.: 240]; *И сию яко рабу собѣ приими; аще угодно ти есть, жену собѣ поими, красна бо есть и мудра велми и благородну родителю есть дщи* [Алекс.: 94]; *Скопецъ же бѣ Хрисафие, нечестив, злообычаен, лукавен и убийца и мръзок нравы; егоже злону послѣжде яко увѣдѣ самодръжць, опленив проклятого и нища сотворив, и во изгнание лютое послав осуждена* [Хрон. Конст. Манасс.: 296]; *Сей же реченный Гегименикъ бѣ мужъ храбръ зъло и велика разума, начять брати дани на людех и съкровища изыскивати и обогатися зъло* [Сказ. о кн. влад.: 432]; *Петра знаяху уна суца и от тотарь* [Пов. о царев. Орд.: 26]; *Но и то былъ новоубиенны Александръ мужъ глубокаго разума и искусный зъло в военныхъ вещахъ, и ктому послѣдователь тишливо Священыхъ Писани* [Ист. о вел. кн. Моск.: электронный ресурс]; *И тогда вкупе убиенъ с нимъ другой мнихъ, ученикъ того Корнилия, Васьян именовъ, по наречению Муромцов. Муж былъ ученый и искусный, и во Священыхъ Писанияхъ прослѣдователь* [Ист. о вел. кн. Моск.: электронный ресурс] и т.п.

Адъективно-субстантивно-вербальный дескриптивный элемент: *Сему же доброта и нравъ добръ, велик же величества ради, дръз же по добродѣтели дѣяния, дондеже взыде в покой; силен же обтѣкает, яко солнце, луча испущаа и вся съгрѣя, елико найдетъ — тако и тѣй* [Слово о жит. Дм. Ив.: 224 – 226]; *Свѣтригаиль же ляхъ бѣ вѣрою, но устроень къ брани мужъ храбръ, добль сый на ополчение* [Сказ. о нашеств. Едигея: 248]; *Лука же бысть отнюд простъ человекъ, яко от последнихъ поселян, но и добродетель законную имѣющъ в себе* [Пов. о Луке Колоч.: 54]; *А сей былъ князь Дмитрей мужъ*

совершенство и нарочиты в разумъ синклитъ, избранны в роде [Ист. о вел. кн. Моск.: электронный ресурс]; Человекъ же ты богобоязлив, саном быше дьякъ церковный, живыи въ благочестии с женою своею, но и правило по вся дъни держашеся [Жит. Зос. и Савв. Солов.: электронный ресурс]; Сей убо преподобный отецъ нашъ Герасимъ родися во граде Переславле Залъском от родителю благочестиву, от отца нарицаемаго Михаила и от матери имянем Марыи, иже бѣста Божии угодницы, правдиви пред Богом и пред человеки и всяческими дѣлами исполнени же и украшени, якоже Богъ любит [Жит. Герас. Болд.: электронный ресурс]; Бѣ бо учению, книжному любомудрию искусен, каноны и жития святых написа, и Церкви отда, добрый кормчий, добре управляя Христов каравль, мир сей — волнящееся море еретическими волнами кормилцем словесе Божия в пѣны разбивая и каравль ко спасенному пристанищу наставляя; но волны множащеся, и каравль истончевашеся и оскудеваше многими пѣнами соблазна [Хворостинин И. А.: электронный ресурс] и т.п.

Субстантивно-вербаливный дескриптивный элемент: *И бысть въдовицямъ заступникъ и сирьимъ помощникъ и убогимъ заступникъ и, съпроста реци, въся приходящая, уча и утѣшая, отпуцааше, убогимъ же подавая, еже на потрѣбу и на пицю тѣм [Жит. Феод. Печ.: 384]; И умножишися дни живота его в велицѣ славъ, бѣ бо иерѣлюбецъ и мѣнихолубецъ, и нищя любя, митрополита же и епископы чтяше и послушааше их, аки самого Христа [Жит. Ал. Невск.: 436]; Бѣ нѣкый муж от тамо живущих, в веси Шунга нарицаемо, именем Зосима. Съи быше благочестиву и богату родителю сынъ, и измлада възраста нравъ имѣя аггель, дѣтскихъ глумлений ошашеся отнюд [Жит. Зос. и Савв. Солов.: электронный ресурс]; Быше бо той вящший полнитель и пособникъ во всем строении сему Печерскому монастырю, даваше много селъ, и злата, и сребра, и иконъ, и книгъ, и ризъ, и иных потребныхъ [Пов. о Псково-Печ. мон.: электронный ресурс].*

2.2.1.2. Употребление дескриптивного элемента в атрибутивной функции

В отдельных словесных рядах дескриптивный элемент употребляется в атрибутивной функции. В таких случаях дескриптивный элемент словесного ряда оказывается включённым в повествовательную микротему в качестве описательного сообщения, а номинативный элемент выполняет двойную функцию: номинации объекта описания и номинации субъекта или объекта действия. Например: *И по мале времени, въ един от днии молящуся ему в кѣлиих своей, приидоша к нему два мужа свѣтлы зѣло образом, влекуще за собою кережу, полну хлѣбов и муки и масла* [Жит. Зос. и Савв. Солов.: электронный ресурс]; *Обрѣт мѣсто зѣло красно на строение монастырю близъ реки Москвы, именемъ Симоново* [Жит. Серг. Рад.: 382].

Как правило, в атрибутивной функции может употребляться дескриптивный элемент всех видов дескриптивных рядов, при этом бóльшую часть описательных сообщений составляют словесные ряды с неоднородной дескрипцией (72 – 81%), на втором месте по частотности употребления стоят словесные ряды с адъективной дескрипцией (69 – 78%), на третьем месте – словесные ряды с вербальной (глагольной) дескрипцией (13 – 14%), на четвёртом месте – словесные ряды с субстантивной дескрипцией (6 – 6%).

2.2.1.2.1. Употребление адъективного дескриптивного элемента в атрибутивной функции

Дескриптивный элемент словесного ряда с адъективной дескрипцией может употребляться в атрибутивной функции практически во всех видах выражения:

Качественное прилагательное + существительное (*красень лицемъ / великих в мужестве и храбрости*): *Амурат же некий янычанин, крѣпок сый тѣлом, смѣшався з грѣкы, доидѣ Зустунгя и начат същи его лютъ* [Пов. о

взят. Царьгр.: 238]; *Итого ради богоподражателный самодержец, храбный душою и тѣлом великий князь Ярослав, второе прииде во Орду к незаконному царю Батыю, с ним же и братия его и сыновцы* [О вел. кн. Яр. Вс.: электронный ресурс]; *Таже вижду исшедша из гроба старца сѣда бородою* [Жит. Зос. и Савв. Солов.: электронный ресурс]; *Инии же видяху нѣкоего воеводу, саномъ нарочита, по стень града всего на конѣ ездяца днем и ноцию и строяца людемъ граду ополчение, и не знаху его* [Пов. о Псково-Печ. мон.: электронный ресурс]; *Сабуровых же других, глаголемых Долгихъ, а воистину великих в мужестве и храбрости, и другихъ, Сарыхозиныхъ, всеродне погубити повелѣл* [Ист. о вел. кн. Моск.: электронный ресурс]; *Но той, желаниемъ побѣждаемъ, тѣшашеся узрѣти своима очима церковь ону всячески украшену, и въскоре собра мужа живописцы в добродѣтелях совершены, Даниила именемъ, и спостника его Андрѣа, и прочихъ с ними* [Жит. игум. Никона: электронный ресурс]; *Он же, предреченный Василий, великий, паче же в прегордости и в лютости, князь, не токмо ихъ не послушал, такъ великихъ и нарочитыхъ мужей, но онаго блаженного Васьяна, по плоти сродника своего, изымав, заточити повелѣл, и связана святаго мужа, аки злодѣя, в прегорчайшую темницу, к подобнымъ к себѣ, в злости презлыхъ осифлянм, в монастырь ихъ отослал и скорою смертию уморити повелѣлъ* [Ист. о вел. кн. Моск.: электронный ресурс].

Имя прилагательное в именной форме + наречие меры и степени (зѣло красно): «Обрѣт мѣсто зѣло красно на строение монастырю близъ реки Москвы, именемъ Симоново» [Жит. Серг. Рад.: 382]; «Келиам же зиждемым и тыном огражденым, не зѣло пространнѣйшимъ, но и вратаря сущихъ ту у врат пристави, от нихже сам Сергей трие или четыре келии сам своима рукама създа» [Жит. Серг. Рад.: 320]; «И въ время строения на другомъ мѣсте основана бысть церковь камена архимандритом Феодоромъ, чюдна зѣло, въ имя пречистыя Богородица честнаго ея Успения» [Жит. Серг. Рад.: 384]; «В той странѣ сынъ нѣкоего мѣста старѣйшины именем Темиръ,

свѣрхъпль згъло, иже шедъ разбойническы, порази нѣкиа пастыря и взят овца их, идѣже устреленъ бысть в ногу и от того хром бяше и сего ради Аксакъ нарицаемъ» [Из Хрон. 1512: 398]; «А у него былъ братъ жидовин, хитръ добръ» [Хождение Вас. Познякова: электронный ресурс]; «Егда же приидохомъ близу новопоставленого града, воистинну згъло прекрасного, тогда выгъхаши во стретение царя гетмана они — яко градскии, такъ которые и з дѣлы приидоша — с немалыми вои, по чину благочиннѣ устроени полки имуци» [Ист. о вел. кн. Моск.: электронный ресурс]; «Сопѣге же окаянному бѣяше трубачей люторъ, Мартияшъ именовъ, згъло вѣрен, и той, укрѣпен от Сопѣге, посылается с похмельными ко обители чудотворца опохмелитися просити меду» [Сказ. Авр. Пал.: электронный ресурс].

Имя прилагательное + существительное (мужа добродѣтелна / хитръ мужъ дѣломъ и словомъ): Царь великий князь взем благословение и прощение от духовнаго отца своего, мужа добродѣтелна, Андреа именов, и, аки пардус, ярости наполнися бранныя, и всѣд на избранный свой конь с мечемъ своимъ, и, скача, вопияше воеводам, мечем маша: «Что долго стоите бездѣльны? Се приспѣ время потружатися малъ час и обрѣсти вѣчную славу» [Казанск. ист.: 514]; По семъ же повелѣ протопону своему, именов Андрѣю, мужу добродѣтельныу суцу, собрати соборъ игуменов и священниковъ и дияконовъ и повелѣ церковь свяцати Нерукотвореннаго образа Господа нашего Исуса Христа [О взят. Казани: электронный ресурс]; Повѣда нѣкто от старецъ именов Моисий тоя же обители Коневъския, муж богобоязливъ, яко «нѣкогда во едину есень, иже тогда игумень и братия послаша нас из монастыря в Воцанный островъ тако зовом, зимныя ловити рыбы, якоже и прежде обычай бѣ гъздити [Жит. Арс. Кон.: электронный ресурс]; И ту сотвори себѣ хижу малу с Феодоромъ Ситникомъ, мужемъ духовным, и ту пожив, отиде во град Псковъ и во граде немного время пребывъ [Жит. Никандра Псковск.: электронный ресурс]; Едина же от отроковицъ ея, видяци ю, яко неплодства ради скорбитъ, рече ко Алимпияде: «Царице, есть во граде

нашемъ челоуѣкъ египтянинъ, хитръ мужъ дѣломъ и словомъ, егоже возможно мноу быти, вся прошения сердца твоего совершит ти, точию аще виде тя повелиши» [Алекс.: 26]; Татарове возбояшея, видя Еупатия крѣпка исполина [Пов. о раз. Ряз. Бат.: 192]; Того же лѣта безбожный царь Ахмут Кичиахметевич со всею Ордою поиде на Русь, и подшед близ Руси, и остави у цариц старых и болных и малых, и поиде съ проводники непутма, и проиде к рецѣ Окѣ под город под Олексин с литовского рубежа, а въ градѣ том бѣаше воевода, именованъ Семион Васильевичъ Беклемишевъ, челоуѣкъ на рати велми храбръ [Северн. лет. свод 1472: 438].

Постпозитивное синкретсемичное прилагательное: И тогда нѣкоему юноши именованъ Уляну, юну суцу, и спящу ему явися Пречистая Богородица, глаголя сице: «Востани и повѣдай суцимъ ту инокомъ и всѣм людемъ ити к проломному мѣсту, и нѣти молебны беспрестани пред образомъ Пречистыа Богородица, и не отпадати надежди на Господа и на того рождѣщую» [Пов. о Псково-Печ. мон.: электронный ресурс].

Парное именование (смирень и кротокъ): Ерей бѣ нѣкто именованъ Илья, смирень и кротокъ велми. (Был некий иерей по имени Илья, смиренный и очень кроткий) [Измарагд.: 60]; Данило и Василка Романовичю бѣаху володимѣрьскыи пискупѣ: бѣ бо Асафъ блаженный преподобный, святитель Святое Горы, и потомъ бѣ Василгѣй от Святое Горы, и потомъ бѣ Микифоръ, прирокомъ Станило, бѣ бо слуга Василковъ преже, и потомъ Кузма, кроткий преподобный смиренный пискупъ володимѣрьскый [Гал.-Вол. лет.: 256]; Бысть же у царя и великого князя Феодора Иоанновича ближний ему приятель и шуринъ, зовомый Борисъ Годуновъ, многосмыслень и разумень згѣло [Жит. Димитрия Углич.: электронный ресурс]; Завѣтра же полкомъ пришедшимъ к городу, и прибѣже Ратиславко Мѣстиславль нагъ и босъ, и начатъ повѣдати о бывшемъ, оже избитъ боярѣ вси Мѣстиславль и Лвовѣ, слугы вси избиты, а друзии поиманиши [Гал.-Вол. лет.: 372]; Ктому брата одинаутробного, Андрѣя Углецкоу, мужа зело разумного и мудраго, тяжкими веригами в темнице за

малыя дни удавил, и двухъ сыновъ ево (...), от сосецъ матернихъ оторъвашихъ — о умиленно ко услышанию и тяжко ко изречению, человекска злость в толикую презлость превозрастаемо, паче жъ от християнскихъ начальниковъ! — многолѣтнымъ заключениемъ темничнымъ нещадно помориль! [Ист. о вел. кн. Моск.: электронный ресурс]; *Тогда же побииени Игнатей Заболоцки, Богданъ и Федоси, и другия братия их, страдилаты нарочитые и юноши в роде благородны* [Ист. о вел. кн. Моск.: электронный ресурс] и т. п.

Следует упомянуть, что примерно с XVI века «в связи с большей самостоятельностью отдельного слова в общем контексте повествования» [Колесов 1989: 11] происходит разрушение целостности синкретем, которое приводит к расширению парных именованій за счёт включения в них третьего компонента. В. В. Колесов указывает, что «парные синтагмы остаются носителями символического значения, которое требует раскрытия путём уточнений в расширяющемся контексте» [Колесов 1989: 200]. В результате такого расширения образуются триады – «особые стилистические конструкции, построенные по типу градации» [Артамонова 2005: 40-42].

Приведём примеры дескриптивных словесных рядов, встретившихся нам в текстах XV – XVII вв., в которых вместо бинарных сочетаний прилагательных употребляются тернарные сочетания, построенные по типу градации (триады): *По мале же Александръ изыде на свѣтъ, младенец радостен, благообразен, доброльпен* [Хрон. Конст. Манасс.: 276]; *И по мале времени прииде литва, злые, и свирѣные, и немилостивыя стѣкатели в Рускую землю* [Жит. Ир. Рост.: электронный ресурс]; *И обрѣтох нѣкыя старца премыдры въ отвѣтех, разсудны и разумны, и въпросих я о нем, яко да препокоят мое желание, и рѣх има, аще достоит писатися* [Жит. Серг. Рад.: 258]; *Бысть убо въ дни сиа прозвितеръ благовѣренъ, христоролюбивъ же, и праведенъ въ Баръ градъ нѣмецкыа области* [Перенесен. мощей Николы чудотвор.: электронный ресурс].

Следует указать, что парные именованья состоят из компонентов одной части речи: *безаконикъ и грѣшникъ, смиренъ и кротокъ, мужьствено и храбро* и т. п., триады же могут включать в свой состав компоненты, выраженные другой частью речи; и эти слова, как правило, являются носителями обобщающего смысла, чаще всего указания на результат, последствия или цель [Колесов 1989: 204]. В качестве примеров приведём словесные ряды, включающие в свой состав дескриптивный элемент, построенный из триад, в основе которых лежат разные части речи: *Такожде и от резанские шляхты благородныхъ мужей, зацныхъ в родѣхъ, мужественыхъ же и храбрыхъ и славными заслугами украшенныхъ, Данила Чюлкова и другихъ нѣкоторыхъ искусныхъ поляницъ и воеводителѣй, вкратце же рещи пагубниковъ бусурманскихъ а обронителѣй краинъ христианскихъ, и ротмистра, нарочитова в мужестве Феодора Булгакова со братьями ихъ и со другими многими единоплемянными ихъ всеродне погубленно того жь лѣта и того единого дня в новопоставленомъ граде на самомъ Танаисе, посланными от него прелютыми кромѣшники* [Ист. о вел. кн. Моск.: электронный ресурс]; *И видѣв ю царь зело добру суцу лицем, и в бесѣдовании смыслену, и разумомъ украшену, и в премудрости доволну, наипаче же Божиею благодатию осияему, и вельми царь почюдися великому разуму ея и свѣтлости благообразия ея, и возлюби ю зело, и возжелъ доброте ея* [Жит. велик. кн. Ольги: электронный ресурс]; *Въ всечестномъ убо градѣ семъ бысть нѣкий мужь, многъ въ всякой премудрости внѣшнѣй, и еже по насъ священномъ богословии учитель велик, и пръвѣй суцихъ тамо сказателей, егоже имя не познахъ ниже бо слышахъ когда у кого* [Соч. Макс. Грека: 468]; *Ефиянинъ же Ахиллей сияше паче всѣхъ, человѣкъ ратемъ побѣдникъ, силенъ и крѣпкорукъ* [Хрон. Константина Манасс.: 278].

Следует также указать, что тернарные сочетания, являющиеся выражением адъективной дескрипции, употребляются только в атрибутивной функции. Тернарных сочетаний в функции предиката в анализируемых текстах нами выявлено не было.

Наряду с *однокомпонентным* адъективным дескриптивным элементом дескриптивного словесного ряда в древнерусских текстах функционируют дескриптивные словесные ряды с *многокомпонентным* адъективным дескриптивным элементом.

Приведём примеры адъективных словесных рядов с многокомпонентным дескриптивным элементом: *Безбожнѣй царь Батый, лѣстив бо и немилосердъ, приа дары и охачися лѣстию не воевати Резанскія земли* [Пов. о раз. Ряз. Бат.: 184]; *Князи же, племя Ростиславле, милостиви суть и до хрестыянства добръ, той день стоаше на побоищи* [Пов. о бит. на Лип.: 124]; *И видѣ мѣсто то вельми прекрасно и многолюдно* [Лег. о Кит.: 214]; *Святый же славный пророкъ Иліа Фезвитянинъ, егда роди его мати его, тогда родители его видѣша видѣнне, яко мужие благокрасни и бѣлообразни нарицахут имя ему, и огненными пеленами повиваху его, и пламы огненный дааху ему ясти* [Жит. Серг. Рад.: 274]; *Бегиларбей же восточный, велику суцу и мощну, воскричав со всѣю силою восточною и нападѣ на грѣки, и размѣси полки их, и прогна их, и, взем копие, напусти на цесаря* [Пов. о взят. Царьгр.: 256] и т. п.

2.2.1.2.2. Употребление вербативного дескриптивного элемента в атрибутивной функции

Дескриптивный элемент словесного ряда с вербативной дескрипцией, находящийся в атрибутивной функции, выражается, как правило, сочетанием действительного или страдательного причастия с именем существительным. Это объясняется тем, что причастия, так же, как и имена прилагательные, обозначают признак предмета и выступают в функции определения.

Словесные ряды с вербативной дескрипцией могут включать в свой состав как однокомпонентный, так и многокомпонентный дескриптивный элемент.

Приведём примеры словесных рядов с вербативной дескрипцией, содержащих однокомпонентный дескриптивный элемент, выступающий в атрибутивной функции: *Въ то же время во святаго Георгия монастыри бѣ*

нѣкий челоуѣкъ яко уродъ ся творя, прозорлива же дара имѣа от Бога благодать [Пов. о пут. Иоан. Новгород.: 460]; *И постави на нем кумир, еже принесе от Солнечнаго града фругийскаго, имуцаго на главѣ семь лучь* [Пов. о взят. Царьгр.: 220]; *И во царство ихъ пришед, с войском своимъ ста и б дни ту стоявъ; и дворы пусты Раклиевы нашли, златомъ, и бисером, и камением украшены* [Алекс.: 102]; *Биаше во Афинѣхъ нѣкто муж, Леонтие нарицаем, въ конецъ достиг всякие философии, и словесным, и естъствныи, и звездочѣтныи* [Хрон. Конст. Манасс.: 290]; *И избра десят мужей своихъ велия разумы исполнены, и посла их во вся земли твоя, и повелѣ им вѣмъ тѣхъ вѣр своимъ очима видѣти* [Жит. велик. кн. Ольги: электронный ресурс]; *И избрав старца нѣкоего именемъ Павла, чиномъ священничества подобнѣ украшена, и дастъ им игумена* [Жит. Зос. и Савв. Солов.: электронный ресурс]; *Братъ нѣкий, именемъ Закхей, прииде къ преподобному, нося на себѣ мантию, лыкомъ вязану, моля святаго Корнилиа, да повелитъ ему измѣнити на лучшую* [Жит. Корн. Ком.: электронный ресурс]; *В той же обители Печерской бѣ икона Умиление Пречистыя Богородицы в киотѣ, нѣкоимъ изграфомъ священноинокомъ Арсениемъ Хитрошемъ, боголюбно и богоподобно, благочистителными шары тщателнѣ написанъ* [Пов. о Псково-Печ. мон.: электронный ресурс]; *Братия же, не могуще безъ пастыря быти, и избравше единого отъ ученикъ святаго, мужа, в добродѣтеляхъ сияюща, Саву именемъ, и того возведоша на игуменство* [Жит. игум. Никона: электронный ресурс].

Приведёмъ примеры словесныхъ рядовъ с вербальной дескрипцией, содержащихъ многокомпонентный дескриптивный элементъ, выступающийъ в атрибутивной функции: *Ино хошу вамъ повѣдати, яже отъ преподобнаго отца нашего Сергия бысть: инии же благочестивии челоуѣцы видеша себе во снѣ во граде Казани и видеша старца в ветхихъ ризахъ чернеческихъ ходяща и браду велию густу, не велии долгу имуца, и храмины во градѣ и градъ самому ему метущу* [О взят. Казани: электронный ресурс]; *И прииде съ владыкою в*

Ростовъ, видѣть церковь, украшену златомъ и жемчюгомъ и драгымъ каменiemъ, акы невѣсту украшену [Пов. о царев. Орд.: 22].

Следует отметить, что причастия в данных описательных сообщениях, являясь формами переменными, выступают лишь в качестве средства выражения эксплицированного признака, тогда как основную семантическую нагрузку выполняют имена существительные.

2.2.1.2.3. Употребление субстантивного дескриптивного элемента в атрибутивной функции

В ряде текстов нам встретились словесные ряды, в которых в атрибутивной функции выступает дескриптивный элемент, выраженный именем существительным. В таких словесных рядах дескриптивный элемент является вторым названием объекта описания и характеризует его в отношении рода занятий, родства, вероисповедания, социальной принадлежности и т.д.

Приведём примеры субстантивных словесных рядов с однокомпонентным дескриптивным элементом, выполняющим атрибутивную функцию: *Еупатей же, исполин силою, и разсѣче Хостоврула на полы до седла* [Пов. о раз. Ряз. Бат.: 192]; *Во тѣ же часѣ, Якову сѣдящу у него, приидоста Лазорь Домажирецъ и Иворь Молибожичь, два безаконьника от племени смердя, и поклонистася ему до земль* [Гал.-Вол. лет.: 298]; *Прилучи же ся в то время старецъ Кирилова монастыря, ему же имя Дионисие, художествомъ часовникъ* [Расск. о смерти Пафн. Бор.: 482].

В следующих примерах представлены словесные ряды с многокомпонентным дескриптивным элементом в атрибутивной функции:

Попущением Божиимъ за грѣхы наша, от навождения диаволя въздвижеся князь от вѣсточныа страны, имянем Мамай, еллинъ сый вѣрою, идоложрецъ и иконоборецъ, злый христьянский укоритель [Сказ. о Мамаев. поб.: 132]; *Во граде убо Путимль и во всѣй земль Черниговския страны инь нѣкто прелукавый змий возста имянемъ Петрушка, казаческой товарищ,*

родом звенигородецъ, художествомъ гончар [Из Хрон. 1617 г.: электронный ресурс].

2.2.1.2.4. Употребление неоднородного дескриптивного элемента в атрибутивной функции

В атрибутивной функции могут употребляться все виды неоднородных дескриптивных элементов.

Адъективно-вербальный дескриптивный элемент: *Бысть в то время мнихъ етеръ премудръ о божественыхъ, житиемъ и словомъ украшенъ <...> Варламъ бгъ имя сему старцю [Пов. Варл. Иоас.: 197]; Явися звѣзда на востоцѣ хвостатая, образомъ страшымъ, испущающе от себе лучъ великы, си же звѣзда нарѣчается власатая [Гал.-Вол. лет.: 360]; Он же от многа желаниа не дождавъ, но приникъ скважнею, видѣ блаженнаго в худостнѣ портище, згло раздранѣ и многошвенѣ, и въ потѣ лица тружающася [Жит. Серг. Рад.: 354]; И стояше клубокъ на гробѣ Онаньинѣ златъ с каменемъ драгымъ с жемцюгомъ украшеным, полнѣ мура и ливанѣ, и стекляницу, того не видихом [Сказ. Вавил.: 182 – 184]; Наипаче же священными книгами преисполнивъ тую: святая Еуангелиа съ златыми писмены и серебромъ позлащеном хитро покова с каменми честными [Пов. об Ионе: 360]; И пред нимъ лежаше единъ колъ велми дебелъ и высокъ, весь позлащенъ, и вопроси апоклисаря Дракула: «Что ради учинихъ сей колъ тако? Повѣж ми» [Сказ. Драк.: 560] и т. п.*

Адъективно-субстантивный дескриптивный элемент: *Боголюбивому князю Ярославу любяще Берестовое и церковь ту суцую Святыхъ апостоль и попы многы набдящю, и в них же бгъ прозвутерь, именемъ Ларионѣ, мужь благъ, и книженъ и постникъ [ПВЛ: 170]; Съй бгъ князь Александръ родися от отца милостилюбца и мужелюбца, паче же и кротка, князя великаго Ярослава и от матере Феодосии [Жит. Ал. Невск.: 426]; Иногда же прииде от угорскаго короля Маттѣаша апоклисарь до него, человекъ не малъ, боляринѣ, в лясѣхъ родом [Сказ. Драк.: 560]; Ефьянин же Ахиллей сияше паче встѣх, человѣкъ*

ратем побѣдник, силен и крѣпкорук [Хрон. Конст. Манасс.: 278]; Такоже и к сему попу Тимофею прииде на исповѣдание грѣховъ своихъ девица нѣкая, красна зѣло, дщи славныхъ града того [Пов. о Тим. Влад.: 58]; Въ всечестномъ убо градѣ семь бысть нѣкый мужь, много въ всякой премудрости внѣшнѣй, и еже по насъ священномъ богословии учитель велик, и прѣвый сущихъ тамо сказателей, егоче имя не познахъ ниже бо слышахъ когда у кого [Соч. Макс. Грека: 468] и т. п.

Адъективно-субстантивно-вербальный дескриптивный элемент:
Таче Ермия (Гермес) въводятъ бога суца, желателя и тати, и хыщника, и вѣлхва, и сухорука, словесемъ толковати, еже не доветъ богу быть таковымъ [Пов. Варл. Иоас.: 218]; И присла ему патриархъ из Царяграда митрополита Михаила учителна, премудра же и книжна, паче же всѣми духовными дѣлы украшена и житиемъ велика, сирина родом, и с нимъ епископы [Жит. велик. кн. Ольги: электронный ресурс]; И зреть пришедша к нему старца святолѣнна, сединами украшена, во образе Антония Великаго, и емше его за руку и рече: «Корнилие, гряди по мнѣ» [Жит. Корн. Ком.: электронный ресурс]; И явленно бысть святительству его, и абие предъ лицемъ его сташа боле двадесяти числомъ, в нихъ же первый бѣ именованъ Офонасей Ощеринъ, зело старъ сый и весь уже пожолтел, в сединахъ; и еще возвестиша ему вся, яже о немъ [Жит. Дионис.: электронный ресурс]; По семь же зритъ: и се от великаго того острова Валамскаго по езеру к нимъ грядяще мужь старъ, обложенъ въ священную одежду бѣлу, въ велицей славы сущъ [Сказ. Валаам. мон.: электронный ресурс]; В дни царства Траяня, идольстии жрътвы одрѣжащи, бѣ етеръ стратилатъ, именованъ Плакида, добра рода и славна, богатъ же зѣло паче всѣхъ златомъ и прочею службою; еллинъ же бѣ върою, а дѣлы праведными украшашеся, алчущая насыщая, жаждущая напая, нагья одѣвая, впадающимъ в бѣду помагая, ис темница изимаа, и всѣмъ людемъ отнюдъ помогаая [Сказ. Евст. Плак.: 226].

Субстантивно-вербативный дескриптивный элемент: *Аполона же въводятъ бога суца, ревнителя еще же и стрелца и туль держаща, овогдаже гудуца и пѣснотвора, и волхвующа человекомъ мзды ради Убо проситель есть, якоже не подобаетъ богу просителю быти и ревнителю и гудцю [Пов. Варл. Иоас.: 220]; И яко же нача въсходити солнце, слыша шумъ страшенъ по морю и видѣ насадъ единъ гребущъ по морю, и посреди насада стояща святая мученика Бориса и Глѣбъ въ одеждахъ чръвленых, и бѣста руки дрѣжаща на рамѣх. Гребци же съдяху, акы мглою одѣани [Жит. Ал. Невск.: 430]; Сиа слышавъ единъ от нихъ нѣкто человекъ, христианинъ, поселянинъ, чиномъ орачь, земледѣлецъ, живый на селѣ своем, орый плугомъ своимъ и от своего труда питаася, пребываше от далече суцихъ мѣсть, иже от многа желаниа и слышаниа въсхотѣ видѣти его [Жит. Серг. Рад.: 352]; Той убо, собравъ муже ратные, шлемоносца и копийники, мужа исполина тѣлом, доброрастенъ възрастъ имущемъ тѣла [Хрон. Конст. Манасс.: 312]; Ту же наидоша в трупии томъ и сеита казанскаго, убита, и оного буюго варвара — сходника и прелагатая князя Чапкуна, лежаща нага, по частемъ разсѣчена и толь скоро согнивши во единъ день, и червми кипяща, и злосмрадие злое издающа на показанне протчимъ встѣмъ измѣнникомъ, с лестию и неправдою служащимъ государемъ своимъ — им же да буди вѣчная мука [Казанск. ист.: 532 – 534].*

2.2.2. Функционирование дескриптивных словесных рядов на уровне текста

Учитывая тот факт, что термин *текст* в лингвистике понимается в широком и узком смысле и может употребляться для обозначения двух различных объектов лингвистического исследования (см. гл. 1, с. 13), мы считаем необходимым использовать в нашей работе термины, которые бы не только разграничивали понятия *текст* в широком и узком смысле, но и были

разработаны с учётом структурных особенностей древнерусского текста. К таким понятиям мы относим *deskриптивный текст* и *deskриптивное единство*.

Итак, под *deskриптивным текстом* мы предлагаем понимать относительно завершённое смысловое целое, построенное по типу *описания*, а под *deskриптивным единством* – функционально-смысловой фрагмент текста, построенный по типу *описания*.

Следует еще раз оговориться, что древнерусский текст состоял из традиционных формул-синтагм. Это был текст «без синтаксической перспективы, ровный, ритмичный», представляющий собой свободное соединение предикативных единиц с помощью сочинительных союзов *а, и, да* и частицы *же*. Такое соединение предикативных единиц называлось «цепочечным нанизыванием», и от сложного предложения оно отличалось тем, что «могло использовать самые разные глагольные формы и по существу не имело конечных границ» [Колесов 2009: 448].

В нашем материале не представлено *deskриптивных текстов*, поэтому мы будем рассматривать функционирование *deskриптивных словесных рядов* только на уровне *deskриптивного единства*.

В нашем материале представлено две разновидности *deskриптивного единства*, для обозначения которых мы предлагаем использовать следующие термины: *моногеническое deskриптивное единство* и *контаминированное deskриптивное единство*.

Моногеническое (от греч. *μόνος* – ‘один’ и *γένεσις* – ‘происхождение’) *deskриптивное единство* представляет собой соединение *deskриптивных словесных рядов* одного вида.

Контаминированное (от лат. *contaminatio* – ‘смешение’) *deskриптивное единство* состоит из *словесных рядов* разных видов *deskрипции*.

Следует указать, что бóльшую часть описаний в древнерусских текстах составляют *контаминированные deskриптивные единства*. Приведём примеры *контаминированных deskриптивных единств*.

Полата бо его на четыре перестрѣлы долга и широка вельми, златы же стѣны бяху, покровъ весь златъ и столпове вси златы, жемчюгом и камением украшени бяху; и всех же великих царей боеве писаны в той полате и 12 месяцев в человеческих образехъ изваяни, бяху же 12 добродетелей человеческих изваяни в злате женскими образы, всяко по своему подобию, и часовникъ мѣсячный и смена лунная верху полаты тое сотворена бяху [Алекс.: 128].

Данное дескриптивное единство представляет собой описание дворца индийского царя Пора. Структурную основу данного дескриптивного единства составляет соединение словесных рядов с адъективной дескрипцией (*Полата бо его на четыре перестрѣлы долга и широка вельми, златы же стѣны бяху, покровъ весь златъ и столпове вси златы и т. п.*) и словесных рядов с вербальной дескрипцией (*жемчюгом и камением украшени бяху, 12 месяцев в человеческих образехъ изваяни и т. п.*); в словесных рядах того и другого вида дескриптивный элемент употребляется в функции предиката. Словесные ряды соединены при помощи бессоюзной и паратактической связи.

Следующее дескриптивное единство представляет собой описание-характеристику преподобного Герасима – основателя Троицкого Болдина монастыря:

Пребываше же преподобный в нощи убо на бдѣнии в слезах, во дни же на трудех на строении монастырском, овогда на братию меляше и хлѣбы печаше, и воду и дрова сам на раму своею ношаше в пекарню и в поварню, и сочиво на братию варяше, и свитки на братию мыяше, и около больных работаше, и на прочих трудех безпрестани пребываше в нощи и во дни; мало же сна приимаше, стоя или сидя, на ребрѣх же своих не опочиваше до конца жития своего; и ко всѣмъ имѣя любовь велию, к посту же убо и к труду крѣпокъ добръ и силен [Жит. Герас. Болд.: электронный ресурс].

Данное дескриптивное единство основано на перечислении постоянных процессуальных признаков объекта описания, поэтому его структура

представлена паратактическим соединением вербативных словесных рядов. Замыкает структуру словесный ряд с адъективной дескрипцией (*к посту же убо и к труду крѣпокъ добръ и силен*), который придаёт дескриптивному единству относительную завершенность.

Приведём еще один пример описания-характеристики:

Сий же благовѣрный князь Володимѣрь возрастомъ бѣ высокъ, плечима великъ, лицемъ красенъ, волосы имѣя желты кудрявы, бороду стригый, руки же имѣя красны и ноги, рѣчь же бѣшетъ в немъ толъста, и устна исподняя добела. Глаголаше ясно от книгъ, зане бысть философъ великъ. И ловечь хитръ хороборъ. Кротокъ, смиренъ, незлобивъ, правдивъ, не мѣздоимѣць, не лживъ, татьбы ненавидяше, питья же не пи от возраста своего. Любовь же имѣяше ко всимъ, паче же и ко братьи своей, во хрестъномъ же челованьи стояше со всею правдою истинною, неличемѣрною, страха же Божия наполненъ, паче же милостыни предлежаше, монастыря набдя, чернѣць утѣшаа и вси игуменъ любовью приимаа. И монастыря мнози созда, на весь церковный чинъ и на церковники отверзль ему бѣшетъ Богъ сердце и очи, иже не помрачи своего ума пьянствомъ, кормитель бо бѣшетъ чернѣцемъ и черничамъ, и убогимъ, и всякому чину, яко возлюбленный отцемъ бѣшетъ. Паче милостынею бѣше милостивъ, слыша Господа, глаголюща: «Аще створите братьи моей меньшей, то и мнѣ створите», пакы Давидъ глаголетъ: «Блаженъ мужъ милуя и дая весь день о Господѣ не потъкнетъся». Мужество и умъ в немъ живяше, правда же и истина с нимъ ходяста, иногo добродѣанья в немъ много бѣаше, гордости же в немъ не бѣаше, зане уничижена есть гордость предъ Богомъ и чelовѣкы, но всегда смиряше образъ свой скрушенымъ сердцемъ, и воздыхание от сердца износя, и слезы от очью испущаше, покаяние Давыдово приимъ, плачяся о грѣсехъ своихъ, возлюбивъ нетлѣнная паче тлѣнныхъ, и небесная паче временныхъ, и царство со святыми у Вседержителя Бога паче притекущаго сего царства земнаго [Гал.-Вол. лет.: 408].

Данная характеристика состоит не только из описаний действий, характеризующих князя Владимира (*манастьря набдя, чернѣцѣ утѣшаа и вси игуменѣ любовью приимаа, манастьря многи созда*). Она содержит также описание его внешности (*Сий же благовѣрный князь Володимѣръ возрастомъ бѣ высокъ, плечима великъ, лицемъ красенъ, волосы имѣя желты кудрявы, бороду стригый, руки же имѣя красны и ноги, рѣчь же бѣшетъ в немъ тольста, и устна исподняя добела*), интеллектуальную характеристику (*Глаголаше ясно от книгъ, зане бысть философъ великъ*), перечисление морально-этических качеств (*кротокъ, смиренъ, незлобивъ, правдивъ, не мздоимѣцъ, не лживъ, татѣбы ненавидяше, питья же не пи от возраста своего, любь же имѣяше ко всимъ и т. п.*).

Структуру представленного дескриптивного единства составляет соединение словесных рядов с адъективной дескрипцией (*возрастомъ бѣ высокъ, плечима великъ, лицемъ красенъ; рѣчь же бѣшетъ в немъ тольста; и ловечь хитръ хороборъ и т. п.*), вербативной дескрипцией (*Глаголаше ясно от книгъ; любь же имѣяше ко всимъ, во хрестѣномъ же челованьи стояше со всею правдою истинною, неличемѣрною; страха же Божия наполненъ и т. п.*), субстантивной дескрипцией (*кормитель бо бѣшетъ чернѣцемъ и черничамъ, и убогимъ, и всякому чину*).

Моногенические дескриптивные единства встречаются в древнерусских письменных памятниках реже, чем контаминированные. По способу выражения дескриптивного элемента моногенические дескриптивные единства можно разделить на три вида.

а) Адъективные:

Герману же пришедшу на осень къ берегу морьскому, хотящу шествиати творити на остров Соловецкый, и не возможе, бѣ бо воздухъ хладен, и вѣтри противни, и снѣговъ мнози, и бѣше въ мори велико волнение [Жит. Зос. и Савв. Солов.: электронный ресурс].

б) Вербативные:

У се же лѣто ведро бѣше, яко изгаряше земля, и мнози борове изгоряхуся самѣ и болота, многа знаменья бываху по землѣ [ПВЛ: 226];

Образъ же блаженаго и тѣло удручено бѣше, и кости его, и състави яко мощи исщести, и свѣтлость лица его блѣдъ имуще отъ великаго труда и въздержания, и бдѣнія, отъ многоглаголь, яже тружашася, поя и почитая, и молитву принося къ Богу [Жит. Авр. Смол.: 78].

в) Субстантивные:

Не бѣ бо ни прохода, ни приноса ниоткуда же; не бѣ бо окрестъ пустыня тоя близъ тогда ни сель, ни дворовъ, ни людей, живущих в них; ни пути людскаго ниоткуда же, и не бѣ мимоходящаго, ни посѣщающаго, но округъ мѣста того съ всѣ страны все лѣсъ, все пустыня [Жит. Серг. Рад.: 296].

Примерно с XVI века возникает совершенно новый тип передачи информации: «усиление системности языка снимает творческую напряжённость с текстовых формул, развивая независимость отдельного слова в новой текстовой структуре» [Колесов 2009: 392]. Меняется принцип организации текста. «Совмещение модальности высказывания, предикативности суждения и определённости ситуации» приводит к развитию сложноподчинённых предложений, «с помощью которых логические контуры высказывания стали осознаваться вполне ясно» [Колесов 2009: 393]. Кроме того, «в области текстообразования происходит изменение перспективы: смена обратной перспективы «от вещи» на прямую, свойственную современному восприятию реального ряда «вещей» – от говорящего» [Колесов 2009: 393].

Выводы

Итак, во второй главе диссертационной работы нами рассмотрена структура дескриптивных словесных рядов, главной функцией которых является описание действительности, а также их функционирование на уровне формулы-синтагмы и на уровне текста.

Дескриптивный словесный ряд представляет собой линейную, обладающую относительной смысловой и структурной законченностью последовательность двух логически зависимых друг от друга элементов: номинативного элемента, обозначающего объект действительности, который подвергается описанию, и дескриптивного элемента, содержащего собственно описание означенного объекта действительности.

Номинативный элемент служит номинацией объекта действительности, подвергающегося описанию, и определяет содержательно-тематический вид дескриптивного словесного ряда. Он может иметь разное грамматическое выражение, также может быть различной позиция номинатива в дескриптивном словесном ряду: номинатив может быть препозитивен, постпозитивен по отношению к дескриптивному элементу, может находиться внутри дескриптивного элемента или «разрываться» дескриптивным элементом.

Дескриптивный элемент дескриптивного словесного ряда служит для характеристики объекта описания. В зависимости от морфологического выражения дескриптивного элемента дескриптивные словесные ряды делятся на несколько видов: словесные ряды с адъективной дескрипцией, словесные ряды с субстантивной дескрипцией, словесные ряды с вербативной (глагольной) дескрипцией, словесные ряды с неоднородной дескрипцией. Ядерным средством выражения описания в древнерусском тексте являются словесные ряды с адъективной дескрипцией, на втором месте по частотности употребления стоят словесные ряды с неоднородной дескрипцией, на третьем – словесные ряды с вербативной (глагольной) дескрипцией, на четвёртом – словесные ряды с субстантивной дескрипцией.

Значение описания в древнерусском тексте может выражаться на уровне одной предикативной единицы (синтагмы), внутри которой дескриптивный элемент выступает либо в предикативной, либо в атрибутивной функции; а также на уровне функционально-смыслового фрагмента текста, который мы определяем как дескриптивное единство.

В нашем материале представлено две разновидности дескриптивного единства: моногеническое дескриптивное единство и контаминированное дескриптивное единство. Моногеническое дескриптивное единство представляет собой соединение дескриптивных словесных рядов одного вида. Контаминированное дескриптивное единство состоит из словесных рядов разных видов дескрипции.

Моногенические дескриптивные единства встречаются в древнерусских письменных памятниках реже, чем контаминированные. По способу выражения дескриптивного элемента моногенические дескриптивные единства делятся на три вида: адъективные, вербативные, субстантивные.

ГЛАВА 3

СЕМАНТИКА ДЕСКРИПТИВНЫХ СЛОВЕСНЫХ РЯДОВ

Данная глава посвящена рассмотрению семантики дескриптивных словесных рядов. Как уже отмечалось в гл. 1, дескрипция (описание) представляет собой языковую экспликацию познания как процесса определения внешних и внутренних характеристик, свойств, элементов объекта действительности, поэтому, как нам представляется, может быть дифференцирована как *сенсорная* и *рациональная*.

3.1. СЕНСОРНАЯ ДЕСКРИПЦИЯ

В основе *сенсорной дескрипции* лежит восприятие – «целостное отражение предметов, ситуаций, явлений, возникающих при непосредственном воздействии физических раздражителей на рецепторные поверхности органов чувств» [Маклаков 2001: 200]. В зависимости от того, какой из анализаторов является ведущим в акте восприятия, различают зрительное, слуховое, осязательное, вкусовое и обонятельное восприятие.

Дескриптивные словесные ряды в древнерусском тексте вербализуют признаки, свойства, характеристики объектов описания, воспринимаемые всеми пятью внешними рецепторными органами, что позволяет нам выделять следующие семантические виды дескриптивных словесных рядов: *дескриптивные словесные ряды, передающие визуальные восприятия*; *дескриптивные словесные ряды, передающие аудиальные восприятия*; *дескриптивные словесные ряды, передающие ольфакторные восприятия*; *дескриптивные словесные ряды, передающие осязательные восприятия*; *дескриптивные словесные ряды, передающие восприятие вкуса*. Далее для краткости мы будем обозначать семантические виды дескриптивных словесных

рядов как *визуальные дескриптивные словесные ряды, аудиальные дескриптивные словесные ряды, ольфакторные дескриптивные словесные ряды, осязательные дескриптивные словесные ряды и дескриптивные словесные ряды, передающие восприятие вкуса.*

3.1.1. Визуальные дескриптивные словесные ряды

Визуальные дескриптивные словесные ряды содержат дескриптивный элемент, обозначающий зрительно воспринимаемые признаки, свойства и качества объекта описания. Этот вид дескрипции относится к ядерным в древнерусском тексте (419 дескриптивных словесных рядов – 86%) и может быть представлен следующими содержательно-тематическими видами описаний: описанием внешности, описанием местности, описанием материальных объектов, окружающих человека и созданных его руками (церкви, храма, дворца и т.п.), описанием природы.

3.1.1.1. Описание внешности

Описания внешности в древнерусских текстах представляют собой словесное изображение внешнего признака объекта описания (который может сводиться к указанию на отдельную деталь внешнего облика объекта описания, а также к изображению обобщенного признака, характеризующего внешность объекта в целом) или перечисление деталей внешнего облика объекта описания. Среди внешних признаков выделяются рост, части тела, лицо, детали одежды.

Репрезентантом *обобщенного признака, характеризующего внешность объекта описания в целом*, в древнерусском тексте выступают словесные ряды с адъективной дескрипцией, в которых в качестве дескриптивного элемента, находящегося в предикативной или атрибутивной функции, чаще всего выступают краткие прилагательные с корнем *крас-*. Например: *И бысть отроча красно* [ПВЛ: 108]; *И многою скорбию смущаше царьскую славу и*

богатство, понеже бесплодна, не имуци отрочати, красна же бгъ зело [Алекс.: 26]; *Святый же славный пророкъ Илша Фезвитянинъ, егда роди его мати его, тогда родители его видѣша видѣние, яко мужие благокрасни и бгълообразни нарицахут имя ему, и огнеными пеленами повиваху его, и пламы огненный дааху ему ясти* [Жит. Серг. Рад.: 274] и т. п.

В отдельных словесных рядах значение ‘красивый’ вербализуют прилагательные, имеющие корни *бел-, светл-, благ-, добр-*. Например: *И по мале времени, въ един от днии молящуся ему в кѣлии своей, приидоша к нему два мужа свѣтлы згъло образом, влекуще за собою кережу, полную хлѣбов и муки и масла* [Жит. Зос. и Савв. Солов.: электронный ресурс]; *И вечеру глубоку суцу, и приидоста к нему два мужа свѣтла, суцу акы солнце, и възбудиста и, глаголюще: «Друзе Петре, услышана бысть молитва твоя и милостыня твоя въздоша пред Богом»* [Пов. о царев. Орд.: 24]; *Бгъ же нѣкто благообразен и доброзрачен юноша, имя же сему Михаил, родом от Пефлагон* [Хрон. Конст. Манасс.: 308].

Следует указать, что дескриптивные элементы, выраженные именами прилагательными с корнями *крас-, бел-, светл-, благ-, добр-*, наряду с дескриптивным содержанием эксплицируют сублимированную оценку: эстетическую (красота телесная) и этическую (красота духовная) – таким образом, характеризуя объект описания как положительного, нравственного человека или указывая на его святость. Ф. И. Буслаев отмечал, что для христианского искусства «красота внѣшняя уже потеряла всю свою обаятельную силу; она лишилась своего собственного торжественного величія и стала только приличною оболочкою, скромнымъ вмѣстилищемъ заключѣнной в ней духовной святыни» [Буслаев 1861 б: 219].

Своей задачей христианское искусство ставило изображение «подобія» или «правдоподобія», определявшегося «церковными преданиями» [Буслаев 1861 б: 220], поэтому довольно часто репрезентантом обобщенного признака, характеризующего внешность объекта описания в целом, в древнерусском

тексте выступает сравнение. Например: *Мужа же сия, имуца видѣния подобно яко ангела Божия* [Жит. Дм. Солун.: электронный ресурс]; *Аз же възрѣх на правую страну и видѣх на воздусть стояща архаггела, образом же бѣ, якъ Гаврил архаггелъ пишется у Благовѣщения Пресвятыя Богородица, со скипетром* [Пов. Мартир. Зелен.: электронный ресурс]; *Азь же падохъ ниць, не могый зрѣти ангелообразнаго лица его, бѣ бо зракомъ по писанию написаннаго на древнихъ иконахъ, обличье же лица его сияючи, яко солнечная луча пуцааше лучю* [Жит. Дм. Солун.: электронный ресурс].

Для описания отрицательных объектов, как правило, имеющих пейоративную внешность, в качестве дескриптивного элемента в древнерусских текстах выступают имена прилагательные с корнем *черн-*. Например: «*Онъ же рече: «Бози наши живутъ въ безднахъ. Суть же образомъ черни, крилати, хвостъ имуци; въсходятъ же и подѣ небо, слушающе вашихъ боговъ. Ваши бози на небесъ суть. Аще кто умреть от вашихъ людий, то возносимъ есть на небо, аще ли от нашихъ умираетъ, но носимъ есть к нашимъ богомъ въ бездну»* [ПВЛ: 192]; *Яко внидохом въ гробницу, и мужу отступльшу от мене, мнѣ же молящеися у гроба, ста предо мною ефиопъ чернь страшен образом, держа в руцѣ древо велико, и удари мя дрeвом по главѣ* [Жит. Зос. и Савв. Солов.: электронный ресурс] и т. п.

Описания частей тела в древнерусском тексте отличаются единообразием и краткостью, они не дают представления о внешнем облике объекта описания и не могут служить идентификаторами индивидуальной личности. Единообразие описаний тела нередко достигается за счёт повторяемости одной и той же семантически несвободной фразы (какой, например, является синкретемы *красень лицемъ, красень / великъ тѣлом* и т. п.) или имени прилагательного (*красно, великъ*), входящих в однокомпонентный или многокомпонентный словесный ряд в качестве дескриптивного элемента и служащих для эстетической характеристики лица в целом. Например: *Видѣвъ же науклиръ жену Еустафиеву, яко красна бѣ лицемъ зѣло възлюби ю* [Сказ.

Евст. Плак.: 232]; *Потом придет ти человекъ, красень лицемъ, вдай же ему в руцѣ все оружие свое* [Сл. Мерк. Смол.: 204]; *Бѣ же Василко лицемъ красень, очима свѣтель и грозень, хоробръ паче мѣры на ловѣх, сердцемъ легок, до боярь ласковъ.* [Лет. пов. о монг.-тат. нашеств.: 144]; *Видѣвъ же царь дерзновение его, крестьянина себе нарѣчюща, и весьма чающа что-либо прияти ради имене Господа нашего Исуса Христа, уже бо и лицо святаго зѣло красно бяше* [Жит. Дм. Солун.: электронный ресурс]; *Единъ же от народа уноша, зѣло красень и еще младъ сый върастомъ, именемъ Несторъ, уже власы браныа испущаа* ([Жит. Дм. Солун.: электронный ресурс]; *Он же видѣвъ, яко красна есть лицемъ, тѣло же ей бысть власато, яко щеть* [Суды Сол.: 74]; *Вси же суци в той веси оба юноши та, якоже странна суци, предаша а воиномъ; бѣста же растомъ и видѣниемъ красна зѣло* [Сказ. Евст. Плак.: 238]; *И нѣкий от велмож резанских завистию насочи безбожному царю Батыю на князя Федора Юрьевича Резанскаго, яко имѣет у собе княгиню от царьска рода, и лѣпотою-тѣломъ красна бѣ зело* [Пов. о раз. Ряз. Бат.: 186]; *И яста ся бороти крѣпко, и надолзѣ борющимся има, и нача изнемогати Мьстиславъ: бѣ бо великъ и силенъ Редедя* [ПВЛ: 160]; *Тако убо свѣтующе, мнози на то укланяхуся, надѣяху бо ся на цесаря, зане въдяаху храбрости и силу его, велик бо бѣ зѣло и исполин силою* [Пов. о взят. Царьгр.: 240]; *И оттоле идохом сквозѣ град, — далече поприще велико итти къ святому Кипреану, — и цѣловахом тѣло его: великъ былъ тѣломъ* [Хожд. Стеф. Новг.: 40] и т. п.

Следует указать, что дескриптивные словесные ряды, в состав которых входят синкретемы *красень лицемъ*, *красень / великъ тѣлом* и имена прилагательные *красно*, *великъ*, служащие для характеристики тела в целом, фиксируются во всех типах и во всех жанрах древнерусских текстов, начиная с самых ранних памятников (XI – XII вв.).

Следует указать, что к наиболее часто встречающимся в древнерусских текстах описаниям частей тела относится лицо. Как показывает языковой

материал, наряду с общей характеристикой лица, представленной при помощи синкретемы *лицем красень*, в древнерусских текстах встречаются дескриптивные словесные ряды, содержащие более детальную характеристику лица. В качестве детализаторов наиболее часто употребляются *борода* и *глаза*.

Описание бороды встречается в древнерусских текстах чаще, чем описание других деталей лица (12 дескриптивных словесных рядов). Ф. И. Буслаев указывал, что борода на Руси «была знакомъ бóльшей зрѣлости и духовнаго совершенства и, слѣдовательно, высшей красоты» [Буслаев 1861 б: 229]. Среди признаков, характеризующих бороду, указываются следующие: размер (*долга, не широка, ниже персей, велика, мала*), форма (*ровна, кругла*), цвет (*руса, сединою вся ровна и бѣла, черна*), качество волос (*поизвита, густа*).

Приведем примеры дескриптивных словесных рядов, содержащих описание бороды: *Таже вижду исшедша из гроба старца сѣда брадою* [Жит. Зос. и Савв. Солов.: электронный ресурс]; *Брада же бысть у Никандра долга, а не широка, ровна, руса, сединою вся ровна и бѣла, подобна Феодосию Печерскому* [Жит. Никандра Псковск.: электронный ресурс]; *И бяху власи главнии ниже чресль моих, и брада моя ниже персей моихъ сошла бѣ* [Пов. Акире Прем: 268]; *Егда устраяшися въ священчѣскый сань, образъ же и подобье на Великого Василья: черну браду таку имѣя, плешиву развѣ имѣя главу* [Жит. Авр. Смол.: 78]; *И лежащу ми, яко въ изступлении, и видѣхъ мужа, емуже брада черна, поизвита, плешивъ и възоромъ страшенъ* [Волоколам. пат.: электронный ресурс]; *Мнѣ же, Михаилу, на кормѣ отчаянием дремлющу и видѣхъ против себе идуща от монастыря прямо старца велика, сѣда власы, браду имуща велику* [Жит. Арс. Кон.: электронный ресурс]; *И егда прочтоша апостольское учение и начаша пѣти «Аллилуиа», азъ же восхотѣвъ пойти чести святое Евангелие, — и видѣхъ мужа, брадата и стара, стояща за престолом и жезль в руцѣ имый (ото образа его разумѣти, яко святой Николае есть) [Волоколам. пат.: электронный ресурс]; *Ино хошу вамъ повѣдати, яже от преподобнаго отца нашего Сергия бысть: инии же**

благочестивии челоуѣцы видеша себе во снѣ во граде Казани и видеша старца в ветхихъ ризахъ чернеческихъ ходяща и браду велию густу, не велии долгу и муца, и храмины во градѣ и град самому ему метушу [О взят. Каз.: электронный ресурс]; И абие мало успе, и явися ему преподобный Кирил в раздранный ризѣ, юже и прежде ношаше, и с ним нѣкий мужъ свѣтель, плѣшивъ, имѣя браду круглу и съдату, и одѣяние свѣтло, и держа в руцѣ своей Святое Евангелие [Жит. Кир. Новоезерск.: электронный ресурс]; Прииде, — рече, — въ храмину ту, в нейже лежаше, нѣкий старецъ высокъ и благообразенъ, имѣя браду бѣлу малу и приступи близ одра ея, и прекрестивъ чрево ея, рече: «Мария, имѣй въ руцѣхъ къ блаженному Кирилу Бѣлому и буди здрава от болѣзни сея» [Жит. Кир. Новоезерск.: электронный ресурс]; Единъ же от народа уноша, зѣло красенъ и еще младъ сый въ возрастомъ, именемъ Несторъ, уже власы брадныя испущаа [Жит. Дм. Солун.: электронный ресурс] и т. п.

Описания глаз встречаются в древнерусском тексте реже, чем описания бороды (8 дескриптивных словесных рядов). При анализе языкового материала нами были выявлены словесные ряды, в которых дескриптивный элемент выражен именем прилагательным, указывающим на выражение глаз (*свѣтель и грозень, страшень, кровавы*), размер глаза (*голъмоока* ('большеглазая'), *велики, долги*), эстетический признак (*добраама* ('красивыми'))).

Приведем примеры дескриптивных словесных рядов, содержащих описание глаз: *Бѣ же Василко лицем красенъ, очима свѣтель и грозень, хоробръ паче мѣры на ловѣхъ, сердцемъ легок, до бояръ ласковъ [Лет. пов. о монг.-тат. нашеств.: 144]; И лежащу ми, яко въ изступлении, и видѣхъ мужа, емуже брада черна, поизвита, плешивъ и възоромъ страшень [Волоколам. пат.: электронный ресурс]; Бѣ же жена прѣкрасна, добровѣждна, доброзрачна, добролична, и доброобразна, голъмоока и, якы снѣгъ, бѣла, и даровъ испльнена множествомъ суци [Хрон. Конст. Манасс.: 276]; Величина же его и ширина, аки исполина, очи же его бяху кровавы, аки у звѣря или челоуѣкоядца, велики, аки буявола [Казанск. ист.: 354]; Сь убо благовѣрный Борисъ благого корене*

сый послушьливъ отьцю бѣ, покаяся при всемъ отьцю. Тѣльмъ бяше красенъ, высокъ, лицемъ круглѣмъ, плечи велицѣ, тѣнькѣ въ чресла, очима добраама, весель лицемъ, борода мала и усъ — младъ бо бѣ еще [Сказ. Бор. и Глебе: 302]; И по той земли 10 дней хожаше и жены обрѣтоша дивши, долги же бяху 3 же сажени всякая, космата же бяху яко свинии и очи же ихъ сияху яко звѣзды [Алекс.: 98]; Бѣаше видинемъ, яко синець, уснатъ, власа не имѣя на главѣ, нѣ гнои конескъ, смѣшенъ с пепеломъ. А очи его бѣсте, якоже и лисици, и лиха прота платъ лежааше на плещю его [Жит. Андр. Юрод.: электронный ресурс] и т. п.

В отдельных словесных рядах встречаются описания других деталей лица: **губ** *Сий же благовѣрный князь Володимѣръ возрастомъ бѣ высокъ, плечима великъ, лицемъ красенъ, волосы имѣя желты кудрявы, бороду стригый, руки же имѣя красны и ноги, рѣчь же бяшетъ в немъ тольста, и устна исподняя добела [Гал.-Вол. лет.: 408] **бровей, носа** (Умилена бо лицем, благолѣпна образом, долги зѣници и брови черны, носъ же средний и похиль, на главѣ же ей вѣнецъ златъ и многими цвѣты украшен разными и тяжки у госпожи, — движися [Пов. Мартир. Зелен.: электронный ресурс].*

При описании лица нередко встречаются словесные ряды, содержащие дескриптивный элемент, характеризующий цвет и сияние, которые выступают **божественным атрибутом** (*Азь же падохъ ниць, не могый зрѣти англообразнаго лица его, бѣ бо зракомъ по писанию написаннаго на древнихъ иконахъ, обличье же лица его сияюща, яко солнечная луча пуцааше лучю [Жит. Дм. Солун.: электронный ресурс]; И абие храма исполнися благоухания велиа, и бысть лице его светлѣе живаго [Жит. Герас. Болд.: электронный ресурс]; От полуденныхъ же страны приидоша два уноши, имуща на себѣ свѣтлыи багряница, лица ихъ сияюща, аки солнце, въ обоихъ рукахъ у нихъ острые мечи, и рекуще плѣковникомъ: «Кто вы повелѣте требити отечество наше, егже намъ Господь дарова?» [Сказ. о Мамаев. поб.: 168]; И абие в той часъ яви ми ся старецъ благообразенъ и стѣдиною украшенъ, лице же его свѣтяшеся яко*

свѣтъ, и в руцѣ своей держаше жезлъ, и начят бити темныя ефиопы, и отгна ихъ от мене, и рече ми: „Въстани, брате, се здоровъ еси, к тому не согрѣшай” [Жит. Кир. Новоезерск.: электронный ресурс]; От них же Иван Ходыревъ да троецкие слуги, Ананья Селевин с немногими людми, всѣдше на кони и устремившеся полем позади туров литовского наряду; и бѣ полчекъ их малъ згло, пред полчком же тѣм троецким, глаголют, видѣша з города многие люди воина вооружена, лице же его, яко солнце, конь же под ним, яко молния блистая [Сказ. Авр. Пал.: электронный ресурс]), **результатом этнической принадлежности** (Войска же бѣ индѣяне все чернообразни, ихже видѣвше еллини во странных зрацех, и убоявшеся от зрака их и оружия, и от звѣри устрашившеся, ихже индѣя кормит, ноцию бежати мысляху и оставити Трои [Хрон. Конст. Манасс.: 282]; А мужики и жонкы всѣ нагы, а всѣ черны [Хождение за три моря: 448] и т. п.), **результатом аскетического образа жизни или болезни** (Образъ же блаженаго и тѣло удручено бяше, и кости его, и състави яко моци исщести, и свѣтлость лица его блѣдѣ и муце отъ великаго труда и въздержаня, и бдѣнныя, отъ многъ глаголь, яже тружаашеся, поя и почитая, и молитву принося къ Богу [Жит. Авр. Смол.: 76 – 78]; Бѣ бо нѣкый царь велий и славень, бысть же ему шествовати на колесницѣ позлащенѣ и окрестъ его оружници, якоже подобаетъ царемъ; усрести два мужа растерзанамы ризамы и скверными оболчена суца, худа же лицемъ и згло поблѣдѣвши [Пов. о Варл. Иоас.: 198]; И притекишъ прочии, возднѣша его, он же едва отдохну, и бысть яко пиянь, а лица его, яко мерьтвецю бѣ [Пов. об ослепл. Василия II: 508]), а также **указывают на внешнюю красоту объекта описания** (Бѣ же жена прѣкрасна, добровѣждна, доброзрачна, добролична, и доброобразна, голѣмоока и, якы снѣгъ, бѣла, и даровъ испльнена множствомъ суци [Хрон. Конст. Манасс.: 276]; Азъ же глядавъ и смотривъ всѣхъ, видѣхъ едину краснѣишу всѣхъ: лицемъ свѣтящуюся и украшену велми монисты златыми и бисѣромъ и всею красотю. Еиже бѣ имя Софѣя, сирѣчь мудрость [Жит. Конст.-Кир.:электронный

ресурс]); *Тому убо Михаилу радостнообразне во царских дворех живушу, царица похотный возложивше взор и личные его видѣвшие доброты и заря — бѣше бо младообразен, благозрачен, радостен, бѣль и румян, — похотными капле росами, похотнѣ же примешашеся, прилѣжне обѣимаше от лица Михаилава благодатнии цвѣти* [Хрон. Конст. Манасс.: 308].

Исследователи отмечают, что описания внешности человека в древнерусских текстах стандартны, этикетны и идеализированы (Е. И. Зиновьева, Д. С. Лихачев, В. А. Ромодановская, Е. К. Ромодановская и др.). Однако встречаются и такие описания, в которых содержатся реальные черты. К таким описаниям В. А. Ромодановская и Е. К. Ромодановская относят описание внешности волынского князя Владимира Васильковича, которое было создано по желанию его вдовы Ольги [Ромодановская В. А., Ромодановская Е. К. 2012: 15]: *Сий же благовѣрный князь Володимѣрь возрастомъ бѣ высокъ, плечима великъ, лицемъ красенъ, волосы имѣя желты кудрявы, бороду стригый, руки же имѣя красны и ноги, рѣчь же бѣшетъ в немъ тольста, и устна исподняя добела* [Гал.-Вол. лет.: 408].

В отдельных памятниках древнерусской письменности встречаются дескриптивные словесные ряды, содержащие **описания одежды**. Так же, как и описания частей тела, описания одежды единообразны и кратки, они не дают детального представления о костюме объекта описания и чаще всего сводятся к указанию на какую-нибудь деталь, характеризующую человека с позиций христианской нравственности или сословной принадлежности.

Языковой материал показывает, что чаще всего описания одежды встречаются в агиографических памятниках древнерусской письменности (15 текстов – 24 дескриптивных словесных ряда) и служат визуальной репрезентацией аскетизма объекта описания. Для номинации одежды в агиографических текстах чаще всего употребляется лексема *риза* в значении ‘одежда, платье’, в «Житии Сергия Радонежского» в том же значении употребляются лексемы *порты* и *портище*. Для характеристики качества

одежды чаще всего используются прилагательные и причастия, указывающие на ветхость, изношенность одежды: *худостный, ветхий, раздранный, растерзанный*.

Приведём примеры дескриптивных словесных рядов, содержащих описания одежды: *Бяху бо порты на нем обычныя зъло худостны, еже по вся дни ношаше, яко аще бы нѣкто не выдавый его и отинудь не знаа его, таче аще узрит его негдѣ въ таковѣй суца одежди, то не мнит его самого того игумена Сергия быти <...>Он же от многа желаниа не дождавъ, но приникъ скважнею, видѣ блаженнаго в худостнѣ портище, зъло раздранѣ и многошвенѣ, и въ потѣ лица тружасящася [Жит. Серг. Рад.: 352, 354]; *Абие видит дале старца идуща от него, худы ризы носяща и мала возрастом [Жит. Зос. и Савв. Солов.: электронный ресурс]; *И той же пришедъше ми ко кладезю и видяща на кладезе мужа честна и съдолѣнна съдяща, во иночествѣ образѣ оболченна [Жит. Макар.: электронный ресурс]; *Братъ нѣкый, именем Закхей, прииде къ преподобному, нося на себѣ мантию, лыком вязану, моля святаго Корнилиа, да повелит ему измѣнити на лучшую [Жит. Корн. Ком.: электронный ресурс] и т. п.****

Подобные описания встречаются также и в текстах других жанров. Например: *Бѣ бо нѣкый царь велий и славенъ, бысть же ему шествовати на колесницѣхъ позлащенѣхъ и окрестъ его оружници, якоже подобаетъ царемъ; усрести два мужа растерзанами ризами и скверными оболчена суца, худа же лицемъ и зъло поблѣдѣвшиа [Пов. о Варл. Иоас.: 198]; *Ино хоуцу вамъ повѣдати, яже от преподобнаго отца нашего Сергия бысть: инии же благочестивии чловѣцы видеша себе во снѣ во граде Казани и видеша старца в ветхихъ ризахъ чернеческихъ ходяща и браду велию густу, не велми долгу и муца, и храмины во градѣ и град самому ему метуцу [О взят. Каз.: электронный ресурс] и т. п.**

Визуальной репрезентацией аскетического образа жизни могут служить также описания, указывающие на отсутствие одежды на теле объекта описания.

Например: *Литургии же начинаемъй, страшно убо и умиленю достойно в то время благочестиваго царя бяше видѣти во церкви вооруженна стояща, доспѣхъ убо на нем ничим же прикрыт, но тако свѣтяще [О взят. Каз.: электронный ресурс]; Вечеру же наставишу, егда ему бѣаше любо, не спавше, нѣ хожаше по улицамъ градънымъ, молитвы дѣя на сердце, всю ноцъ бѣя пребываше, а заутра почиваше; егда же ли ся ему не хотяше ходити в ноци, да съглядаше по улицамъ мѣста, кдѣ же пси лежатъ, да тамо шедъ, единого от нихъ прогнавъ, лежаше, яко на одрѣ почивая, нагъ, лишенъ, неимовитъ, ни рогозины имѣя, ни сукна, ни власяницѣ или платъ понѣ малъ отруянъ [Жит. Андр. Юрод.: электронный ресурс]; Уже бо бѣ кончаа молитву и, обратився, возрѣ горѣ очима на полудне и видѣ нѣкоего ходяща, нага тѣлом и чръна видѣнием от солнечнаго горѣния, власы же имѣаше на главѣ бѣлы, акы волну, и краткы, яко точью до выа досягающа [Жит. Мар. Египет.: электронный ресурс].*

В отдельных текстах нам встретились описания одежды, являющиеся репрезентантом **сословной принадлежности** объекта описания (*Посоль же приступивъ поклонися и грамоту дастъ ему; сам же стоя дивляшеся дивному образу Александрову: венець же на главѣ его бяше от самѣфира камня и великаго бисера с мерсиновымъ листвием сплетенъ, о десную его и о лѣвую стояше множество витязей венчаныхъ [Алекс.: 42]; *И внидоша в цареву полату и видиша ту одрѣ стоящъ, и ту лежаше 2 вѣнци: царя Навходоносора и царицѣ его. Они же вземше, видиша грамоту, написано грѣческымъ языком: «Си вѣнци створенъ бысть, егда Навходоносоръ царь створи тѣло златое и постави на полѣ Дирѣлмсгъй». Бяху бо вѣнци тѣ от камени самфира, измарагды и жемчюга великаго и злата аравита [Сказ. Вавил.: 184]; *И се прииде к ним от востока муж свѣтел стар во одежди святительской, великимъ же свѣтомъ сияя [Казанск. ист.: 498]; *Тоя же ноци видѣвъ возглавля моего мужа честна и страшна видѣниемъ, съдинами украшена стояху, одежду имѣя иноческаго чину багровидну [Жит. Макара.: электронный ресурс];****

А князь ихъ — фота на головъ, а другая на гузнъ; а бояре у них — фота на плещь, а другая на гузне, княини ходят фота на плещь обогнута, а другая на гузне. А слуги княжие и боярьские — фота на гузне обогнута, да щит, да меч в руках, а иные с сулицами, а иные с ножи, а иные с саблями, а иные с луки и стрелами; а всъ наги, да босы, да болкаты, а волосовъ не бреют <...> Да на салтане кавтан весь сажен яхонты, да на шапке чичяк олмаз великый, да саадак золот съ яхонты, да три сабли на нем золотом окованы, да седло золото, да снасть золота, да все золото [Хождение за три моря: 448, 466 – 468]; Папъ же оболчену суцу въ святительскый сан и в рогатъ клобуцъ съдяшу ему на висоцъ мѣстъ, а с ним гардиналовъ и бискуповъ 44, такоже облачены въ святительскый санъ и в рогатых клобуцех [Хожд. на Флорент. соб.: 480] и т. п.), **национальной принадлежности** (Яви же ся ему сице: бяху въ одежах и въ шапках литовьских отстроврьхых: и устрѣмишася на блаженнаго, хотяща разорити церковь и мѣсто изъ основания [Жит. Серг. Рад.: 306 – 308]; Одежу на собе персидьскую нося, сверху же его плаш финический и со аспидовыми роги и со златыми печатми ношаше [Алекс.: 84] и т. п.), **святости** (И вниде во храмину ту жена в светлыхъ ризахъ, поверхъ главы образъ на рукахъ держит великъ и чудень велми [Пов. о виден. во Владим.: электронный ресурс]; И бывшу прьвому въходу, и тый аггелообразный и чюдный муж изыде въслѣд святого, емуже сияюще, яко солнце, лица его, не можаше зрѣти на нь; ризы же его необычны, чюдны, блистающесе, в них же мечтание златостройно зрится [Жит. Серг. Рад.: 384]; и т.п.); **отступления от норм поведения и нравственности** (Времяни же немалу минувшу, в день неделный, блаженному Филиппу-митрополиту совершающу Божественную литоргию, царь же прииде к соборному пѣнию, оболчен в черные ризы, такоже и прочии подобницы злу, одѣяние в таковы же черные ризы, еще же на главахъ своихъ имуще шлыки высоки, ризамъ подобни, якоже и «халдеи» имут [Жит. Филип.: электронный ресурс] и т. п.).

К особым описаниям внешности М. Вас. Пименова относит описания, связанные с «эстетикой смерти», то есть с *описанием тела умершего* [Пименова 2007: 100]. Описания тела умершего встречаются большей частью в агиографических памятниках древнерусской письменности и служат визуальной репрезентацией внутреннего совершенства подвижника: «нетленности телесных останков или мощей». По канонам христианской церкви «нетленность телесных останков или мощей» являлась «даром чудотворений» и служила основанием для «причисления усопших подвижников благочестия к лику святых» [Голубинский 1903: 40].

Репрезентантом визуального описания тела умершего в древнерусских текстах выступают словесные ряды с вербальной и адъективной дескрипцией, в которых в качестве дескриптивного элемента, находящегося в предикативной или атрибутивной функции, чаще всего выступают лексемы, указывающие на нетленность и невредимость частей тела и одежды объекта описания: *не распалися, цѣлы и нетлѣнны, свѣтящася, неврежено, здраво съблюдеся, тлѣнию никакоже съпричастна.*

Приведём примеры словесных рядов, содержащих визуальные описания тела умершего:

*Игумень же прииде съ двѣма братома. И прокопах велми, и влѣзохъ, и видихом мощь его лежащъ, но съставъ не распалися быша, и власи главнии притяскли бяху [ПВЛ: 222]; *Честныя же ея мощи по преставлении ея пребыша в земли лѣтъ яко тридесят; обрътены же быша цѣлы и нетлѣнны [Жит. велик. кн. Ольги: электронный ресурс]; *Старец же, хотя опрятати мантию во гроб, и укры мало дскы, и вѣдѣ преподобнаго лежаща верху земля, и образ его свѣтлосвѣтяся, яко финик цвѣтуць въ удолии и яко крин селный сияя; и руць его на персах лежаща согбены накрестъ и обнажены мало не до лактии и такоже свѣтящася [Жит. Зос. и Савв. Солов.: электронный ресурс] и т. п.***

В следующих словесных рядах содержится характеристика не только тела, но и одежды подвижника, которая на момент открытия и вознесения его из земли так же, как и тело, остаётся нетленной:

И, открыв <его>, увидели ризы и тело святого цело и нетленно [Жит. Исая: электронный ресурс]; *И дошедша повелѣша окопати землю и обрѣтоша святую Олгу, имущи уды по образу лежаща, и ничтоже от перваго образа измѣнися и ничим же неврежено, бяше цѣло и со одежею* [Жит. велик. кн. Ольги: электронный ресурс]; *Открыша раку — и обрѣтоша тѣло блаженнаго Саватия, цѣло и ничимъже вредимо, — Богу съблюдающу своего угодника. Но и ризы его яко вчера облѣчени* [Жит. Зос. и Савв. Солов.: электронный ресурс]; *И открывше гробъ, видѣши чудное то зрѣние и умилениа достойно, яко не токмо бяше честное его тѣло цѣло и здраво съблюдеся, но и одежда его, в нейже погребенъ бѣ, цѣла бяше всяко и тлѣнию никакоже съпричастна* [Жит. Март. Белозерск.: электронный ресурс]; *И обрѣтоша мощи его цѣлы и нетлѣнны, яко днесь положены, токмо мала часть взята бысть от руки перста его, свойствено бо есть земли своя сродная взяти; такожде и одѣяния его вся цѣла и нетлѣнна, и срачица его, аки виссомъ, кровию очервлена, в нейже убиенъ и положен бысть* [Жит. Дмитрия Углич.: электронный ресурс].

3.1.1.2. Описание местности

Визуальные словесные ряды, репрезентирующие описания какой-либо местности, содержат дескриптивный элемент, обозначающий зрительно воспринимаемые характеристики определённой местности или описание её общего вида, представленное через перечисление географических объектов, её наполняющих. Этот вид дескрипции представлен большей частью в агиографических или паломнических текстах, однако встречается и в текстах других жанров: «Галицко-Волынской летописи», «Легенде о граде Китеже», «Инока Фомы слове похвальном», «Александрии» и «Казанской истории».

Причём семантика дескриптивных словесных рядов, репрезентирующих описание местности, напрямую зависит от жанра произведения. Всего в анализируемых нами текстах представлен 71 дескриптивный словесный ряд, содержащий описание местности.

В агиографических текстах описанию подвергается уединённое место, выбираемое отшельником и связанное с отрешённостью от суетного мира и идеалами монашеского безмолвия. Как правило, такое место располагается в лесу или на болотистой местности, вдали от человеческого жилья. Соответственно, репрезентантом описаний местности в агиографических памятниках древнерусской литературы являются словесные ряды, дескриптивный элемент в которых реализует значение 'пустынный, безлюдный, необитаемый' (*пусто, пустынно, пустыня*), содержит указание на характерный ландшафт (*окоуь мѣста того лѣсъ, лѣсы многыа имуци и блата непроходнаа, лѣсно, равно*). Например: *Перешедшимъ намъ гору ту и приходомъ в землю пунту и велику, и не бяше в земли той ничтоже, ни пришесть бяше челоуькъ туду николиже* [Сказ. Макар. Римск.: электронный ресурс]; *Не бѣ бо ни прохода, ни приноса ниоткуда же; не бѣ бо окрестъ пустыня тоя близъ тогда ни сель, ни дворовъ, ни людей, живущих в них; ни пути людскаго ниоткуда же, и не бѣ мимоходящаго, ни посѣщающаго, но окоуь мѣста того съ всть страны все лѣсъ, все пустыня* [Жит. Серг. Рад.: 296]; *Пустынно бо бѣаше мѣсто и лѣсы многыа имуци и блата непроходнаа, пришли же и воды многы, езера и рѣкы <...> Аще и мѣсто бѣ пустынно и лѣсно, но ему бяше паче встьх селений на земли радовашеся душою, благодаряше Бога и Пречистую его Матерь, яко обрѣте мѣсто покойно <...> Мысляше бо блаженный и зелие нѣкое настѣяти, заеже скудну быти мѣсту тому и отнюд пустынну* [Жит. Ферап. Белозерск.]; *Человекъ бѣ нѣкий именемъ Селиша, старъ сый, из Ызборска града, повѣдаше сицеву вещь, глаголя: «Нѣкогда ми, рече, ходящу со отцем на ловъ звѣриной в сию пустыню, яже бысть около сего святаго мѣста печернаго, бѣ бо тогда пустыня велика и лѣсъ прилежаше в том мѣсте* [Пов.

о Псково-Печ. мон.: электронный ресурс]; *Труды же его и подвиги како исповѣмъ по ряду, яже приял на Брынском лесу от разбойников и от злых человекъ, наносящих ему лютыя скорби, и от зверей страшилище, бѣ бо мѣсто пусто и отвсюду лѣсъ* [Жит. Герас. Болд.: электронный ресурс]; *Бѣ же и мѣсто равно и угодно на строение монастырю* [Жит. Арс. Кон.: электронный ресурс]; и т. п.

В следующих словесных рядах в качестве дескриптивного элемента выступает краткое прилагательное *красно*, характеризующее сакральное место как пригодное для строительства монастыря: ровное, уединённое, находящееся вблизи реки. *Иже и многа мѣста обшедше, послѣди же приидоста и обрѣтоша мѣсто красно зѣло, имуще и рѣку близ, именем Кержачь, идѣже нынѣ монастырь стоит честное Благовѣщение пречистыа владычица наша Богородица* [Жит. Серг. Рад.: 370]; *Обрѣт мѣсто зѣло красно на строение монастырю близъ реки Москвы, именемъ Симоново* [Жит. Серг. Рад.: 382]; *Блаженный же Кирилъ оста на мѣстѣ томъ, Ферапонтъ же отиде прочее оттуду и обрѣте мѣсто близъ езера, Паское зовомо, другое же езеро повыше того, Бородавское, промежь ихъ, якоже стрѣлы вѣржение или мало множае, велми красно мѣсто то и угодно на жителство паче инѣхъ мѣстѣ* <...> *Блаженный же Ферапонтъ, первие помолвися Богу и Пречистой Богородици, изъшед, обрѣте мѣсто къ съставлению обители, паче инѣхъ мѣстѣ велми красно и угодно бяше, близъ града Можайска, яко поприще едино близъ рѣкы словущиа Москвы* [Жит. Ферап. Белозерск.: электронный ресурс] и т.п.

В текстах других жанров описанию подвергается место, выбираемое для строительства города, или место, на котором уже построен город. Как правило, репрезентантом описаний местности в подобных текстах являются словесные ряды, дескриптивный элемент в которых реализует значение ‘красивый, богатый’: *Есть же около Иерихона земля добра и многоплодна, и поле красно и равно, и около его финици мнози стоятъ висоци, и всякаа дрѣвеса многоплодовита суть; и воды многы текут, разведены по всей земли той*

[Хожд. Игум. Дан.: 54]; И нынѣ поистиннѣ есть земля та Богомъ обѣтованна и благословена есть от Бога всѣмъ добромъ: пшеницею, и виномъ, и масломъ, и всякимъ овощемъ обилна есть зѣло, и скотомъ умножена есть; и овци бо и скоти дважды ражаются лѣтомъ; и пчелами увязло ту есть в каменни по горамъ тѣмъ краснымъ; суть же и виногради мнози по пригориемъ тѣмъ, и дрѣвеса много овощнаа стоятъ бес числа, масличие, смокви, и рожцы, и яблони, и черешни, инородия. И всякій овощъ ту есть; и есть овощетъ лучи и болии всѣхъ овощей, сущих на земли под небесемъ, нѣсть такого овоща нигдеже. И воды добры суть в мѣстѣ томъ и всѣмъ здрави. И есть мѣсто то и красотою и всѣмъ добромъ [Хожд. Игум. Дан.: 70]; И по умоленію ихъ повелѣ благовѣрный князь Георгій Всеволодовичъ строити на берегу езера того Свѣтлояра градъ именованъ Болиий Китежъ, бѣ бо мѣсто то велми прекрасно, и на другомъ же брегѣ езера того роца дубовая <...> И видѣ мѣсто то велми прекрасно и многолюдно [Лег. о Кит.: 214]; Яздящу же ему по полю и ловы дѣющу, и видѣ мѣсто красно и лѣсно на горѣ, обходящу округъ его полю [Гал.-Вол. лет.: 344]; Бывшу же ему в Луцки, Мьстиславу же не сущу ту, но близъ города нѣкоемъ мѣстѣ, именованъ в Гаи. Мѣсто же то красно вѣдѣниемъ и устроено различными хоромы. Церкви же бѣше в немъ предивна, красотою сияющи [Гал.-Вол. лет.: 398]; Въ землю нѣкую дивную красную приидоша, иже полна овощи различнаго бысть. И ту два столпа высока изнашли, златомъ искуснымъ сотворена, Ираклия царя образъ и Серамиды царицы бѣ на них [Алекс.: 102]; И мимо идуцимъ имъ путемъ по Волге, ледомъ, за 15 верстъ отъ Казани на рецѣ, зовомѣй Свияге, ей же устие в Волгу течеть, и узрѣ ту межъ двѣма рѣкама гору високу и мѣсто пространно и крѣпко велми, и красно, и подобно къ поставленію града [Казанск. ист.: 388] и т. п.

Наряду с описаніемъ общаго вида местности в древнерусскихъ текстахъ представлены описанія географическихъ объектов (горъ, рекъ, морей, озѣръ, полей), для характеристики которыхъ используются словесные ряды, включающіе в свой составъ дескриптивный элементъ, реализующий качественную ('красивый',

‘ровный’) или количественную характеристику (‘высокий’, ‘великий’). Например: *И ту есть гора высока зъло, и на той горѣ святаа Елена крестъ поставила кипарисенъ велик на прогнание бѣсомъ и всякому недугу на исцѣление и вложила въ крестъ честный гвоздь Христовъ [Хожд. Игум. Дан.: 30]; Сион же гора есть велика и высока есть, от юга лицъ, а от Ерусалима полога и равна [Хожд. Игум. Дан.: 60]; Близъ еже бѣше града того езеро велико, имѣя воду многу [Чудо Георг.: 520]; *И бысть в шестую годину дни, начаша появливатися погании измаилтяне в полѣ, бѣ бо поле чисто и велико зъло* [Лет. пов. о Кул. бит.: 122]; *И оттуда воста въ реки доиде, ейже ширина бѣше день ходу, и мостъ на той рецы сотворити повелѣ, и сего сотвориша за 60 дни, и все войско по тому преиде <...> Иовант же бѣ под нѣким древом лежа; вода же красна близу течаше; простер же его и покровъ от листвья дрѣв тых [Алекс.: 98, 108]; Поле же то великое зъло велико, конца мало ходячи до дву морь: на востокъ до Хвалимского, а к полудни до Чернаго [Казанск. ист.: 464]; Та есть река немала, еюже от мѣста Пскова портъ, аже до мѣстъ оных предреченных <...> И на четвертый день изыдохом сопротив града Казанского на великие и пространные, и гладкие, зъло веселые луги, и положися тамо все войско подле реки Волги [Ист. о вел. кн. Моск.: электронный ресурс]; Александръ же с вои своими поиде, отока же некоего малаго достиг, высокъ велми. И на него взошедъ и образъ свой во злате на столпъ высококомъ постави, и в руцы десной держаше меч и ным показоваше к Македоньским отоком. Оттоле двигся с вои своими, 6 дней прешед, до мѣста нѣкоего приспѣ. Гора же высока бѣше ту, за ту же гору чловѣкъ привязанъ бѣше веригами гвоздинными, велми высокъ, 1000 сажен в вышину, 200 сажен ширина [Алекс.: 106] и т. п.**

К особому виду описаний местности мы относим так называемые путники. Путник – дескриптивное единство, представляющее собой описание пути до какой-либо местности, представленное через перечисление географических объектов, которые расположены на пути к сакральному месту.

В подобных единообразных дескриптивных единствах указывается расстояние между географическими объектами, направление пути, иногда приводятся описания материальных объектов, созданных руками человека (церквей, храмов и т. п.) или природных географических объектов (гор, рек, озёр и т. п.), расположенных вблизи с сакральным местом. Такие дескриптивные единства встречаются большей частью в паломнической литературе – хождениях.

Исследователи указывают, что жанр хождений мог развиваться под воздействием греческих проскинитариев, откуда древние авторы могли заимствовать сведения о сакральном месте и форму изложения (В. В. Данилов, Х. М. Лопарев). В. В. Данилов отмечает, что греческие проскинитарии по своему содержанию и стилю относились к памятникам практической письменности, содержащим «сухие перечисления мест с указанием связанных с ними древнебиблейскими и евангельскими воспоминаниями» [Данилов 1962: 24].

Приведём примеры путников:

А се есть путь къ Иерусалиму. От Царяграда по лукоморию ити 300 версть до Великаго моря. До Петалы острова 100 версть; то есть 1 островъ на узыцгъм мори, и ту есть лимен добръ, и ту есть град Ираклия Великаа. И противу тому граду святое миро выходит из глубины морьския: ту святии мученици погружени суть мнози от мучителейъ. От Петалы острова до Калиполя 100 версть, а от Калиполя до Авида града 80 версть. Противу тому граду лежитъ святой Еуфимие Новый. А оттудъ до Крита 20 версть, и ту есть на Великое море внити: на шюе въ Иерусалимъ, а на десно к Святгѣй Горгъ, и к Селуню, и к Риму. А от Крита до Тенеда острова версть 30. То есть 1 островъ на Велицгъм мори, и ту лежитъ святой Навгудимос мученикъ. И противу тому острову на брезгъ град великъ был именовъ Троада, и ту есть Павелъ апостоль приходил и научил ту страну всю и крестил. А от Тенеда острова до Метании острова версть 100; и ту лежитъ святой митрополит Мелетиньскы. А от Мелетинии до Ахия острова версть 100; и ту лежитъ

святой мученикъ Исидоръ. И в том островъ ражается мастика, и вино доброе, и овощъ всякий [Хожд. Игум. Дан.: 26 – 28].

Данный путник представляет собой дескриптивное единство, содержащее описание пути до священного для христиан г. Иерусалима, представленное через перечисление географических объектов, которые расположены на пути к этому сакральному месту (*Царяград, Петала остров, Калиполь, Авида град*), а также вблизи него (*противу, на шюе, на десно*). Автор указывает расстояние между географическими объектами, окружающими Иерусалим (*300 версть, 100 версть, 80 версть* и т. д.), направление пути, а также заостряет внимание на том, чем примечателен данный объект в отношении к религиозному, Божественному (*ту святии мученици погружени суть мнози от мучителейъ, ту лежит святой Навгудимос мученикъ, ту лежит святой Навгудимос мученикъ, ту лежит святой митрополит Мелетиньскы*).

Следующий путник отличается от предыдущего тем, что вместо указания на примечательность объекта с точки зрения отношения к религиозным реликвиям содержит характеристику географического объекта (*Кошеца есть град велик и тверд; И той Люблевъ останочный есть городок угорескый, стоит на лядской граници; и той есть град велми добръ; в той Вохнъ соль копают, а град есть; в той Вохнъ соль копают, а град есть*).

От Будина до Оръсесика 3 мили. А от Оръсеишисика до Хатвана 4 мили. А от Хатвана до Начежюта 5 миль, а от Начежюта до Кувездя 4. А от Кувезде до Моги 5 миль. А от Моги до Форы 6 миль. А от Форы до Кошици 6 миль. А Кошеца есть град велик и тверд, а ставили его нѣмци и дрѣжат а въ Угорьском королевствѣ. А от Кошици до Априяша града 4 мили. А от Априяша до Любльва 300 и 36 миль. И той Люблевъ останочный есть городок угорескый, стоит на лядской граници. И есть в нем дѣло вугорские пѣнязи, новци зовутся, по 3 на золотой. А от Любльва в Лядскую землю до Судеча 6 миль; и той есть град велми добръ. И ту быхом въ пресветлый и въ превеликий праздник Христова Воскресения. А от Судоча до Липници 4 мили. А от

Липници до Вохны 2 мили. А в той Вохнѣ соль копают, а град есть. А от Вохны до Кракова 5 миль. Ту убо видѣхом корѣля Володислава и брата его Казимира. Под Краковым река Висла; та убо река впала в море. А от Кракова до Бохны 25 вѣст. От Бохны града до места Воинича 4 мили. А от Воинича до рѣки Дунайца миль. А от Дунайца до града Терьнова миль. А от Терьнова до Пильзны 3 мили. А от Пилізны до Торопѣчици 4 мили. От Торопѣчици до Решева 4 мили. От Решева до Ланцюха 3 мили. От Ланцаха до Пригорьска 3. От Пригорьска до Ярославля 2 мили. От Ярославля до Радемны 2 мили. От Радемны до Перемышляя города 2 мили. А под городом Перемышляемъ река Сянь, другая Ярев, третия Ярют. От Перемышляя до Мостица 4 мили. От Мостица до Вишене 2 мили. От Вишене до Городка 3 мили. А от Городка до Волвова 4 мили, а вѣст 134. А от Фролензы до Лвова 600 миль без трех, а вѣст 2000 и 200 [Хожд. на Флорент. соб.: 490 – 492] и под.

Путники встречаются и в текстах других жанров, например, в «Повести временных лет» (текст о пути из «из Варягъ въ Грѣкы») или в «Повести о Псково-Печерком монастыре».

Поляномъ же живуцим о собѣ по горамъ симъ, и бѣ путь из Варягъ въ Грѣкы, и изъ Грѣкъ по Днепру, и вѣрхъ Днѣпра волокъ до Ловоти, и по Ловоти внити в Илмерь озеро великое, из негоже озера потечет Волховъ и втечет въ озеро великое Нево, и того озера внидет устье в море Варяское. И по тому морю внити доже и до Рима, а от Рима прити по тому же морю къ Цесарюграду, и от Царяграда прити в Понтъ море, в неже втечет Днѣпръ рѣка. Днѣпръ бо течет изъ Воковьского лѣса, и потечет на полудни, а Двина изъ того же лѣса потечет, и идет на полуночь и внидет в море Варяское. Ис того же лѣса потечет Волга на вѣстокъ и втечет седьмьдесятъ жерель в море Хвалийское [ПВЛ: 26].

Дескриптивное единство, содержащее описание пути из «из Варягъ въ Грѣкы» представляет собой описание водного пути из Балтийского моря в Восточную Европу и Византию, представленное через перечисление

гидронимов, по которым проходит путь (*по Днепру, до Ловоти, в Илмерь озеро великое, Волховъ, въ озеро великое Нево, в море Варяское*). В этом путнике автор указывает лишь направление следования (*върхъ, на полудни, на полуночь, на въстокъ*), не давая при этом никаких попутных комментариев.

3.1.1.3. Описание материальных объектов, окружающих человека и созданных его руками

Описания материальных объектов, окружающих человека и созданных его руками, в древнерусских текстах представляют собой словесное изображение внешних признаков неодушевлённых предметов, подвергшихся описанию: формы предмета, материала, из которого изготовлен предмет, структурных составляющих предмета, размеров, очень редко – цвета.

В древнерусских текстах чаще всего встречаются описания следующих материальных объектов, окружающих человека и созданных его руками: города, здания (храма, монастыря, царских палат, башни и т. п.), некоторых предметов быта и роскоши, христианских реликвий (икон, священных книг). Описания материальных объектов, окружающих человека и созданных его руками, фиксируются во всех типах и во всех жанрах древнерусских текстов, начиная с самых ранних памятников (XI – XII вв.). Всего в анализируемых нами текстах представлено 76 дескриптивных словесных рядов, содержащих описание материальных объектов, окружающих человека и созданных его руками.

Визуальные словесные ряды, репрезентирующие описания *городов*, содержат дескриптивные элементы, обозначающие строительный материал, из которого возведены сооружения города (*камень, устроень бѣлымъ каменемъ*), размер города, определяемый численностью его населения (*великъ, многочеловѣчень*), убранство, украшенность, наличие товаров (*всякимъ же земнымъ украшениемъ украшенъ, хитрымъ рукоделиемъ преумножен, всякий товар в немъ есть*), укрепленность.

Приведем примеры описания города:

Град же бяше каменен, а заборолы желъзны, тесом побиты серебряным, да узлачен [Слово на воскр. Лазаря: электронный ресурс]; И нача Левъ гъздити около города, абы ему куда мочно взяти, горожаномъ грозу подавая, и не бысть мочно никудаже, весь бо бяше учинень от каменн, и утвержение его немало — пороки и самострълы коловортныи, великими и малыми [Гал.-Вол. лет.: 422]; Он же подивися великой крѣпости граду, понеже стоит на горѣ висоцѣ, три стѣны каменн бяху и множество наряду и всякой казны [Пов. о Смутном врем. : электронный ресурс]; Бысть во она лѣта нѣкии град, именованъ Геваль, во странѣ Палестиньстей, и той бяше великъ зѣло и множество много людей в немъ [Чудо Георг.: 520]; И бяше дотолѣ, прежде видѣти, была Москва град великъ, град чудень, градъ многочеловѣченъ, в нем же множество людий, в нем же множество господства, в нем же множество всякого узорочья [Пов. наш. Тохт.: 202]; В седмое же лѣто видѣ царь мало живущихъ въ градѣ, зане велик бо бѣ зело [Пов. о взят. Царьгр.: 218]; Но градокъ той аще ли мал, но твердѣ, и велми приправы градскыя на нем велми много [Ин. Фомы сл.: 322]; Антина же градѣ великъ, всяким же земнымъ украшениемъ украшенъ и мщениемъ [Алекс.: 46]; И много побиха гражан новгородцы, гнавши и до града, а во град не дерзнуша внити, понеже бѣ град великъ и людей множество, а ихъ тогда не бѣ много, с триста человекъ [Пов. о Смутном врем. : электронный ресурс]; А градъ есть великъ, а людей много велми <...> Гурмыз же есть пристанище велико, всего свѣта люди в нем бывают, всякый товар в немъ есть, что во всемъ свѣте родится, то в Гурмызе есть все <...> Дабыло же есть пристанище велми велико <...> А Силянъ же есть пристанище Индѣйскаго моря немало <...> Дабил же есть градъ велми велик [Хождение за три моря: 454, 460, 462, 474]; И от того града есть градъ именованъ Липесь велми велик [Хожд. на Флорент. соб.: 476] и т. п.

Нередко в древних письменных памятниках встречаются словесные ряды, в которых дескриптивный элемент реализует обобщенный признак,

характеризующий материальный объект – *город*. Репрезентантом обобщённого признака, характеризующего указанный материальный объект, выступают словесные ряды с адъективной дескрипцией, в которых в качестве дескриптивного элемента, находящегося в предикативной или атрибутивной функции, выступает парное именование *велик и красень / великъ же и чудень*: *И Божиимъ повелѣнием и поспѣиением въскорѣ дѣло конецъ прият не во многи дни и, готовый собравше, поставиша град велик и красень в лѣто 7059-го месяца юня въ 30 день* [Казанск. ист.: 392]; *А от того града есть град Бемибъверегъ великъ же и чудень <...> А от того же града есть град именованъ Афрат, велик и чудень, и именованиемъ многим и хитрым рукоделиемъ преумножен; и такового товара и хитра рукоделиа ни в коемъ граде въ предписанных не видехом* [Хожд. на Флорент. соб.: 476] и т. п.

Следует указать, что словесные ряды, в которых дескриптивный элемент выражен парным именованием *велик и красень / великъ же и чудень* релевантны при описании других материальных объектов: зданий и сооружений, христианских реликвий. Например: *Туже был домъ Соломонъ, и силно было здание его, и велико велми, и зѣло красно* [Хожд. Игум. Дан.: 44]; *И ужас нападе на нь от такового видѣннѣя; и зрит къ востоку церковь превелику зѣло, пречюдну, простерту на воздухъ стоящу* [Жит. Зос. и Савв. Солов.: электронный ресурс]; *Таже уясниша мѣсто от стоящих лѣсов, велику и зѣло прекрасну и превысоку церковь предиреченную поставляет, и в предѣлах устраивает великого богословца и евангелиста Иоана и чуднаго чудотворца Николу* [Сказ. Валаам. мон.: электронный ресурс]; *И вниде во храмину ту жена в светлыхъ ризахъ, поверхъ главы образъ на рукахъ держит великъ и чудень велми* [Пов. о виден. во Владим.: электронный ресурс].

При описании таких материальных объектов, окружающих человека и созданных его руками, как здания и сооружения (храмы, монастыри, царские палаты, башни, колонны и т. п.), используются словесные ряды, содержащие дескриптивные элементы, обозначающие форму объекта (*на 4 углы созданъ,*

кругла образом), компоненты сооружения (двери, ворота, колонны, комнаты и т. п.), материал, использующийся для возведения зданий (камень, мраморъ, от злата), размеры (высокъ, велик), материал, которым украшен материальный объект (златомъ, жемчугомъ, драгымъ каменемъ). Например: *Туже был домъ Соломонъ, и силно было здание его, и велико велми, и згло красно. Мощень был весь мраморными дъсками и есть на комарах утвержень, и воды исполнен весь дом-отъ был. Храмы же создани были красни згло, и хитро мусиею украшено изрядно и столпи мраморяни драгаго мрамора и красно поставлени стоят по ряду; и комары на столпѣх тѣхъ создани суть хитро, и покрыт оловом весь. И ту суть врата дому того, красно згло и хитро покрыта оловом, мусею исписана и покована мѣдию позлащеною* [Хожд. Игум. Дан.: 44]; *На Нектанавов же столпъ Александръ вшедъ, по Египту погляда, высок бо бѣ велми, и повелъ разбити всего* [Алекс.: 72]; *И множество убо человекъ послушавше совѣта Неуротова и начаша здати столп Халаньский, — превелика и превзята, высотой мало не досяжуца луннаго круга* [Из Хрон. 1617 г.: электронный ресурс]; *И прежде учиниша стрелцемъ с четырех странъ града башни 4 фряскимъ обычаемъ — с каменемъ и з землею, крѣпки и высоки, с тремъ бои: с верхнимъ и среднимъ, и нижнимъ, да съдяще в них огненныя стрелцы премѣнныя и оттуду, с высоты, аки с неба, во град стреляху и улучаху, и убиваху многихъ внутри града, ходящихъ и во храминахъ живущихъ: мужей и женъ, и дѣтей, яко не смѣти имъ в день по улицамъ ихъ соватися и ни чрезъ дворъ свой из храмины во храмину прескочити по какое убо оружие* [Казанск. ист.: 496]; *По сихъ же дивъ творяще, показаша ему виноградъ несаженъ, иньгда от земля изникнуць. И яко сказа имъ, како се бываетъ, пакы показаша ему все богатство: храмины утворены златомъ и серебромъ и каменемъ драгымъ и бисеромъ, глаголюще: «Виждь, философѣ, дивно чудо: сила велика и богатство много армениино владыкы срачиньска»* [Жит. Конст.-Кир.: электронный ресурс]; *Вся же полата от злата искусна сотворена бяше, столпи же златии и с каменемъ многоцѣннымъ украшени бяху, четыре*

камени у четырех углех тое полати бяше [Алекс.: 84]; Бусурманы же абие тыл подаша, стѣны градные оставив, побѣгоша на великую гору ко двору цареву: бо бѣ згъло крѣпокъ, между полатъ и мечетей каменныхъ оплотом великимъ обточен [Ист. о вел. кн. Моск.: электронный ресурс]; Также же и во градъ Ростовъ тогда вѣра благочестивая нача обновлятися пришествием святаго и праведнаго страстотерца, боголюбиваго князя Бориса Владимирича, идѣже тогда прежепомянутый епископъ Феодоръ люботрудно подвизаяся, проповѣдая слово Божие, и аще же и многа озлобления от невѣрных подят, но обаче помощю Божию и Пречистыя Богоматери постави в Ростовъ церковь, велми чудну и прекрасну, дубовными дровесы, во имя Пречистыя Богородицы, честнаго ея Успения, о нейже бяше писано, якоже до тоя не бысть така церкви, ниже потом имат бытии [Жит. царя и вел. кн. Владимира: электронный ресурс]; Мы же яко в рай внидохомъ: церковь Прѣображение Господа Бога и Спаса нашѣго Исуса Христа велми чудна, вымощена мраморомъ белым да синим; да камѣние рѣзано надробно, да крашено разными красками, а мощена узоры, что камчатыми [Хожд. Василия Познякава: электронный ресурс] и т. п.

При описании предметов роскоши (дорогих кубков, блюд, чаш, предметов, украшающих животных и т. п.), а также христианских реликвий (икон, священных книг) используются словесные ряды, содержащие дескриптивный элемент, реализующий значение ‘придать чему-либо красивый вид, сделать наряднее’. Как правило, дескриптивный элемент в таких словесных рядах выражен синкретсемичным сочетанием страдательного причастия *украшенъ* с именами существительными, номинирующими предмет, служащий украшением (*златомъ, каменемъ, слоновыми костьми, жемчугомъ* и т. п.). Например: *Они же, христиан изводяще изъ церкви, лупяще и обнажающе, стѣхачу, и церкви съборныа разграбиша, и олтаря святыа мѣста попраша, и кресты честныа и иконы чудныа одрашиа, украшеныа златомъ и серебромъ и жемчугом и бисеромъ, и каменемъ драгымъ* [Пов. наш. Тохт.:

198]; *И ту чуднѣ украси и честную икону образа Христова, юже сам принесе от Константина града, чюдну и златом украшену въ церкви постави, еже и донынѣ стоит благодатию Христовою [Жит. Серг. Рад.: 378]; *И стояше клубокъ на гробѣ Онаньинѣ златъ с каменемъ драгымъ с жемцюгом украшеным, полнѣ мура и ливанѣ, и стекляницу, того не видихом* [Сказ. Вавил.: 184]; *И приведоша к нему 1000 тысяч коней зобных Поровых и 100 тысяч фарижскихъ индѣйскихъ под хакизмы серменем, приведоша ему 100 тысяч лвов ловных Поровых, 20 тысяч пардусовъ, 1000 тысяч оружия цела и корону Порову от камня самфира, и перстен Поров многоцѣнный от аметиста камня, и блюд настольных 100 тысяч, рогов слоновых 8 тысяч, и кубцовъ настольных многоцѣнных, с каменемъ и з жемцюгомъ и златомъ украшенныхъ 30 тысяч, и прочихъ вещей украшенныхъ, иже нѣсть возможно исповѣдати [Алекс.: 128]; *Наипаче же священными книгами преисполнивъ тую: святая Еуангелиа съ златыми писмены и серебромъ позлащеном хитро покова с каменми честными* [Пов. об Ионе: 360]; *Престолъ его украшенъ зело искуснымъ златомъ и зеленымъ каменемъ и слоновыми костыми* [Алекс.: 42] и т. п.**

3.1.1.4. Описание природы

Визуальное описание природы наряду с визуальным описанием внешности относится к одному из самых распространённых содержательно-тематических видов дескрипции в памятниках древнерусской письменности (86 дескриптивных словесных рядов) и фиксируется во всех типах и во всех жанрах древнерусских текстов, начиная с самых ранних памятников (XI – XII веков).

Следует отметить, что мировидение человека в каждую эпоху его эволюционного развития имеет своё специфическое восприятие объективно существующего мира, обусловленное спецификой образа жизни и культуры человека той или иной эпохи. Сознание средневекового человека, например, в отличие от современного, не способно было к «чрезмерной отвлечённости, столь свойственной нашему времени» [Колесов 1986: 14]. Человек еще не мог

«разъять» описываемый предмет «на дробные признаки» и передать их через «впечатление автора» [Колесов 2004: 170], поэтому говорить об описании природы в современном понимании этого словосочетания по отношению к древнерусскому тексту мы не можем. Описания природы в древнерусских текстах, в отличие от описаний природы в современных текстах или текстах XIX века, не являются статичным фоном происходящих событий, не имеют антропоцентрической направленности и не выступают средством углублённого разъяснения образа персонажа и его состояния. Они представляют собой словесное изображение внешних признаков растений и животных или указание на какое-либо явление природы, имеющее символическую связь с описываемыми событиями (предвещение благоприятного или неблагоприятного исхода каких-либо событий или объяснение действий персонажа).

Описания растений представлены всего в четырёх текстах: «Слове о крестном древе», «Сказании о Макарии Римском», «Хождении игумена Даниила», «Житии Герасима Болдинского». Следует указать, что к наиболее часто встречающимся в древнерусских текстах описаниям растений относится описание *деревьев* – чаще всего дуба (который, как известно, относится к категории почитаемых и священных деревьев у христиан), а также плодовых деревьев. Все описания деревьев кратки и единообразны. Среди признаков деревьев указываются красота (*прѣчюдно, прѣкрасно, красна взору*), размер (*прѣвеликое, высочайши всѣх дрѣвь*), характер разветвления (*на трое растуще / ростяше на трое*), плотность кроны (*вѣтвие по земли густо добръ / часть вѣтми*), в отдельных словесных рядах – вид дерева (*плодовита, смоковнымъ образом*).

Например: *И възыде дрѣво прѣчюдно и прѣкрасно зѣло <...> И израсте дрѣво прѣвеликое зѣло и чюдно, и прѣукрашенно* [Сл. о крестн. древе: электронный ресурс]; *И помолихомъся Богу, идохомъ дни 40 и обрѣтохомъ дрѣва красна взору и плодовита зѣло, родившия плод благъ* [Сказ. Макар.

Римск.: электронный ресурс]; *И возрасте древо из венца из главы Адамовы. И бысть велико, и велико и пречюдно возрастом на трое растуще. И въ едино старгьющесе и пребысть седмерицею высочайши всгх дровь* [Сл. о крестн. древе: электронный ресурс]; *Есть же дуб-от святой у пути на близу, тамо идучи на правой руцг; и стоит красень на горг висоцг. И есть около корения его долг от Бога помощено мраморомъ бглым, якоже помостъ церковный. Помощено есть около дуба того всего добраго, и есть посредг помоста того выросль дуб-от святой, ис камени того, дивень есть. На врху горы тоя около дуба того уродилося яко дворище, равно и чисто бес камениа, и ту стояль шатеръ Авраамовъ близь дуба того къ востоку лицъ. И есть дуб-от не велми высокъ, кроковат велми, и часть вгтми, и много плод на нем есть. Вгтви же его близ земли приклонилися суг, яко мужь можетъ, на земли стоя, досячи вгтви его. Втолце же есть двою сажень моих около его, а голомя възвыше до вгтвгй его полуторы сажени. Дивно же и чудно есть толь много лгт стоящу древу тому на толь висоцг горг, не вредися, ни испорохнгти* [Хожд. Игум. Дан.: 68]; *Преди же мгста того обрете дубокъ, растуцъ от земля убо един корень, помале же кверху ростяше натрое, а си три равны суг, а издали видети, аки един верхъ. Вгтвие зелны красны суг, зело вгтвие по земли густо добрг* — *никакоже дождю пребывающу* [Жит. Герас. Болд.: электронный ресурс].

При анализе языкового материала нами был выявлен один пример, содержащий описание травы: *Идохом по земли той много днии и обргтохом лядину невелику ростомъ, ни с локоть от земля в высоту. Да того грызуце проидохомъ землю ту, и бяше лядина та бгла, но паче меду и ста, да ту лядину грызуце измгнихомъ си лица своя и повеселихомъся* [Сказ. Макар. Римск.: электронный ресурс]. В приведённом словесном ряду репрезентированы такие воспринимаемые визуально признаки растения, как величина (размер) (*невелику ростомъ, ни с локоть от земля в высоту*) и цвет (*бгла*).

Визуальные *описания животных* кратки, стандартны и представлены лишь в отдельных памятниках древнерусской письменности: «Хождении на Восток гостя Василия Познякава с товарищи», «Александрии», «Житии Зосимы и Савватия Соловецких», «Хождении за три моря Афанасия Никитина», «Сказании Авраамия Палицына об осаде Троице-Сергиева монастыря», «Повести о Благовещенской церкви», «Слове о рахманах», «Житии Макария Желтоводского и Унженского».

Исследователи отмечают, что для авторов Средневековья звери и птицы были не реальными представителями животного мира, а прежде всего символами, на что указывают памятники символично-толковательного типа («Толковая Палея», «Физиолог», «Слово о рассечении человеческого естества»), подчёркивающие главенство символики над фактическим описанием [Белова 1995: 90].

В нашем языковом материале представлены словесные ряды, содержащие описания реально существующих животных (коня, слона) и мифических животных.

Следует указать, что в большинстве дескриптивных словесных рядов номинативы *конь* и *слон* являются вербализаторами богатства, власти и могущества его владельца, а также божественного атрибута, а дескриптивный элемент реализует значение 'нарядный, украшенный', 'блистающий'. Например: *Салтан же выезжает на потъху с матерью да з женою, ино с ним человекъ на конех 10 тысящъ, а пгших пятьдесят тысящъ, а слонов выводят двгъсте, наряженных в доспгсех золоченых, да пред ним трубников сто человекъ, да плясцов сто человекъ, да коней простых 300 в снастех золотых, да обезьян за ним сто, да блядей сто, а все гауроки [Хождение за три моря: 470]; По Божию строению и его пречистые Богоматере видяще оба брата, не вмечтанно, но явленно, конь велми дивенъ предстоящъ пред враты монастырьскими, обузданъ позлащенною уздою, и седло на немъ исковано златомъ, яздящаго же на нем не бгъ. Стояще же кротгъ недвижимо, яко*

ожидая мужа она к себѣ [Пов. Благовещ. церкви: электронный ресурс]; *От них же Иван Ходыревъ да троецкие слуги, Ананья Селевин с немногими людми, встѣдше на кони и устремившися полем позади туров литовского наряду; и бѣ полчекъ их малъ зѣло, пред полчком же тѣм троецким, глаголют, видѣша з города многие люди воина вооружена, лице же его, яко солнце, конь же под ним, яко молния блистая* [Сказ. Авр. Пал.: электронный ресурс] и т. п.

В следующих примерах содержатся контаминированные дескриптивные единства, состоящие из словесных рядов, репрезентирующих характерные признаки мифических животных:

В той же часѣ вѣстникъ прииде к Филипу царю, глаголя: «Вѣдомо да есть ти, царю, яко в стадах твоих конь чуден явилсяъ есть, добротою бо от иных конь избранъ. Волюя же глава на десной его бедръ с роги свилася и рог межи ушима вырос с локот единъ» [Алекс.: 34]; *Моисей же на мори начертавъ прообразова крестъ Господень; фараон же потопе в мори со всеми своими вои, а люди фараоновы обратишася рыбою; а в техъ рыб главы человеческии, а тулова у них нетъ, токмо едина глава; а зубы и носъ человечьи, а гдѣ были уши, тутъ перье; а где потылица, тутъ сталъ хвостъ; а нѣ едятъ ихъ никто. И кони и оружие обратишася рыбами; а на коньских рыбахъ шерсть конская, а кожа на нихъ толста на палец.* А ловятъ их, да кожи снимаютъ, а тело мечютъ. А в кожахъ орапе подшвы поднучи делаютъ и с шерстию, а воды нѣ терьятъ, а в сушу на годъ стануть [Хожд. Василия Познякава: электронный ресурс].

Репрезентантом **описаний явлений природы** в древнерусских текстах являются словесные ряды, содержащие дескриптивный элемент, находящийся в предикативной функции и обозначающий изменения в неживой природе.

К подобным словесным рядам мы относим ряды типа *изгаряше земля, борове изгоряхуся, трясеса земля*, содержащие дескриптивный элемент, выраженный глаголом, служащим для выражения процессуального признака,

присущего номинативу; или качественным именем прилагательным: *утро мгляно, лѣто бысть тогда сухо, воздухъ хладен* и т. п.

Например: *И се по съмотрению Божию пооблачилося небо, и съниде дъждь. То же ти тако разбѣгошася. И абие пакы дъждь прѣста и сълнце вьсия. И тако того несъше въ прѣжсере еную пещеру, положиша и , и запе атьлѣвьше и отъидоша, и без брашна вьсь днь прѣбыша [Жит. Феод. Печ.: 390]; Того же лѣта в Новѣгородѣ иде Волхово вьспять дний 5 [ПВЛ: 176]; Днѣстру же наводнившюся, не могоша переити [Гал.-Вол. лет.: 264]; Вечеру же бывшу, и ледомъ воставшимъ, и рѣцѣ наводнившися, зажгоша мостъ на Днѣстрѣ — незаконный лихий Семьюнко, подобный лисици черьмности ради [Гал.-Вол. лет.: 272]; И многу бою бывшу на Кровавомъ броду, и паде на ня снѣгъ, не могоша стояти, идоша за Рогожину, идоша на Мьстислава, и прогнаша и-земли [Гал.-Вол. лет.: 250]; Мнози же человецы изомроша от солнечнаго жара и от жажды водныя, исхоша бо вся дебри и блата, и малыя рѣки полскія не тѣкоша путемъ своимъ, но развие мало воды в великих рѣках обрѣташеся и во глубоких омутѣх [Казанск. ист.: 466]; Нынѣ же Божиим промысломъ их ради наказания и исправления тако изсше земля их, яко ни крапля дождя с небеси на землю их не бысть во все лѣто оно от мѣсяца мая и до мѣсяца септеврия, и от солнечнаго зноя вся земля их и блата иресхоша [О вел. кн. Ив. Вас.: электронный ресурс]; Восходящую же солнцю, и начаша изряживати полкы [Гал.-Вол. лет.: 368]; Плѣкы же еще не видятся, занеже утро мгляно [Сказ. о Мамаев. поб.: 170] и т. п.*

Следует указать, что познание человеком окружающего мира происходило постепенно. Человек сначала выделял слово, потом учился определять его признаки, причем сначала человек научился выделять признаки действия, как более конкретные, а уж потом признаки предметности, поэтому до XIV века в древнерусских письменных текстах встречаются только такие дескриптивные словесные ряды, в которых предикативная часть выражена процессуальным глаголом. Анализ языкового материала показал, что для

обозначения признака имени существительного, обозначающего явление природы, в древнерусском тексте используются следующие глаголы: *пооблачилося, съниде, въсия, въста, укротившиюся, мръкнетъ, изгаряше / изгоряхуся / иссыхати, трясеся, паде, наводнившиюся, приспѣвши / наставишу, восходящую, потопило*. Начиная с XIV века, когда сознание научилось оперировать отвлеченными признаками, появляются дескриптивные словесные ряды, функцию предиката в которых выполняют качественные имена прилагательные (*мгляно (утро), сухо (лето), мразна*).

В следующих дескриптивных словесных рядах, содержащих описание природных явлений, репрезентантом описания является дескриптивный элемент, выраженный кратким прилагательным *великъ / страшень / силна* в форме именительного предикативного, содержащим количественную характеристику объекта описания. В качестве номинатива в подобных дескриптивных словесных рядах выступают имена существительные, называющие природные явления: *буря, вѣтръ, зимѣ, тишина (отсутствие бури), снѣгъ, вода (наводнение), бездождью, дождь, морозѣ, тма, зноеве*.

Например: *Явися звѣзда велика на западѣ копейнымъ образомъ* [ПВЛ: 46]; *И тое ноци бысть дождь великъ* [Гал.-Вол. лет.: 268]; *Нгѣде чего добыти стало — погодье велико двѣ недели* [Пов. о жит. Мих. Клопского: 338]; *Идуцю же ему, велицѣ зимѣ бывши и Дунавѣстѣй рѣцѣ разливаемѣ волнами, яко не мощи ея преити ни в корабли, на многии же дни не осяцаюци и не даюци пути напредѣ, и в не али бяше епархъ* [Жит. Дм. Солун.: электронный ресурс]; *В се же лѣто вода бысть велика во Днѣпрѣ, и въ Деснѣ, и въ Припетѣ* [ПВЛ: 274]; *И омра ишася при Иордани, и бысть бурѣ велика, и потопи дрѣво въ Иордани, и не обрѣтошу его* [Сл. о крестн. древе: электронный ресурс]; *И бысть буря велика и разби корабль руси, и княжь корабль разби вѣтрѣ, и взя князя в корабли Ивань Творимири а, воеводы Ярославля* [ПВЛ: 168]; *И язѣ послышевѣ, побѣгль за море; ино в валу парусовѣ не знати; и въста буря силна, и потопи рати моей много на устѣ Неровы-рѣкы* [Рукопис. Магнуша: 58]; *Идуцю ему*

торговати за море, и бывшию ему за моремъ год и возвращуся ему взадъ, идущую по морю, и бысть буря велия, валы великы, и бьющуся кораблю о дно моря, и бысть бѣда велия [Пов. о жит. Мих. Клопского: 346]; И прииде буря вътрняя велика згло, и в мори трус велий, волны лютѣ устремляхуся [Жит. Зос. и Савв. Солов.: электронный ресурс]; И бяше снѣгъ великъ [ПВЛ: 180]; Бывшу же бездождью велику въ градѣ, яко иссыхати земли и садомъ, и нивамъ, и всему плоду земленому, яко нѣ за колко бысть время, всѣмъ тужащимъ и молящимъ Бога [Жит. Авр. Смол.: 88]; Въ то же лѣто знамение бысть на небеси: столпы огнены. Тогда же засуха велика была, земля и болота горѣлы, мѣгла же стояла б недѣль, яко и солнца не видети, и рыбы въ водѣ мерли [Северн. лет. свод 1472: 412]; Во един же от дний тѣх, еще убо тогда во градѣ Троецкомъ Сергиеве монастырѣ множество воинства храбрѣствующих на враги и борющеся, дни освѣтающе недѣльному, бысть велика мгла в зимнее время [Сказ. Авр. Пал.: электронный ресурс] и т. п.

В следующих словесных рядах репрезентантом описания явления природы выступает имя существительное, которое выражает одновременно и номинативный, и дескриптивный аспект описания.

Например: Того же лѣта помраченье бысть въ солнци августа [ПВЛ: 98]; По сих же приспѣ вечерь, и заиде солнце, и смерьчеса свѣтъ, и наста ночь, и бысть тма, и нелзѣ бяше гнати за ними за рѣку [Пов. о битве на реке Воже: 92]; У се же лѣто ведро бяше, яко изгаряше земля, и мнози борове изгоряхуся самѣ и болота, многа знаменья бываху по землѣ [ПВЛ: 226]; Веснѣ же бывши, поидоста на ятвезѣ, и приидоста Берестью, рѣкамъ наводнившимся и не возмогоста ити на ятвезѣ [Гал.-Вол. лет.: 288]; И сбѣгшимся во нь многимъ людемъ, и бѣ бо зимѣ бывъши и водѣ велицѣ [Гал.-Вол. лет.: 342]; И потомъ по малѣ времѣни бысть знамение в лунѣ, месяца сентября [Сказ. о Довм.: 54] и т. п.

Следует отметить, что, кроме словесных рядов, основанных исключительно на визуальном восприятии действительности, достаточно часто в древнерусских текстах встречаются дескриптивные словесные ряды, содержащие описания, в которых визуальная дескрипция сочетается с дескрипцией, основанной на других экстероцептивных ощущениях: аудиальных, ольфакторных, осязательных и т. д. В таких случаях образуются составные словесные ряды: **визуально-аудиальные дескриптивные словесные ряды** (*Его же видѣ видиньемъ и Даниль летяща — лице его, яко видѣ молъинный, рещи, очи его, яко свѣци, и мышѣди его и голени, яко видѣ мѣди блестящеса, и гласъ слова его, яко гласъ многого народа* [ПВЛ: электронный ресурс]) (содержат описания, основанные на восприятии зрением и слухом), **визуально-ольфакторные дескриптивные словесные ряды** (*И повелѣ царь отвергъсти златаа ковчега. Отверзенома же ковчегома, злый смрадъ повѣа из нею и некраснаа видѣна бысть видѣ* [Пов. Варл. Иоас.: 200]) (содержат описания, основанные на восприятии зрением и обонянием), **дескриптивные словесные ряды, передающие визуальное и вкусовое восприятие** (*Идохом по земли той много дни и обрѣтохом лядину невелику ростомъ, ни с локоть от земля в высоту. Да того грызуще проидохомъ землю ту, и бяше лядина та бѣла, но паче меду и ста* [Сказ. Макар. Римск.: электронный ресурс]) (содержат описания, основанные на восприятии зрением и вкусовыми рецепторами), **визуально-осязательные дескриптивные словесные ряды** (*Напреди же ему солнце добръ сияеть, а по нем кроткый вѣтрець вѣеть* [Сказ. о Мамаев. поб.: 150]) (содержат описания, основанные на восприятии зрением и осязанием).

3.1.2. Аудиальные дескриптивные словесные ряды

Аудиальные дескриптивные словесные ряды содержат дескриптивный элемент, обозначающий признаки, свойства и качества объекта описания, воспринимаемые путём активизации слухового канала. Этот вид дескрипции

является вторым по распространённости сенсорным видом дескрипции после визуальной (24 дескриптивных словесных ряда – 5%).

Аудиальные дескриптивные словесные ряды используются при описании боевых действий, при описании одушевлённых объектов действительности и при описании природы.

Аудиальные описания боевых действий в древнерусских текстах представляют собой словесное изображение интенсивности звука, издаваемого ударами оружия, голосами людей, топотом лошадей и т. п. и являющегося следствием боевых действий. Репрезентантом признака, характеризующего интенсивность звука, в древнерусском тексте выступают дескриптивные словесные ряды, включающие в свой состав содержащее понятийную часть описания и выражающее высшую степень проявления качества краткое прилагательное *великъ / страшень* (*трусъ великъ зъло, яко гром велий*).

Приведём примеры словесных рядов, содержащих аудиальные описания боевых действий: *И бысть сеча зла и велика, и брань крѣпка, и трусъ великъ зъло; яко от начала миру съча такова не бывала великимъ княземъ рускимъ, якоже сему великому князю всея Руси [Лет. пов. о Кул. бит.: 122]; На том бо полъ силнии плъци съступишася, из нихъ же выступали кровавыя зари, а в них трепеталися силнии мълνια от облистания мечнаго. И бысть трускъ и звукъ великъ от копейнаго ломления и от мечнаго съчения, яко не мощно бѣ сего грѣкого часа зрѣти никако же и сего грознаго побоища [Сказ. о Мамаев. поб.: 176]; И бысть сеча велиа и преужасна: от пушечного бо и пищального стуку, и от звуку звонного, и от гласа вопли и кричания от обоих людей, и от трескоты оружия — яко молния бо блистааху от обоих оружия — также и от плача и рыдания градцких людей, и жон, и дѣтей, мняшеся небу и земли совокупитися и обоим колѣбатися, и не бѣ слышати друг друга что глаголетъ: совокупиша бо ся вопли, и крычания, и плач, и рыдания людей, и стук пищальный и звонъ клаколный в един зук, и бысть яко гром велий [Пов. о взят. Царьгр.: 226]; И от пушечнаго и от пищального гряновения, и от многооружнаго*

скрежетания и звяцания, и от плача и рыдания градских людей — и жен, и дѣтей — и от великаго кричания, вопля и свистания, и от обоих вой ржания и топота конскаго, яко велий громъ, и страшень звукъ далече на русских предѣлах за 300 версть слышашеся, и не бѣ ту слышати лзѣ что друг со другом глаголати. [Казанск. ист.: 488]; Оттуду же узрѣ окаянный царь красоту и величества всего царствующаго града и великие каменоградные стены и златом покровенные и пречюдно украшенныя божественныя церкви и царския великия досточюдные двоекровные и трикровные полаты; паче же слышавъ великий тресновенный гром и неизреченный гласовом звукъ, иже бысть от великаго во граде и изо обитель пушечного стрѣляния [Пов. о жит. Фед. Иванов.: электронный ресурс].

Дескриптивные ряды, содержащие **описание голоса человека** включают в свой состав дескриптивный элемент, указывающий на высоту голоса (*тонокъ*) или на его интенсивность (громкость) (*велегласно, великъ*).

Приведём примеры словесных рядов, содержащих описания голоса человека:

Образ же имѣл возраста своего средний, глава его невелика, глас его тонокъ, очи малы, ноги тонки; а ходилъ в разноцвѣтном и хорошем одѣянии. А перьстней и чепей золотых охочь был носити [Сказ. об Аристот.: 592]; Видѣша бо около града по поясу ходящих дву старцов — брады стѣды, свѣтозарны образом, яко быти имъ по образу и по подобию великимъ чудотворцом Сергию и Никону. Един же в руцѣ имѣяше кадилницу злату, а над кадилницею Животворящий Крестъ и кадяще обитель свою и огражаше Честнымъ и Животворящим Крестомъ стѣны града. Другий же имѣяше в руцѣ своей правой кисть, яко кропило, въ другой же руцѣ чашу. И, кропя святою водою стѣны и прочая вся во обители и поюще своими усты велегласно тропарь „Спаси Господи, люди своя“, кондак „Вознесыйся на крестъ“, — оба до конца [Сказ. Авр. Пал.: электронный ресурс]; Бога же свидѣтеля представляя тому, яко видѣша два старца, стѣдинами украшена, яко снѣгом, и кличуща съ града

ко всѣмъ, видящимъ сиа, вопиа же гласомъ великимъ: «Всѣмъ вамъ бѣднымъ такъ плыти! Что о себѣ не разсудите!» [Сказ. Авр. Пал.: электронный ресурс].

Следующий словесный ряд содержит описание пения райских птиц, для характеристики тембра голосов которых используются прилагательные *великъмъ, льгъкъмъ, тѣнькъмъ, дивнѣмъ*:

Сѣдяху же пѣтицѣ на дрѣвѣхъ тѣхъ, различныи имуща одежда. Овѣмъ бѣше яко злато перие, а другыимъ багряно, инѣмъ чървлено, а другыимъ сине и зелено и различныими красотами и пѣстротами украшены. Другыя же бѣлы яко и снѣгъ. Въсѣхъ бо гласи бяху различни и щѣбѣтаху сѣдяще друга къ другу и пояху пѣсни различны — ова великъмъ гласомъ, а другыя льгъкъмъ гласомъ, а другыя тѣнькъмъ гласомъ и пѣниемъ, ины же дивнѣмъ гласомъ яко бо каяждо по ряду ихъ и по подобию, пѣсни же ихъ и слава велика, ако яже никѣто же слышалъ на семь свѣтъ ни видѣти иматъ [Сказ. Агап.: 156].

В следующем словесном ряду указанные прилагательные характеризуют звуки, издаваемые музыкальным инструментом: *Такови же органы суть: 3000 писковъ имают, гласове же вси различни суть, дебели, и тонцы, и висоцы, и низцы, и тако жалостно слышати ихъ и сладцы, яко всяки челоуѣчский разумъ дивляшеся* [Алекс.: 162].

Аудиальные дескриптивные словесные ряды используются также при описании такого звукового явления в атмосфере, как *гром*. Следует указать, что при анализе языкового материала нам встретился только один словесный ряд, содержащий характеристику этого явления природы (*страшенъ*), во всех остальных рядах содержится лишь наименование природного явления. Например: *Бысть же в той день къ Бѣлуграду громъ страшенъ, яков же никогдаже бысть, и тма по всей нашей странѣ, яко ноцѣ мнѣти, и на захоужении солнца мало просвѣтлися* [Из Хрон. 1512: 412]; *И потомъ вѣста вѣтрѣ великъ угъ съ ту ею великою и съ громѣмъ, и вълны быша выше корабля* [Чуд. Ник. Мирликийского: электронный ресурс]; *И бывѣши ноци, бысть тма, и громове, и мольня и дождь* [ПВЛ: 162]; *И по малѣмъ времени бысть буря*

велиа, и громи, и молния, и трус велик бысть в мори и в рецъ чрез всю ночь [Жит. Зос. и Савв. Солов.: электронный ресурс].

3.1.3. Осязательные дескриптивные словесные ряды

Осязательные дескриптивные словесные ряды содержат дескриптивный элемент, обозначающий признаки, свойства и качества объекта описания, воспринимаемые рецепторами, расположенными в коже, в результате взаимодействия с внешней средой. Этот вид дескрипции является третьим по распространённости сенсорным видом дескрипции после визуальной и аудиальной (21 дескриптивный словесный ряд – 4%).

Большая часть осязательных дескриптивных словесных рядов (20 из 21) используется при описании природы. Такие словесные ряды содержат дескриптивный элемент, обозначающий восприятие температурных раздражений, поступающих из внешней среды, который может быть выражен двумя способами: 1) словами, обозначающими признаки изменения температуры в атмосфере: *студено, варно, жаростну, мразна, студена, сухо, люта*; 2) прилагательным *велицъ*, выражающим высшую степень проявления признака.

Приведём примеры осязательных дескриптивных словесных рядов, в которых дескриптивный элемент имеет значение ‘состояние атмосферы, характеризующееся горячим / холодным воздухом’: *А в Гиляи душно велми да парище лихо, да в Шамахъе паръ лих; да в Вавилоне варно, да в Хумитъ, да в Шамъ варно, а в Ляпъ не так варно* [Хождение за три моря: 468]; *Овем же многочисленным раненым от литовского оружия изнемогиши и от многого труда истаевшим, — дню же тогда зъло от солнечных лучъ жаростну бяше; но токмо Божиим покровом и на него вооруженьем надежным крѣпящися* [Пов. о прихожд. Стеф. Батор.: электронный ресурс]; *Та же зима была студена, а стъно дорого* [Северн. лет. свод 1472: 420]; *Велика тогда зима и мразна, к тому же и весна приспъ скоро, и дождь велик, и много его идяше месяцъ*

непрестанно — или Богъ тако сотвори или волхование казанских волхвовъ сие бысть, не вѣмъ, — яко и станам и становищам в войске потонути, и мѣстом сухим не обрѣстися, гдѣ стояти и огнемъ огрѣтися, и ризы своя просушити, и ядения сварити [Казанск. ист.: 388]; Он же не повоевал, оттуды возвратился к Ордѣ со всѣми силами своими, со великою тцетою и срамом, бо та зима зело была студена и снѣги великие, и того ради кони собѣ всѣ погубили, и множество их от зимы и самых померло [Ист. о вел. кн. Моск.: электронный ресурс]; И бишяся ти день и до вечера, но бѣхутся не присердно, бѣше бо того дни буря и студено велми [Пов. о бит. на Лип.: 120]; Напреди же ему солнце добрѣ сияетъ, а по нем кроткый вѣтрецъ вѣетъ [Сказ. о Мамаев. поб.: 150]; Герману же пришеду на осень къ берегу морьскому, хотящу шествиа творити на остров Соловецкый, и не возможе, бѣ бо воздухъ хладен, и вѣтри противни, и снѣговъ мнози, и бѣше въ мори велико волнение <...> Бывшу же стройну плаваню: бысть в мори тишина велиа, вѣтру тонку дыхающу <...> И пакы на брег моря прииде, вѣсхотѣ ити къ острову Соловецкому, и не възможе, бѣ бо уже осень, и въздух небесный к студению премѣнися, и бѣху снѣгове велиции, и волнение морьское неукротимо бѣ, ледовом многим по морю плавающим [Жит. Зос. и Савв. Солов.: электронный ресурс]; И бывшу ему един день вѣтру добрѣ вѣющу [Хожд. на Флорент. соб.: 470] и т. п.

Приведём примеры осязательных дескриптивных словесных рядов, в которых дескриптивный элемент выражен кратким прилагательным *велиць*: *В то же время зноеве бѣху велиць* [Алекс.: 70]; *Ярославичи же трие — Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, — совокупивше воя, идоша на Всеслава, зимѣ суци велиць* [ПВЛ: 274].

Следующие примеры представляют собой осязательные словесные ряды, в которых имя существительное называет природное явление, указывающее на состояние внешней среды, характеризующееся определённой атмосферной температурой: *Бѣ бо уже въ заморозъ* [ПВЛ: 156]; *Данилови же пошеду на*

войну на литву и на Новъгородокъ, бывшую раскалью, посла сына си Лева на Бакоту [Гал.-Вол. лет.: 332].

Отдельные осязательные дескриптивные словесные ряды (2 из 21) используются при описании тактильных ощущений, возникающих при взаимодействии с физическими телами (твёрдыми и жидкими). Такие словесные ряды содержат дескриптивный элемент, обозначающий ощущение от температурных раздражений (*тепли, студено*) и ощущение от давления на объект (*мягци*): *Бяху же хлѣби оны тепли суще и мягци, яко обычай есть новопеченым быти* [Жит. Серг. Рад.: 348]; *Езеро же близъ Египта быстро и студено бяше велми* [Алекс.: 70].

3.1.4. Ольфакторные дескриптивные словесные ряды

Ольфакторные дескриптивные словесные ряды содержат дескриптивный элемент, обозначающий признаки, свойства и качества объекта описания, воспринимаемые органами обоняния. Этот вид дескрипции является четвёртым по распространённости сенсорным видом дескрипции после визуальной, аудиальной и осязательной дескрипций (18 дескриптивных словесных рядов – 3 %) и используется при описании человека, при описании материальных объектов, окружающих человека и созданных его руками, и при описании места.

Ольфакторные дескриптивные словесные ряды содержат дескриптивный элемент, выраженный словами, характеризующими запах с гедонистической точки зрения (приятный / неприятный): *благу воню, благоухание / смрадность*.

Большая часть выявленных нами ольфакторных дескриптивных словесных рядов связана с *описанием человека*. Ольфакторные дескриптивные словесные ряды, содержащие дескриптивный элемент, выраженный словами, имеющими корень *благ-*, используются для положительной характеристики человека с точки зрения нравственности. Об отступлении человеком от норм морали свидетельствуют ольфакторные словесные ряды, в которых

дескриптивный элемент выражен словами с корнем *смад-*; подобные же ряды служат для характеристики inferнальных сил. Например: Смадъ же исхожаше из него изъгнила гноя, якоже от горка смада его нетища блаженни нача плевати часто и портюмъ своимъ зая носъ свои [Жит. Андр. Юрод.: электронный ресурс]; *Тогда приступивъ к намъ, и воздвиже руцъ свои на небо, и помолися Богу, и благослови ны, и разложи власы от лица своего и усъ свои распрятавъ. И бяху власи его бѣли яко снѣгъ, и бѣше благоуханье от него* [Сказ. Макар. Римск.: электронный ресурс].

Следует указать, что дескриптивные элементы *блага воня, благоухание* нередко используются при описании тела умершего и служат ольфакторной репрезентацией внутреннего совершенства объекта описания, указывая на «нетленность телесных останков или мощей» [Голубинский 1903: 40]. Например: *Се же пречюдно бысть и дивно и памяти достойно; како и колико лѣтъ лежавъ тѣло святаго, то же не врежено пребысть, ни отъ коегоже плѣтоядца, ни бѣаше почърнѣло, яко же обычай имуть телеса мъртвыхъ, нѣ свѣтло и красьно и цѣло и благу воню имущю. Тако Богу съхранивъшю своего страстотърпца тѣло* [Сказ. Бор. и Глебе: 298]; *Таче повелѣ отверсти осмолена и бекомъ помазана. Сима же отверзенома сущимъ ту вся възвеселиста о лежащихъ в нею свѣтлости, и благоухание изиде от нею. Глагола же к нимъ царь: “Весте ли, кому подобна еста ковчега си? Подобна еста смиреннума онѣма и в худыя ризы оболченома, ихъже въ внешний образъ видяще, досажение въменисте лица ею мое поклоняние до земля. Азъ же разумныма очима доброту ихъ и честь душевную разумѣвъ, чюдився ею прикасанье, лучише вѣнца и лучише царьскаго обдѣ честнейшая вменихъ”* [Пов. Варл. Иоас.: 200]; *Княгини его не можаше ся втолити, но пришедиши съ епископомъ Евсегениемъ и съ вѣсм крилосомъ, открывши гробъ и видиши тѣло его цѣло и бѣло, и благоухание от гроба бысть и воня подобна арапат многоцѣнных, и тако чюдо видѣ, видѣвши же прославиши Бога* [Гал.-Вол. лет.: 414]; *И по седми лѣтъ явися еклесиарху, повелеваетъ изяти тѣло свое*

от земля. И обрѣтоша цѣло и благоухание испущая, чудеса творя, вратаря же слѣпаго просвѣтивъ [Из Хрон. 1512: 388]; И абие храмина исполнися благоухания велия, и бысть лице его светлѣе живаго [Жит. Герас. Болд.: электронный ресурс]; Егда же раскопаша землю и обрѣтоша гроб, — и искипѣша миро от мощей святаго, и благоухание нѣкое неизреченно изыде, яко наполнитися воздуху и всему граду от вони благоухания. И открывше гроб и обрѣтоша тѣло святаго цѣло и нерушимо, яко ни ризамъ его прикоснутися тлѣнию [Жит. Филип.: электронный ресурс]; Простер же руцѣ свои, приять святую и непорочную ея душу. Во исхождение свята ея душа исполнися вони благиа и неизреченна свѣта мѣсто то [Сл. об успен. Богород.: электронный ресурс]; Излия же ся тогда благоухание велие и неизреченно от телесе святаго [Жит. Серг. Рад.: 404]; И внесе в соборную церковь. Егда же прииде утренее клепание, урани настоятель внити в церковь. И обоня вона благоухания необычнаго полну суцу, яко мира благовонна и многоцѣнна излияся от мощей святаго [Жит. Филип.: электронный ресурс].

В следующих словесных рядах дескриптивный элемент свидетельствует об отступлении от норм морали объекта описания, на что указывает дескриптивный элемент, имеющий корень *смад-*: *Тогда аггела оба изведоста мя на землю во гробъ к тѣлу моему. И гнушахся в тѣло мое внидти, бѣ бо яко каль черно, и велми смрадя* [Измарагд.: 68]; *Тако же аз видѣлъ тѣло свое велми гнусно, яко стерво смрадностъ от него злая. Яко же кто ис себе выпустит кал да гнушается его и бежит от него, тако же человеческое естество мертво и ненавидѣмо всѣми* [Пов. о споре: 52].

Ольфакторные словесные ряды используются также для описания места и материальных объектов, окружающих человека и созданных его руками. При этом словесные ряды, содержащие дескриптивный элемент, вербализующий значение ‘приятный запах’, используются для описания объектов, имеющих сакральный смысл, а словесные ряды, содержащие дескриптивный элемент, вербализующий значение ‘неприятный запах’ — для описания «нечистых»

объектов. Например: *Да якоже онъ началъ бѣаху хвалитися тако, и блаженому ту стоящую и слушающую, а бѣлоризцемъ не умѣющимъ что отвѣцати, единъ нѣкто уноша велми красенъ слѣзе от горних, в руцѣ держа 3 вѣнца. Да единъ бѣаше украшенъ златомъ чистомъ и каменемъ чѣстьным, а вторыи жемцугомъ великымъ драгымъ блискающимся, а 3-и велми болги обою от всякого цвѣта чѣрвлена и бѣла и от вѣтвия Божия рая исплетена, неувядаемъ николиже. Таку же воню имѣаху, якоже умъ чловецьскъ не можетъ нареци [Жит. Андр. Юрод.: электронный ресурс]; *И возложиша на святаго одѣяние иноческое многошвенное и раздранное, и изгнаша его из церкви яко злодѣя, и посадиша его на злосмрадная возила рѣюще, и везуще внѣ града, ругающеса ему* [Жит. Филип.: электронный ресурс]; *Море же Содомское мрѣтво есть, не имать в себѣ никакоже животна, ни рыбы, ни рака, ни сколиш. Но обаче внесетъ быстрость Иорданская рыбу в море то, то не можетъ жива быти ни мала часа, но вскорѣ умираетъ: изходит бо из дна моря того смола чермная верху выды тоя, и лежит по брегу тому смола та много; и смрад исходит из моря того, яко от стѣры горяца; ту бо есть мука под морем тѣмъ* [Хожд. игум. Дан.: 56-58] и т. п.*

3.1.5. Дескриптивные словесные ряды, передающие восприятие вкуса

Дескриптивные словесные ряды, передающие восприятие вкуса, содержат дескриптивный элемент, обозначающий признаки, свойства и качества объекта описания, воспринимаемые в результате раздражения слизистой оболочки языка различными веществами. Этот вид описания встречается в древнерусских письменных памятниках реже, чем остальные семантические виды описания (9 дескриптивных словесных рядов – 1,8 %).

Для передачи вкусового восприятия в древнерусском тексте используются словесные ряды с адъективной дескрипцией, в которых в качестве дескриптивного элемента, находящегося в предикативной или атрибутивной функции, выступает краткое прилагательное *сладка*,

выражающее значение ‘приятна на вкус’; нередко это прилагательное имеет при себе наречие меры и степени *велми* или сравнение *яко сахарь / яко и медвену*, выполняющие усилительную функцию. Например: *Иордан же рѣка течет быстро, бреги же имать об онъ полъ прикруть, а отсуду пологы. Вода же мутна велми и сладка пити, и нѣсть съти пиюще воду ту святуу; ни с нея болѣть, ни пакости во чревѣ чловѣку* [Хожд. игум. Дан.: 52]; *И Питисово царство прошедше, на поле долго и широко дошедше, езеро бяше на полѣ томъ, вода бо сладка велми и быстра; на краи же ѣзера того образъ чловѣчь во златѣ здѣла стояще, поле же то полно чловѣческих костей* [Алекс.: 100]; *И ту есть поток, воды исполненъ, и течет красно по каменю во Иордан. Вода та студена зѣло и сладка велми* [Хожден. игум. Дан.: 52]; *И оттоле дванадесять дний прешедше, на другое нѣкое езеро дошед, в немъже вода сладка, яко сахарь* [Алекс.: 112]; *Источникъ его и кладязь на едином мѣстѣ, и к тому кладязу и источнику пришли путие мнози от многих странъ, и прихождаху людие мнози и пияху от кладязя и источника воду, студена бо бѣ и сладка* [Сказ. Драк.: 556]; *Почерпъше же, обрѣтоста ю сладѣку, яко и медвену, и студену* [Жит. Конст.-Кир.: электронный ресурс].

В «Житии Сергия Радонежского» содержатся два описания хлеба, отражающие соотношение вкуса (*медвеною нѣкоею сладостию исплѣнены / сладкыя*) и запаха (*яко нѣкотораа в них зелиа растворенна благоухана / благоуханныя*): *Бяху же хлѣбы оны теплы суше и мяжи, яко обычай есть новопеченым быти. Сладость же вкушениа их странна нѣкако и незнаема являшеся, и яко медвеною нѣкоею сладостию исплѣнены, уподоблены и преудобрены, и яко с маслом сѣмяннымъ устроени суше и преухыщрени, и яко нѣкотораа в них зелиа растворенна благоухана, сладость постную, яко мнѣти, и от сего имѣти являюще <...> За хлѣбы оны гнилыя таковое сладкое Богъ засылаше ему брашно: вѣмѣсто гнилых не гнилыя, но новопеченыя, сладкыя, благоуханныя, вѣ тлѣнных мѣсто нетлѣнныя, земных благъ наслажение* [Жит. Серг. Рад.: 348].

Следует отметить, что в качестве номинатива в дескриптивных словесных рядах, передающих восприятие вкуса выступают существительные *вода* и *хлебы*, что подчёркивает связь вкусового восприятия с идеологией средневекового человека. Вода и хлеб – это не только средство утоления жажды и голода, это символы: вода – символ физического и нравственного очищения, символ исцеления; хлеб – символ духовной пищи.

3.2. РАЦИОНАЛЬНАЯ ДЕСКРИПЦИЯ

Рациональная дескрипция связана с фундаментальной характеристикой объекта описания, представляющей собой словесное изображение свойств и качеств объекта описания, основанных не на экстероцептивных ощущениях субъекта, а на его способности мыслить абстрактно, а также на обобщённой и объективированной системе знаний, полученных в результате коллективной деятельности ряда поколений людей. К этому виду дескрипции мы относим словесные ряды, содержащие свойства, качества и признаки объекта, основанные на внутренних социально-личностных ценностях, имеющих внешнее выражение (морально-этическая характеристика объекта описания, интеллектуальная характеристика объекта описания, характеристика практической деятельности объекта описания); а также словесные ряды, содержащие свойства, качества и признаки объекта, основанные на внутренних социально-экономических ценностях, имеющих внешнее выражение (характеристика географических объектов).

3.2.1. Морально-этическая характеристика объекта описания

Под морально-этической характеристикой объекта описания мы понимаем словесное изображение свойств, качеств, признаков, относящихся к принятым в обществе представлениям, связанным с нравственными ценностями и регуляторами поведения, основанными на христианских добродетелях. В зависимости от значения, вербализованного дескриптивным

элементом, словесные ряды, содержащие морально-этическую характеристику, можно разделить на десять групп. Мы будем рассматривать группы дескриптивных словесных рядов от наиболее часто встречающихся в древнерусском тексте к наименее частотным.

Словесные ряды первой группы содержат дескриптивный элемент, являющийся вербализатором обобщённого признака, характеризующего объект описания как человека нравственного, добродетельного. Репрезентантом обобщенного признака, характеризующего добродетельность объекта в целом, являются словесные ряды, содержащие дескриптивный элемент, выраженный прилагательным *добродетелень* или синкретсемичным сочетанием, в состав которого включено указанное прилагательное (*въ добродѣтелех сияюща / в добродѣтелех чудень / имуци доброты / въ добродѣтели съврѣшенъ* и т. п.).

Например: *Бысть нѣкий игумень въ велицѣх монастыри въ Тверской странѣ добродетелень зѣло: ото младѣньства чистоту стяжа, въ юности мира отвержесе* [Волоколам. пат.: электронный ресурс]; *Яже и приведе ему на приобщение браку добротами светящуюся всякими Евдокию, яже обилие имуци доброты лични* [Хрон. Конст. Манасс.: 290]; *Царь великий князь взял благословение и прощение от духовнаго отца своего, мужа добродѣтелна, Андреа именем, и, аки пардус, ярости наполнися бранныя, и всѣд на избранный свой конь с мечемъ своимъ, и, скача, вопияше воеводам, мечем маша: «Что долго стоите бездѣльны? Се приспѣ время потружатися малъ час и обрѣсти вѣчную славу»* [Казанск. ист.: 514]; *Братия же, не могуце без пастыря быти, и избравше единого от ученикъ святаго, мужа, в добродѣтелехъ сияюща, Саву именемъ, и того возведоша на игуменство <...> Но той, желаниемъ побѣждаемъ, тѣшася узрѣти своима очима церковь ону всячески украшену, и въскоре собра мужа живописцы в добродѣтелехъ совершены, Даниила именемъ, и спостника его Андрѣа, и прочихъ с ними [Жит. игум. Никона: электронный ресурс]; *И просто реци, всѣми добродѣтянии украшенъ бѣ отрокъ той*;*

поспѣвая возрастом въ страх Божий и страхом Божиим умилился [Сл. о жит. св. Стеф.: электронный ресурс] и т. п.

Словесные ряды второй, третьей, четвёртой, пятой и шестой группы относятся к характеристике объекта, связанной с проявлением определённой добродетели: приверженности вере христианской, кротости, проявлением милосердия, святости, целомудрия.

Приведём примеры второй группы словесных рядов, содержащих дескриптивный элемент, характеризующий объект описания как набожного, богобоязненного, исповедующего истинную веру, ведущего образ жизни, соответствующий правилам христианской морали, человека: *Сей убо преподобный отецъ нашъ Герасимъ родися во граде Переславле Залѣском от родителю благочестиву, от отца нарицаемаго Михаила и от матери имянем Марьи, иже бѣста Божиимъ угодницы, правдиви пред Богом и пред человеки и всяческими дѣлами исполнени же и украшени, якоже Богъ любит* [Жит. Герас. Болд.: электронный ресурс]; *В Селуньстѣмъ же градѣ бѣ мужъ етерьъ добророденъ и богатъ, именовъ Левъ, предержа санъ другарескъ подѣ стратигомъ. Бѣ же благовѣренъ и праведенъ, сохраняя вся заповѣди Божия исполнь, якоже инѣгда Иевъ* [Жит. Констант-Кир.: электронный ресурс]; *Погребоша честное его тѣло — Вячеслава, добраго и праведнаго владыку и богочетца и христороубца* [Жит. Вяч. Чешск.: электронный ресурс]; *Сумеонъ именьмъ нѣкто, Божий чловѣкъ, исповѣдникъ чистъ въ чърньцьствѣхъ сы прѣбывая и присно моляся Богу, яко и въ чудесѣхъ прѣбывая, якоже и от Десяти градъ прозвася* [Чуд. Ник. Мирликийского: электронный ресурс]; *Жена же его именовъ Агласиа, жена же вѣрна и боящися Бога, заповѣди творяше, молящися Богу* [Жит. Алексия: электронный ресурс]; *Часто же хожаше по церквамъ и любляше прочитати богодуховнѣныя книги, боле же святыхъ мучения и жизни святыхъ отецъ, яко горѣти серцю его на тѣхъ упованье, на подобие ихъ вѣставлятися. Особѣ бо вложи собѣ начало добраго житья* [Жит. Андр. Юрод.: электронный ресурс]; *Бѣше же нѣкто мужъ*

праведен и великъ, имя ему Уриа [Сказ. Давиде: электронный ресурс]; *Нрав же его бѣше таковъ. Не ходяшетъ путемъ кривымъ, но правымъ* [Суды Сол.: 68] и т. п.

Приведём примеры третьей группы словесных рядов, содержащих дескриптивный элемент, вербализирующий значение ‘смиранный, незлобивый, послушный’: *Тѣгда же блаженный Феодосий моляшеся Богу, по вся дѣни ходя въ църкъвь Божию, бѣ же сѣмѣренъ сѣрьдцемъ и покоривъ къ вѣсѣмъ* [Жит. Феод. Печ.: 314]; *И рече: «Кто болий есть в вас, акъ есть Феодосий: послушливъ, и кротокъ, и смиренный* [ПВЛ: 172]; *Данило и Василка Романовичю бѣаху володимѣрьскыи пискупѣ: бѣ бо Асафъ блаженный преподобный, святитель Святое Горы, и потомъ бѣ Василѣй от Святое Горы, и потомъ бѣ Микифоръ, прирокомъ Станило, бѣ бо слуга Василковъ прежде, и потомъ Кузма, кроткый преподобный смиренный пискупъ володимѣрьскый* [Гал.-Вол. лет.: 256]; *А государь князь великий Дмитрий Ивановичъ смиренъ человекъ и образъ нося смиреномудрия, небесных желаа и чаа от Бога будущих вѣчныхъ благъ, не вѣдый того, что на него сѣвѣщеваютъ золь сѣвѣтъ ближнии его друзи* [Сказ. о Мамаев. поб.: 138]; *Ерей бѣ нѣкто именовъ Илия, смиренъ и кротокъ велми* [Измарагд.: 60]; *И живяше во всяком послушании родителей своих, бѣ же смирен и кроток велми, на игры ко сверстником своим никакоже приставаая, но хожаше по вся дни в църковь ко всякому пѣнию и внимаше божественное пѣние, писание, и тужаше духом, помышляше, маловременное сие житие суетное како вскоре преходит* [Жит. Герас. Болд.: электронный ресурс] и т. п.

Приведём примеры четвёртой группы словесных рядов, содержащих дескриптивный элемент, вербализирующий значение ‘милосердный, сострадательный’: *И бысть вѣдовицямъ заступникъ и сирымъ помощникъ и убогимъ заступникъ и, сѣпроста рещи, вѣся приходящая, уча и утѣшая, отпуцааше, убогимъ же подавая, еже на потрѣбу и на пиццю тѣм* [Жит. Феод. Печ.: 384]; *И сѣ добродѣтель имѣя: веляшетъ по вся дни возити по городу брашно и питие различное болнымъ и нищимъ на потребу, и, видя*

всякого нища приходящего к собѣ просить, подавая имъ прошенья ихъ, глаголя тако, гда «се есть Христосъ пришедъ испытать мене», и тако принимаше всякого приходящего к нему, яко же Христос заповѣда, рече: «Аще симъ меньшимъ створисте братьи моеи, то мнѣ створисте» [Пов. убиен. Андр. Боголюбск.: 326]; Бѣ же Ростиславъ мужъ добръ на рать, възрастом же лѣтъ и красенъ лицемъ, милостивъ убогимъ [ПВЛ: 180]; Князи же, племя Ростиславле, милостиви суть и до хрестьянства добръ, той день стоаше на побоищи [Пов. о бит. на Лип.: 124] и т. п.

Следует указать, что к четвёртой группе мы относим также словесные ряды, содержащие дескриптивный элемент, характеризующий объект описания как человека, одеяющего особой милостью служителей религиозного культа. Как правило, это одна из характеристик людей, принадлежащих к высшему сословию.

Например: И умножишися дни живота его в велицѣ славѣ, бѣ бо иерѣлюбець и мѣнихолубецъ, и нищяя любя, митрополита же и епископы чтяше и послушааше их, аки самого Христа [Жит. Ал. Невск.: 436]; Бысть же милостивъ и любовен ко всѣм, наипаче же Божий страх имѣя во своем сердцы и судяй суд нелицемѣрен, не обинуоя лица силных своих бояр, и не даше во обиду никогоже; чтяше же велми и любяше святителей и все священство, иноческий чин [О вел. кн. Вс. Георг.: электронный ресурс]; Сий благовѣрный князь Всеволодъ бѣ измлада любя правду и набдя убогия, и воздая честь епископомъ и прозвутеромъ, излиха же любяше чернорисцѣ и подаваше требованье имъ [ПВЛ: 226]; Володимеръ же такъ есть любѣзливъ: любовь имѣя к митрополитомъ и къ епискупомъ и къ игуменом, паче же и черноризецький чинъ любя, и приходящая к нему напиташе и напояше, акы мати дѣти своя. Аще кого видитъ или шюмна, или в коемъ зазорѣ, и не осужаше, но все на любовь прикладаше и втѣшаше [ПВЛ: 256]; На весь бо церковный чинъ отверзлъ бяшетъ ему Богъ очи сердечныи, и всѣмъ церковником, и нищим, и печалным яко възлюбленный бяше отецъ; паче же и на

милостыню, поминая слово Господне глаголющее: «Блажении милостивии, яко ти помиловани будут» [Лет. пов. о монг.-тат. нашествии: 142]; Он же милостыни по обычаю прилежа, странных и прокаженных питая, или ото инокъ кого слыша в мльчании живуца, обилно потребная посылаше ему [Из Хрон. 1512: 410] и т. п.

К пятой группе мы относим словесные ряды, содержащие дескриптивный элемент, характеризующий объект описания с точки зрения высшей степени приобщения объекта к божественной благодати.

Например: Григоръй же бяшетъ человекъ святъ, акого же не будетъ перед нимъ, и ни по немъ не будетъ [Гал.-Вол. лет.: 358]; Тогда же убилъ Владимира, стрыечного брата своего, с матерью того Ефросиньею, княжною Хаванскою, яже бѣша от роду князя великого литовского Олгерда, отца Ягола, короля полского, и воистину святую испосницу великую, во святом вдовствѣ и во мнишестве провосиявшую [Ист. о вел. кн. Моск.: электронный ресурс]; Прозвание же мѣсту тому от сего бысть. Нѣкогда убо приѣха из Новаграда к преподобному старцу Арсению на Коневский островъ блаженоименитый и чудный во архиерѣох, иже послѣжде просия в чудестѣх, вторый Евфимий архиепископъ новгородский, помолитись чудному образу Пресвятъй госпожи Богородицы, иже от Святыя горы Афонския принесена бысть, и видѣти монастырь Коневский, и благословение подати старцу Арсению и братии, и от них к Богу молитвъ сподобитися [Жит. Арс. Кон.: электронный ресурс] и т. п.

Приведём примеры шестой группы словесных рядов, содержащих дескриптивный элемент, характеризующий объект описания с точки зрения чистоты души и тела (целомудренности): И воспитанъ бысть во благочестии и вѣрѣ Христовѣ и на игры никогдаже упражняся, но любляше смирение, и кротость, и тихость ко всѣмъ, безмятеж и цѣломудрие [Жит. Ир. Рост.: электронный ресурс]; Съй имѣшь жену прекрасну зраком, доброту безчислинну и муцу, врьтограду супртивна добротою, украшаше же жену целомудрие наипаче [Хрон. Конст. Манасс.: 286]; Бѣше же сестра сему Феодосию,

чистообразна и чиста житием, именем Пулхѣриа, добротою сияюще телеси доброобразнаго и совѣтецися се дарми внутренего благолѣпия, яже дѣвою соблюсти себе произволивши и чистотѣ некрадомо хранити сокровище, мужскаго отречеся всячески бѣсѣдованиа, чистому же радовашеся и красному житию, и теплоту являше на всяко благое дѣла [Хрон. Конст. Манасс.: 290] и т. п. Следует указать, что в этой группе дескриптивных словесных рядов содержится характеристика лиц женского пола, для которых чистота телесная по христианским канонам являлась важнейшей добродетелью.

Седьмую группу представляют словесные ряды, содержащие дескриптивный элемент, вербализующий значение ‘смелый, неустрашимый’. Подобные ряды используются, как правило, для характеристики знатных людей, прославившихся своими воинскими подвигами.

Например: Сабуровых же других, глаголемых Долгихъ, а воистину великих в мужестве и храбрости, и другихъ, Сарыхозиныхъ, всеродне погубити повелѣл [Ист. о вел. кн. Моск.: электронный ресурс]; И самодержецъ великъ показася, и страх его обдержаше вся языческия страны, и бысть велии премудръ и храбръ, и усердъ, и крѣпко силен тѣлом, и легокъ ногама, аки пардусъ, и подобен по всему дѣду своему, великому князю Иоанну [Казанск. ист.: 360]; Такоже и сынъ Игорев Свѣтослав, отецъ сего равноапостольнаго Владимира, велии бяше храбор и легок и совокупля избранныя воины многии храбрыи [Жит. царя и вел. кн. Владимира: электронный ресурс]; Якоже нѣкогда Давыдъ царь имяше у себе сильных муж тридесят и семь таковыи мужественны, яко меншему их могущу быти на сто мужей, вѣщшему же наипаче возможно, — и противу тысящи братися, тако и сей блаженный Владимир по благодати Божией имяше у себе, якоже вышереченно, мужи храбрыи, и удалы, и сильны [Жит. царя и вел. кн. Владимира: электронный ресурс]; Той же Ананиа мужествен бѣ: 16 языков нарочитых во осадѣ тогда сущии во град приведе, и никто же от сильных поляков и русских измѣнников

смгюще наступати нань, но издалече ловяще из оружиа убити [Сказ. Авр. Пал.: электронный ресурс] и т. п.

Восьмую группу представляют словесные ряды, содержащие дескриптивный элемент, вербализующий значение ‘правдивый’.

Например: *Нача княжити во него мгсто сынъ его Володимеръ, правдолюбьемъ святася ко всей своей братьи, и к бояромъ, и ко простымъ людемъ* [Гал.-Вол. лет.: 366]; *Преставися Пиньский князь Юрьи, сынъ Володимировъ, кроткий, смиренный, правдивый* [Гал.-Вол. лет.: 424]; *Яко сам онъ поведал ми, иже той языкъ лопский, которые просветгся с святымъ крещениемъ, людие згло просты и кротцы и отнюдь всякого лукавства неискусны, ко спасенному же пути тцаливы и охочи згло, яко последи множества от нихъ мнишеское житие возлюбиле за благодатию Христа нашего и за того священными учени, понеже, науча ихъ писанию и молитвы нгкоторые привель им от словеньска въ их языкъ* [Ист. о вел. кн. Моск.: электронный ресурс] и т. п.

К девятой группе мы относим словесные ряды, содержащие дескриптивный элемент, репрезентирующий описание строгого образа жизни, связанного с самоограничением, самоотвержением. Подобные ряды основаны на перечислении действий, которыми пренебрегает объект описания ради торжества духа над плотью. К таким действиям, как правило, относится отказ от пищи и воды, обет молчания, нестяжательство, отказ от новой и дорогой одежды и т. п.

Например: *И поча жити ту, моля Бога, яды хлгбъ сухой и того чересь день, и воды в мгру вкушая, и копая печеру, и не дадя собгъ покоя ни день, ни ношь, въ трудгхъ пребывая, въ бгдгни и въ молитвахъ <...> Первый Дггманъ прозвутерь, бгше постгникъ и въздержгник, яко разггге хлгба и воды ясти ему до смерти своей* [ПВЛ: 170, 202]; *И бг блаженный съ въздержганиемъ отъ многого пития, пгяньства же отинудъ ненавидя, ризы же по смирению любя, драгыхъ велми бггая и смирение присно имгга. На трапезы же и на пиры*

отинудь не исходя многихъ ради зазираний, яже бываютъ отъ мѣста избирающихъ, и инѣхъ ради многихъ, яже бываютъ отъ многаго ради пьянства и бѣды, и того ради сего убѣгааше [Жит. Авр. Смол.: 76 – 78]; Жестоко же постное житие живяше; бяху же добродѣтели его сице: алkanie, жадание, бдѣние, сухоядение, на земле легание, чистота телесная и душевнаа, устнама млѣчание, плотскаго хотѣннa извѣстное умрѣцвение, труднн телесннн, смирение нелицемѣрное, молитва непрестающаа, рассуждение доброразсудное, любовь совершенаа, худость ризная, память смертнаа, кротость с тихостию, страх Божий непрестанный [Жит. Серг. Рад.: 318]) и т. п.

В отдельных словесных рядах, составляющих десятую группу, содержится дескриптивный элемент, вербализующий значение ‘воздержание от употребления алкогольных напитков’. Например: *Ктому не токмо мнихов, но и самого епископа суждалского за сребролюбие и пьянство напоминает и обличает, понеже былъ мужъ не токмо в разумѣ и премудрости мног, но и от рождения своего чистъ и непорочень, ктому и трезвость во вся дни живота своего храняще* [Ист. о вел. кн. Моск.: электронный ресурс]; *Людем же многим позор дѣющим, инѣм же и скорбящим о таковѣй срамотѣ, понеже муж ея человекъ искусен бѣ и ненавидя пьянства, и злых ошаяся, якоже и встѣм нам знати его* [Пов. чудесах Казанск иконы: электронный ресурс].

Нередко для нравственной характеристики объекта описания в древнерусских письменных памятниках встречаются словесные ряды, включающие многокомпонентные дескриптивные элементы, содержащие всестороннюю характеристику объекта описания. Причѣм характеристика представителя светского сословия по лексическому наполнению отличается от характеристики представителя духовного сословия. Характеристика князя состоит из перечисления таких качеств, как благочестие, милосердие, кротость, правдолюбие, продвижение христианской религии, дипломатия.

Например: *Мы же паки возвратимся на предлежащее слово, к повести подвигнемъ разумы вперя, благочестиваго царя и великого князя Федора Ивановича всеа Русии по достоинству изрядныя добродетели похваляя. Бъ же убо сей крестоносный царь зело благочестив и милостив ко всемъ, кроток и незлобивъ, милосердъ, нищелюбив и странноприимецъ, наипаче же вдовица и сироты щадя и всех скорбных милуя и напастным помогая, повинныхъ же смерти на живот свобожая, и во всей своей богохранимой державе Росийского царства правду любя, злобы ненавидя, любовь имгя, лукавство жь разрушая и межусобныя брани, востающая во всем царствии его, своим царским смиренномудриемъ украшая, и вся пределы богохранимаго царства своего в мире и въ тишине и во всяцем благоденствии, и утвержая, и вся окрестныя страны невѣрных языкъ, востающая на благочестивую христианскую вѣру и на его богохранимую царскую державу, не бранным ополчениемъ, ниже остриемъ меча побѣждая, но всенощным бдением и непрестанными к Богу молитвами сих до конца низлагая [Пов. о жит. Фед. Иванов.: электронный ресурс];).*

Характеристика духовного лица состоит из перечисления таких качеств, как терпение, нестяжательство, аскетизм.

Например: *И бысть у самодержца, царя и великого князя Василия, и у святейшаго патриарха Гермогена, благословение прием, бысть в Троицком Сергиеве монастырь во архимаритехъ дватцать три лѣта и три мѣсеца, подвизаяся о спасении стада словесных овецъ, паствы своея; в молитвах и пощениихъ крѣпокъ бысть, ко братии же благоувѣтливъ и к досажаящим терпеливъ, и к странным любителен, к нищим подателенъ, нелюбительному имгню, нестяжатель сребру и злату, ни власти желая поступити на большая, во всемъ послѣдуя благому обычаю самого преподобнаго чудотворца Сергия, тщася усердно по стопам его ходити, егоже исперва возлюби, именемъ его от бѣд избавлятися [Жит. Дионис.: электронный ресурс] и т. п.*

Отдельные словесные ряды содержат дескриптивный элемент, наряду с дескриптивным значением вербализующий пейоративную оценку, связанную с неприятием отдельных недостатков объекта описания, связанных с нарушением кодекса поведения или с пренебрежением общественными ценностями. К подобным недостаткам относятся лукавство, лживость, человеконенавистничество, лесть, богохульство, греховность, прелюбодейство, гордость, злость, жестокость, трусость, лень, пьянство, наглость, дерзость.

Например: *Бѣ бо лукавый лѣстѣць нареченъ, и всихъ стропотливее, и ложь пламянь, всеименитый отцемь добрымь. Убожѣство возбраняше злобу его, лѣжею питаешся языкъ его, но мудростию возложаше вѣру на лжюу, красяшся лѣстью паче вѣнца, лжеименѣць, зане прелѣщаше не токмо чюужихъ, но и своихъ возлюбленых, имения ради ложь* [Гал.-Вол. лет.: 262]; *Се же великъ мужь бѣаше у цѣсаря, бѣаше же грѣшенъ человекъ и лють велми въ своемь жити. По всему бѣаше же блудникъ и прѣлюбодѣи и съ отроки лѣгаше, лѣстивъ и немилосердъ, буи и гордъ и сребролюбець, и лживъ и человеконенавистникъ, памятивъ злу и мѣздоимецъ, и ротникъ, убогую свою челядь моря гладомъ и ранами, и наготою, бес портъ и безъ обуви оставля ихъ въ дни зимныя, многы жь обоимъ убивъ и подъ коньскыи помостъ покопалъ. Такъ же бѣаше на скарѣдое и огнемь пожьжено мужелѣганье отроцие и скопѣче и Богомъ ненавидиму похоть, яко осквернилъ естъ до триста душъ мерзкымъ симъ и скарѣдымъ грѣхымъ [Жит. Андр. Юрод.: электронный ресурс]; *Другий же нѣкто велможя у Александра бѣ, емуже имя Александръ, страшлив же сий бѣаше велми, и всякого боящся и из бою утекаше* [Алекс.: 158]; *Скопецъ же бѣ Хрисафие, нечестив, злообычаен, лукавен и убийца и мръзок нравы; егоже злобу послѣжде яко увѣдѣ самодрѣжць, опленив проклятого и нища сотворив, и во изгнание лютое послав осуждена* [Хрон. Конст. Манасс.: 296]; *Бяху же ему единокровницы и от тѣхжде стѣмян, сиречь братиа, мужие злонрави нѣции, люти и хищници, мужие сластолюбиви, скѣтни, и злооблични, паче же и свиножителни, и говядопасци, говядаре,**

мужие овчаре, живуци въ безумии и церовгъмь плодом пекущесе и дубовымъ желудемъ [Хрон. Конст. Манасс.: 308 – 310]; *Таковъ конецъ житию преподобныхъ онгъхъ триехъ инокъ, и таково им възмездие о подвизгъхъ яже за благочестие от непреподобнгийшаго ихъ папы — Александръ тогда бгъ, Александръ, иже от Испании, иже всякымъ неправдованиемъ и злобою превзыде всякого законопреступника* [Соч. Макс. Грека: 488]; *Ис тгъхъ же единъ бгъ нгкто от приставникъ, воинъ полка царева, родомъ Колужска града, именемъ Юрьи Булгаковъ, лют сый и неправедень, яко и во отечествии своемъ сожитствующихъ ему сосгд насильствоваше и грабляше, и озлобляше, и землю у нихъ отводяше, и ко своей земли прилагаше* [Казанск. ист.: 496]; *Он же, предреченный Василий, великий, паче же в прегордостии и в лютости, князь, не токмо ихъ не послушал, такъ великихъ и нарочитыхъ мужей, но онаго блаженнаго Васьяна, по плоти сродника своего, изымав, заточити повелгъл, и связана святаго мужа, аки злодгья, в прегорчайшую темницу, к подобнымъ к себгъ, в злости презлыхъ осифлянном, в монастырь ихъ отослал и скорою смертию уморити повелгъл* [Ист. о вел. кн. Моск.: электронный ресурс]; *Бгъ же у него мирянин нгкий, служай тогда в монастыри том, весма лгнивъ к послушанию, много пререкованна творя старцю, заеже многа дгъла старцю начинающу* [От жит. преп. Савв.: электронный ресурс]; *Присланъ бысть от патриарха Ермогена игумен Симеон лют, и немилостивъ, свиргпгъ, и пьянчивъ, и невоздержателень на добро* [Жит. Ир. Рост.: электронный ресурс]; *По начинанию бо и конецъ его, понеже таковъ бгъ напрасень и наглъ, вкупе же и дерзь, яко Июда* [Из «Временника»: электронный ресурс] и т. п.

3.2.2. Интеллектуальная характеристика объекта описания

Под интеллектуальной характеристикой объекта описания мы понимаем словесное изображение свойств, качеств, признаков, относящихся к мыслительной деятельности объекта описания. В зависимости от лексического

выражения дескриптивного элемента интеллектуальные словесные ряды можно разделить на четыре группы.

Первую группу представляют словесные ряды, содержащие дескриптивный элемент, выраженный качественным именем прилагательным *мудрый*, характеризующим объект описания как обладающего глубоким умом, опирающимся на жизненный опыт. Чаще всего мудрым называют человека, достигшего определённого возраста или прославившегося какими-то конкретными делами, имеющими большое значение для развития общества и укрепления государства (принятие христианства и распространение его, строительство церквей, содействие в написании и распространении книг и т. п.).

Например: *И та бѣ мудра зѣло* [Суды Сол.: 74]; *Отвѣщавѣша же боярѣ и рѣша: «Аще лихъ бы законъ грѣчкый, то не бы баба твоя Ольга прияла крещеня, яже бѣ мудрѣйшии всехъ человекѣхъ* [ПВЛ: 124]; *Чи зримъ иже при нашихъ полцѣхъ тѣхъ мало, Ростиславля племени, да князи мудри суть, и рядни, и хоробри, а мужи ихъ, новгородци и смолняне, дерзѣки суть к боеви* [Пов. о бит. на Лип.: 118]; *По времени же въ оной обители бывшу игумену Александру, ученику предпомянутаго игумена Савы, мужу добродѣтелну, мудру, изрядну зѣло, и такоже и другому старцу его, именемъ Андрѣю, иконописцу преизрядну всѣхъ превѣсходящу въ мудрости зѣлнѣ, и стѣдины чѣстны имѣя, и прочии мнози* [Жит. Серг. Рад.: 380]; *И рече: «Вси бо суть единосерди, и мудрии, и любимии, и храбрии безъ конца суть, войско бо сии имѣюще непоколебимо» <...> И сию яко рабу собѣ приими; аще угодно ти есть, жену собѣ поими, красна бо есть и мудра велми и благородну родителю есть дщи <...> Ото утра до ноци доплыв, и люди тамо изнаиде грѣческими глаголющихъ языки, мудри же вси и красни зело, нази же вси* [Алекс.: 86, 94, 102-104]; *Се же бысть изволѣниемъ Божиимъ на конѣчную погибѣль граду, понѣже полое оно мѣсто онъ храняше великою силою и мужествомъ, храбрѣ бо бѣ, и мудрѣ, и ратному дѣлу преискушен* [Пов. о взят. Царьгр.: 252]; *И побѣжавѣ царь Сат-Кирей в Нагаи, и за Яикѣ, и*

присвоися тамо, прибѣжавъ къ заяицкому князю Исуну, и дщерь у него взя, красну велми и мудру [Казанск. ист.: 372]; *Оба сиа мужа добра и мудра быста и равна суца мудрованием* [Сл. о жит. св. Стеф.: электронный ресурс]; *Он же възрѣвъ на нь, и видѣ измѣнена лицемъ, и поразумѣ, понеже тѣй мудръ бѣ и искусень от многолѣтнаго чернечества и добраго жития* [Жит. Зос. и Савв. Солов.: электронный ресурс] и т. п.

Во вторую группу включены словесные ряды, содержащие дескриптивный элемент, вербализирующий значение ‘способный мыслить, толковый, рассудительный человек’.

Например: *Пришедишу бо ему ко Кракову, и рад бысть ему Болеславъ, и Кондратъ и Локотко, акы отцю своему, зане бысть Левъ князь думень и хороборъ и крѣпокъ на рати, не мало бо показа мужьство свое во многихъ ратѣхъ* [Гал.-Вол. лет.: 422]; *Василко бо бѣ возрастомъ середний, умомъ великъ и дерзостью, иже иногда многожды побѣжаше поганые, или иногда многожды посылающима има на поганья* [Гал.-Вол. лет.: 306]; *Красень бѣ взоромъ и чистъ душею, свѣршень разумом* [Слово о жит. Дм. Ив.: 222]; *Умершу Иверьскому властодержавцу Александру Мелеку и не имѣюще дѣтища мужеска полу, но едина дщерь остана 15 лѣтъ, зело разумна и мужественна, и не посягну присовокупитися мужеву, и предаде ей отецъ ея властодержавство свое* [Пов. о Динаре: 38]; *Сей же реченный Гегименикъ бѣ мужъ храбръ зѣло и велика разума, начятъ брати дани на людех и съкровища изыскивати и обогатися зѣло* [Сказ. о кн. влад.: 432]; *Той бо Олгердъ вина не пиаше и велик разум имяше, земля и княженъа притяжа к себѣ многи и удержа велию власть* [Сказ. о кн. влад.: 432]; *И избра десят мужей своих велия разумы исполнены, и посла их во вся земли тѣя, и повелѣ им встѣм тѣхъ вѣр своима очима видѣти* [Жит. велик. кн. Ольги: электронный ресурс]; *И смотрит, гдѣ бы обрѣлъ мужа свѣршена разумом на устройство таковоу дѣлу, и не обрѣте близъ себе таковоу начинанию, аще и многолюден сы* [Жит. Ферап. Белозерск.:

электронный ресурс]; *Аще же и хромоног бяше, но благоразумным велемудрием преудобрен* [О вел. кн. Георгии-Ярославе: электронный ресурс] и т. п.

Словесные ряды третьей группы содержат дескриптивный элемент, выраженный именем прилагательным *книжный* или именем существительным *философ*, характеризующими объект описания как человека, имеющего разносторонние знания, полученные в ходе чтения книг.

Например: *И пригоди ми Богъ налъсти в лавръ мужа свята и стара деньми, и книжна вельми* [Хожд. игум. Дан.: 26]; *И то ти послахомъ того, ему же ся Богъ яви — мужа чьстьна и благовѣрна, книжна зѣло и философа* [Жит. Конст.-Кир.: электронный ресурс]; *Биаше во Афинѣхъ нѣкто муж, Леонтие нарицаем, въ конец достиг всякие философии, и словесным, и естъствные, и звездочѣтные* [Хрон. Конст. Манасс.: 290]; *И вси они исплънени всякыя философии и разума Богодухновеных писаний, числом тысяща есть, егда и паче тысящи, и сихъ всѣхъ питаеть град, вън же събираются, въ елико время живут в нем* [Соч. Макс. Грека: 472]; *Царство царици Динары. Первѣе — показа любовь ко властодержавцем своимъ, и милость к народомъ, и праведный суд. И паче всего имѣаше прилежание к Божественому Писанию и о преднихъ царѣхъ и властодержавцехъ, како бѣ пребывание в нихъ и временное прехождение, и от того навиче воиньской храбрости. Якоже пчела събираеть от цвѣтов медъ, тако и сиа Динара от памятных книгъ. И со многою кротостию правяще державу свою, и попечение велие имяше о своем властодержавѣствѣ. Яко добрый кормъчий преплавати корабль чрез морскую пучину, и госпожа же сиа печашеся, како бы ей быти в тихости* [Пов. о Динаре: 38]; *Понеже егда живях на Москвѣ, идѣ же бяше тамо муж он живой, преславный мудрокъ, зѣло философ хитръ, Феофан, гречин, книги изограф нарочитый и живописецъ изящный во иконописцѣхъ, иже многи различные множае четверодесятчисленныхъ церквей каменных своего подписал рукою, яже по градом елико в Константинѣ градѣ и в Халкидонѣ, и в Галафѣ*

и в Кафъ, и в Велицѣм Новѣгородѣ и в Нижнемъ [Письмо Елиф. Премудр.: 444]; и т. п.

Как образованного человека характеризуют объект описания словесные ряды, содержащие дескриптивный элемент, вербализующий значение ‘умеющий толковать Священное писание’.

Например: *Тогда же растреляти с ручницъ повелѣлъ жену брата своего Евдокию, княжну Одоевскую, такоже воистину святую и зело кроткую, и Священныхъ Писаней искусную, и пѣния божественного всего навькшую, и дву младенцов, сыновъ брата своего, от тое святыя рожденных: единому было имя Василий, аки в десяти лѣтах, а други мнѣйши* [Ист. о вел. кн. Моск.: электронный ресурс]; *И сий убо славноименитый, иже въ Христа благочестивый, и благородный, и Богомъ вѣнчанный, самодержавный и Богомъ възлюбленный и великий князь Борисъ Александровичъ но всея державы тѣрѣвскыя и еще сый из млада и добръ наказанъ бысть родители страху Божию, и Святая Писания добръ вѣдый, и имже на всякъ день поучашеся и праотеческымъ тѣцаниемъ путемъ шествовати* [Ин. Фомы сл.: 286]; *Въ всечестномъ убо градѣ семъ бысть нѣкый мужъ, много въ всякой премудрости вѣнчанный, и еже по нас священномъ богословии учитель велик, и прѣвый сущих тамо сказателей, егоже имя не познах ниже бо слышах когда у кого* [Соч. Макс. Грека: 468]; *Аз же повѣдах ему все подробну, и начах молити его о изложении жития преподобных; и показах ему свое грубое писание, понеже бѣ муж мудръ, измлада извыче и добръ умѣя Божественая Писания — Новая и Ветхая* [Жит. Зос. и Савв. Солов.: электронный ресурс] и т. п.

Четвёртую группу представляют словесные ряды, содержащие дескриптивный элемент, вербализующий значение ‘обладающий даром красноречия’.

Например: *Но и тая бо вся благая дѣла его и нынѣ добръ зрят, и вѣдят мнози о нѣмъ, каков же в премудрости словесней бѣ, и того никто жь не помыслитъ о немъ, ни во ум никто не прииметъ, каково попечение имѣя не*

токмо о святѣй обители своей, в нейже сия творя, но и о велицем царствующемъ граде Москвѣ великъ подвигъ имѣя, о избавлении града моляся [Жит. Дионис.: электронный ресурс]; Бысть в то время мнихъ етеръ премудръ о божественныхъ, житиимъ и словомъ украшенъ <...> Варламъ бѣ имя сему старцю [Пов. Варл. Иоас.: 197]; И потомъ царь Филипъ призвавъ великаго Аристотеля, мужа искусна и украшенна всякою философскою хитростию и словом и дѣломъ: «Сего отрока, даннаго мнѣ от Бога, возьмъ, научи Омировымъ писменомъ и прочимъ словеснымъ хитростемъ» [Александрия: 30]; Бѣ же сей Иванъ хитръ муж книгамъ и ученья, милостивъ ко убогимъ и вдовицамъ, ласковъ и къ богату и убогу, смиренъ, кротокъ и молчаливъ, и речистъ, книгами святыми утѣшая печальныя [Жит. Исайи: электронный ресурс]; Всѣмъ бо им уста загражаше и противу глаголющая обличаше, и въпреки глаголющимъ запрещаше дивный сей мужъ, чудный дидаскаль, исполнь мудрости и разума, иже бѣ измлада научился всей внѣшней философии и книжней мудрости и грамотичней хитрости, ктому же еще добраго ради исповѣдания и чуднаго ради наказания его, изряднаго ради учения его дасться ему даръ благодатный и слово разума и мудрости [Сл. о жит. св. Стеф.: электронный ресурс] и т. п.

Нередко для характеристики объекта описания в древнерусских письменных памятниках встречаются словесные ряды, содержащие многокомпонентный дескриптивный элемент, вербализующий сразу несколько значений, например, ‘обладающий глубоким умом, опирающимся на жизненный опыт’, ‘способный мыслить, толковый, рассудительный человек’, ‘обладающий глубоким умом, опирающимся на жизненный опыт’, ‘имеющий разносторонние знания, полученные в ходе чтения книг’, или вербализующий сразу все четыре значения. Приведём примеры подобных словесных рядов: *Они же рекоша к нему: «Лѣта есть нынѣ тридесятнаго, ум же многолѣтень в немъ есть, красен же и храбръ есть зело и судитъ право, мудрость же его по листомъ познай, царю, войска же с нимъ видѣхомъ пятсотъ тысяч. Премудрый же Соломан в книгахъ своихъ пишет: “Посмеяния устъ и*

поглядание очию, поступанию ногамъ возвещаетъ еже о мужи”» [Алекс.: 64]; На обѣдѣхъ съдѣаше агаряне, мудра чадъ и книжнаа, учена многи мудрости и астрономии и прочимъ учениемъ, искушающее его, въпрашааху, глаголющее: «Видиши ли, философе, дивно чудо, како Божии пророкъ Махметъ принесъ намъ благу вѣсть от Бога, обрати многи люди. И вси держимся по законъ и ничьсоже преступающее. А вы, Христовъ законъ держащее, вашего пророка, овъ сице, овъ инако, якоже есть годъ комуждо васъ, тако держите и творите» [Жит. Конст.-Кир.: электронный ресурс]; При Аминфе, царе макидонстем, был еллинский философ Аристотель премудрый, учитель Александра, царя макидонскаго. Ученик же бѣ Платона, философа еллинскаго; иже всѣхъ превзыде в научении платонскихъ учениковъ премудростию, и разумом, и всякими философскими и риторьскими учении и наказании. Любим же бѣ и знаем Аминфием царем для премудрости и разума его [Сказ. об Аристот.: 592]; Еще же к тому имат благодать, вданую ему от Бога, и учительства даръ, еже стяжа, и талантъ, порученый ему, и слово премудрости и разума. Но и грамоты розныа умѣет, и языки инѣми возглаголетъ к людем, и чювьствию душевными и телесными благопотребенъ есть [Сл. о жит. св. Стеф.: электронный ресурс]; Архиепископъ же позна святость старчю, яко премудростию духовною и разумом и словомъ украшенъ, възлюбил его велми, послѣди же и священъству сподобити его хотя, аще тому и не хотящу, нещеваниемъ яко да держитъ его у себе [Жит. Корн. Ком.: электронный ресурс]; Но елма же убо обретаю в Ветсѣмъ Заветѣ слово оно, глаголемо: „Обрѣтох Давыда, сына Иессѣева, мужа по сердцу моему”, сице и аз нынѣ обретох того самого Стефана, мужа добра, мудра, разумна, смыслена, умна суца и хитра, и всячески добродѣтелми украшена, и таковаго дара достойна бывша, еже при мнозѣхъ и во мнозѣхъ в нынешнее время досужна бывша [Сл. о жит. св. Стеф.: электронный ресурс] и т. п.

Отдельные словесные ряды содержат дескриптивный элемент, вербализующий значение ‘неграмотный, необразованный, неначитанный

человек'. Следует указать, что в подобных рядах представлен многокомпонентный дескриптивный элемент, наряду с интеллектуальной характеристикой репрезентирующий такие качества объекта описания, как ум или высокая нравственность, а потому не являющийся экспликатором пейоративной оценки.

Например: *Аще бѣ святыи и не хытръ грамотъ, но душевную доброту и умъ здравъ стяжа, якоже и отецъ нашъ Великий Антоние рече: «Не требуетъ книгъ душа человека, аще имать умъ здравъ»* [Жит. Ферап. Белозерск.: электронный ресурс]; *Сицевая же зря царь Борис, иже вознесся отъ магистрьскаго чину, владыко самодержавецъ поставися, якоже нѣкогда и Василий Македонский; аще и ненаучен сый Писаниемъ и вещемъ книжнымъ, но природное свойство целоносно имѣя* [Хворостинин И. А.: электронный ресурс] и т. п.

В следующих словесных рядах содержится дескриптивный элемент, являющийся экспликатором пейоративной оценки интеллектуального уровня объекта описания: *Он же презре словесъ силу, глаголемыхъ Богомъ, ли не разумъ, отнюдь бо бѣ симъ не искусенъ сы, от рожения бо до конца буквеныхъ стезь учени не стрывая* [Из «Временника»: электронный ресурс]; *Другий же сынъ его, Георгий, не таковъ, но простъ сый и несмысленъ, на все доброе нестроенъ* [Казанск. ист.: 358]; *Единаже вы зрю, без разума есте, слаби же и груби зило, и страшиви, и маловѣри* [Сл. о жит. св. Стеф.: электронный ресурс]; *Вы младоумни есте и скудѣствомъ смысла ходяще* [Сл. о жит. св. Стеф.: электронный ресурс].

Следует подчеркнуть, что интеллектуальная характеристика нередко представлена в словесных рядах наряду с морально-этической характеристикой объекта описания, что подчёркивает неотделимость высокого интеллекта от высокой духовности человека.

3.2.3. Характеристика практической деятельности объекта описания

Под характеристикой практической деятельности объекта описания мы понимаем словесное изображение свойств, качеств, признаков, относящихся к деятельности объекта описания, направленной на порождение материальных или духовных ценностей. В зависимости от лексического выражения дескриптивного элемента словесные ряды, содержащие описание практической деятельности, можно разделить на три группы.

Первую группу представляют словесные ряды, содержащие указание на род занятий объекта описания. Как правило, в большинстве словесных рядов, репрезентированных в этой группе, дескриптивный элемент содержит имя существительное, обозначающее род деятельности объекта описания.

Например: *И роди Адамъ Каина и Авеля, и бѣ Каинъ ратай, а Авѣль пастухъ* [ПВЛ: 104]; *Асклипия же въводятъ бога суца и врача, и строителя былиемъ, и помазателя пици ради, проситель бо бѣ, послѣдъ же поражену ему быти Диемъ Дара ради Лакодемонова сына и умрети* [По. Варл. Иоас.: 218]; *Еже Скомондъ и Боруть зла воиника, иже убьена быста посланиемъ. Скомондъ бо бѣ волхвъ и кобникъ нарочитъ, борзь же бѣ, яко и звѣрь, пѣшь бо ходя повоева землю Пиньскую, иныи страны, и убьенъ бысть нечестивый, и глава его взотъчена бысть на коль* [Гал.-Вол. лет.: 306]; *Яковъ, родомъ полочанинъ, ловчий бѣ у князя* [Жит. Ал. Невск.: 430]; *Сиа слышавъ единъ от них нѣкто человекъ, христианинъ, поселянинъ, чином орачь, земледѣлецъ, живый на селѣ своем, орый плугом своим и от своего труда питаася, пребываше от далече суцих мѣсть, иже от многа желаниа и слышаниа въсхотѣ видѣти его* [Жит. Серг. Рад.: 352]; *Прилучи же ся в то время старецъ Кирилова монастыря, ему же имя Дионисие, художествомъ часовникъ* [Расск. о смерти Пафн. Бор.: 482]; *Потом, аки по двухъ лѣтехъ, убилъ трех великородныхъ мужей: одинаго ближняго сродника своего, рожденнаго с сестры отца его, князя Иоанна Кубенского, яже был у отца его великимъ земским морщалкомъ* [Ист. о вел. кн. Моск.: электронный ресурс]; *Бѣ же*

нѣкто муж, живый за озеромъ от монастыря того яко бы версть 40, в мѣсте Соломенском тако нарицаемъ, именемъ Феодор, скуделникъ сый хитростию, бѣ же человекъ той благочестивъ, съ боязнию Божию живый [Сказ. Валаам. мон.: электронный ресурс] и т. п.

В отдельных словесных рядах указание на род занятий объекта описания осуществляется через обозначение действия, необходимого для выполнения того или иного вида работы.

Например: *Бяше бо Левкодушъ конюшей бояринъ у Александра царя, Врионуи же чашу подаваше Александру царю* [Алекс.: 164]; *Бысть, рече, юноша нѣкий среброкузнец, лѣтъ 20 или мало вѣще, псковитинъ родом, имя ему бяше Стефанъ; отца благочестива именемъ Феодора Клѣщева зовома, таже ему ремества и купованя имуща* [Жит. Март. Белозерск.: электронный ресурс].

Вторую группу представляют словесные ряды, содержащие дескриптивный элемент, вербализующий значение ‘обладающий определённым даром, навыками и умениями, необходимыми для осуществления определённого вида деятельности’.

Например: *Бѣ же и другой братъ, именемъ Матфѣй, той бѣ прозорливъ* [ПВЛ: 202]; *Въ то же время во святаго Георгия монастыри бѣ нѣкий человекъ яко уродъ ся творя, прозорлива же дара имѣа от Бога благодать* [Пов. о пут. Иоан. Новгор.: 460]; *Нектанавъ, царь египетскый, волиебною хитростию и звездочетию египетскимъ украшенъ зело* [Алекс.: 24]; *Игумен же зря его прозрачныма очима, яко муж бѣ благъ и пророческаго дара исполнь, проразумъ будущее* [Жит. Арс. Кон.: электронный ресурс]; *Бѣ же тогда в монастыри на Коневцы брат духовень и прозорливъ* [Жит. Арс. Кон.: электронный ресурс]; *Головицик бѣ Логинъ именемъ; и сей же Логинъ, имѣа от Бога дарование излише наче человекъча естества, красен бо ему глас и свѣтел бяше и гремящ вельми, яко во дни его мало таковыи обретахуся подобни ему; в хитрости пѣния и чтения первый бяше* [Жит. Дионис.: электронный ресурс];

Похвалю же мало время предобраго воеводу и всѣми любимаго князя Симиона. Таковъ бо обычай имѣ: умомъ весель всегда и свѣтел лицом, и радостень очима, и тих, и кроток, и не имѣя гнѣва ни на кого же своих воин, но на противныя ему ратныя, и силенъ в мужествѣ, и славен в побѣдах, и в скорбѣхъ терпѣливъ, и научень мѣтати копием и укрыватися от стреляния, и на обѣ руки стрѣляти в примѣту, и не погрѣшити [Казанск. ист.: 384].

В третью группу включены словесные ряды, содержащие дескриптивный элемент, вербализирующий значение ‘обладающий мастерством, большим умением в каком-либо роде деятельности’. Следует указать, что дескриптивный элемент в словесных рядах третьей группы выражается сочетанием кратких прилагательных, имеющих значение ‘умелый’ (*хытръ, искусень, преискушен, гораздъ*) с зависимыми словами, номинирующими область применения умений.

Например: *И се пакы тѣ же чърньць Иларионъ съповѣда ми. Бяше бо и книгамъ хытръ писати, сий по вся дѣни и ноци писааше книги въ келии у блаженааго отъца нашего Феодосия [Жит. Феод. Печ.: 348]; Воеваша же иноплеменници ти на Римъ и отъяша многу страну. Многу же печаль имѣ о томъ царь, и помяну Плакиду, зане бѣ доблий храборъ [Сказ. Евст. Плак.: 234]; Пахомию тогда попу сербину, от Святыя Горы пришелцу живуцу у него, книжнымъ слогнямъ искусну [Пов. об Ионе: 362]; И бысть грѣком плач и ужасъ велиа о Рахкавѣе, понеже ратникъ бѣ велий и мужествѣн и цесарю любим [Пов. о взят. Царьгр.: 238]; Се же бысть изволѣнием Божиим на конѣчную погибѣль граду, понеже полое оно мѣсто он храняше великою силою и мужеством, храбръ бо бѣ, и мудръ, и ратному дѣлу преискушен [Пов. о взят. Царьгр.: 252]; Но князь же великий Борисъ Александровичъ всякия хитрости навѣкъ, якоже инѣ никтоже: задалную хитрость, и еже църкви Божиимъ многы създаша; зижителную, еже преже всего запустѣвшиа грады созидаше; дѣятелную, еже села и веси добръ строяше, понеже чловѣческая вся от Бога строима есть [Ин. Фомы сл.: 286]; Сей же прелести бывши, видевъ подобну жену Нектанавъ, лестно бо есть ко всякому падению превращати жены*

[Алекс.: 28]; *Въ 7 же лѣто по взятии казанскомъ, мужественне воевав на ливонския нѣмцы, и смертную язву оттуду на вые своей принесе, и скончася на Москвѣ въ 50 же лѣто вѣка своего, не достигъ совершенныя старости, оставив самодержцу печаль велику и вѣмъ воеводам на многи дни, понеже ратникъ бѣ велий и мужественнѣ зѣло [Казанск. ист.: 492 – 494]; По времени же, веснѣ приходящи, прииде Герман старецъ с бѣга морьскаго, и с ним муж Марко именем, бѣ бо съи хитръ на рыбную ловитву, имыи с собою морскаго рыбаго запасу много и иныя запасы, яже бѣ на потребу монастырю; бѣ бо муж на то строен [Жит. Зос. и Савв. Солов.: электронный ресурс] и т. п.*

Четвёртую группу представляют словесные ряды двух типов.

Словесные ряды первого типа представляют собой вербативные единства, репрезентирующие описание заслуг объекта описания, как правило, занимающего важное общественное положение, через перечисление его действий.

Например: *Князь же Володимеръ въ княжении своемъ многы города зруби по отци своем. Зруби Берестий, и за Берестиемъ зруби город на пустом мѣстѣ, нарицаемѣмъ Лѣстнѣ, и нарече имя ему Каменецъ, зане бысть камена земля. Създа же въ немъ столпъ камень высотой 17 саженей, подобенъ удивлению вѣмъ зрящимъ на нь. И церковь постави Благовѣщенія святыя Богородица, и украси ю иконами златыми, и съсуды скова служебныя сребрены, и Еуаглие опракос оковано серебромъ, Апостоль опракосъ, и Парамья, и Съборникъ отца своего туто же положи, и крестъ въздвизалный положи. Такожже и у Бѣлску поустрои церковь иконами и книгами. У Володимери же списа святаго Дмитрея всего и съсуды служебныя сребряныя скова, и икону пресвятыя Богородица окова серебромъ с камениемъ дорогымъ, и завѣсы золотомъ шиты, а другыя оксамитныя съ дробницею, и вѣми узорочии украси ю. У епископѣи же у святоа Богородица образъ Спаса велика окова серебромъ, Еуаглие списавъ и окова серебромъ и да святой Богородици, и апостоль списа опракосъ, святой Богородици да, и съсуды служебныя жъжженого золота съ камениемъ*

драгым Богородици же да. Образ Спасовъ, окованъ золотомъ съ драгымъ каменемъ, постави у святоа Богородица въ память събѣ. Въ манастирь въ свой Апостолы да Еуаглие опракос и Апостоль, самъ списавъ, и Съборникъ великый отца своего туто же положи, и крестъ въздвизалный и молитвеникъ да. Въ епископью перемышльскую да Еуаглие опракос, окованно сребромъ съ женчюгомъ, самъ же съписалъ бѣше. А до Чернѣгова пославъ въ епископью Еуаглие опракос золотомъ писано, а окованно сребромъ съ женчюгомъ, и среди его Спаса с фиништомъ. Въ Луцкую епископью да крестъ велик сребрян позлотистъ съ честнымъ дровомъ. Създа же и церкви многы. В Любомли же постави церковь каменну святаго и великого мученика Христова Георгия, украси ю иконами коваными, и съсуды служебныя сребряны скова, и платци оксамитны шиты золотомъ съ женчюгомъ, херувими и серафими, и иньдитья золотомъ шита вся, а другаа паволокы бѣлчатое, а в малую олтару обѣ иньдитьи, бѣлчатое же паволокы, Еуаглие списа опракос, окова е все золотомъ и каменемъ дорогымъ съ женчюгомъ, и деисус на немъ скован от злата, цѣты великы съ фиништомъ, чудно видениемъ, а другое Еуаглие опракос же волочено оловиромъ, и цѣту възложи на не с фиништомъ, а на ней святаа мученика Глѣбъ и Борисъ. Апостоль опракос, Прологы списа 12 мѣсяца, изложено житиа святыхъ отецъ, и дѣяния святыхъ мученикъ, како вѣнчашася своею крѣвию за Христа, и мѣнеи 12 списа, и триоди, и охтай, и ермолю. Списа же и служебникъ святому Георгию, и молитвы вечернии и утрѣнии списа особь молитвеника. Молитвеникъ же купил в протопопиное и да на немъ 8 гривен кун, и да святому Георгию, кадилници двѣ, одина сребрена, а другаа мѣденаа, и крестъ въздвизалный да святому Георгию, икону же списа на золотъ намѣстную святого Георгия и гривну златую възложи на нь съ женчюгомъ, и святую Богородицю списа на золотъ же намѣстную, и възложи на ню монисто золото с каменемъ дорогымъ, и двери солиа мѣдяныя, почаль же бѣше писати ю и списа всѣ три олтарѣ, и шия вся съписана бысть, но не скончана, заиде бо и болестъ. Полиа же и колоколы дивны слышаниемъ, такихъ же не бысть въ всей

земли. В Берестии же създа стлпъ камень, выотою, яко и Каменецкый. Постави же и церковь святого Петра, и Евангелие да опракос оковано серебром, и служебные съсуды скованы серебряны, и кадилница серебряна, и крестъ въздвизалный туто положи. И инаа многаа добродѣяния съдѣа въ животъ своем, яже словут по вѣм землям (Галицко-Волынская летопись); Многу же и свѣтлу о немъ добродѣянию всюду обносится и вѣм и любимъ и желаемъ, слышащим и видящим сладокъ, кротокъ бо и смиренъ по многу добродѣиственъ ко вѣм [Пов. об Ионе: 360] и т. п.

Дескриптивный элемент в подобных словесных рядах выражается при помощи сочетания слов, состоящего из глагола и имени существительного, номинирующего предмет, на преобразование которого направлено действие. Чаще всего, в таких дескриптивных единствах говорится о строительстве и украшении церкви (*церковь постави Благовѣщениа свята Богородица, и украси ю иконами златыми, и съсуды скова служебныа серебряны; у Бѣлску построи церковь иконами и книгами*), о создании городов и сельских поселений (*многы города зруби по отци своем; зруби Берестий, и за Берестиемъ зруби город на пустом мѣстѣ, нарицаемѣмъ Лѣстнѣ, и нарече имя ему Каменецъ*), о написании книг (*Еуглие списа, Прологы списа*), а также о других действиях, направленных на распространение христианской религии, укреплении государственности и развитие общества.

Словесные ряды второго типа представляют собой вербативные дескриптивные единства, репрезентирующие описание духовного лица через перечисление действий, показывающих трудовую деятельность духовного лица, направленную на утверждение превосходства духа над плотью. Как правило, действия, приписываемые объекту описания, в дескриптивных единствах данного типа имеют постоянный характер (совершающиеся всегда, постоянно).

Например: *Отць же нашъ Феодосий сѣмѣренѣмъ сѣмыслѣмъ и послушаниемъ вся преспѣваше, трудѣмъ и подвижаниемъ и дѣлѣмъ*

телесными, бже бо и тгльмь бжгь и кргпкь и съ поспшьствмь встмь служаше, и воду нося и дрва из лса на свою плещю, бжда же по вся ноци въ славословении Божии. И братии же на опочители суце, блаженный же възмь раздгленое жито и кождо часть измьль и поставляше на своемь мгстгь. Другоици же, оваду суцу многу и комаромь, въ ноци излгзъ надъ пещеру и, обнаживъ тгло свое до пояса, сядяше, прядый вьлну на съплетение копытцемь и псалтырь же Давидову поя. Отъ множества же овада и комара все тгло его покрвено будяше, и ядяху плть его о немь, пиюще кровь его. Отець же нашъ пребываше неподвижимь, ни вьстая от мгста того, дондеже годъ будяше утрный, и тако преже встгхь обргташеша въ цркви. И ставъ на своемь мгстгь непоступнь сы, ни мятыйся умьмь, божьствное славословие съвршаше, ти тако пакы и-цркви послгже встгхь излажааше. И сего ради вьси любляхути и згло и яко отьца имяхути и, згло дивящеша смгреню его и покореню [Жит. Феод. Печ.: 330-332] и т. п.

3.2.4. Характеристика географических объектов

Под характеристикой географического объекта описания мы понимаем словесное изображение свойств, качеств, раскрывающих внутренние стороны объекта описания, как правило, основанные не на экстероцептивных ощущениях, а на способности субъекта мыслить абстрактно. Как правило, для характеристики используются некие экономические показатели, свойства объектов, которые не воспринимаются органами чувств.

В древнерусских письменных памятниках представлены словесные ряды, в которых дескриптивный элемент является репрезентантом характеристики природных объектов (в основном гидрографической характеристики) и характеристики антропогенных объектов.

Гидрографическая характеристика объекта описания представлена словесными рядами, вербализующими частные свойства водных объектов: глубину, качество воды, наличие ихтиофауны.

Например: *Бысть убо в мале монастыря езеро, Обрамовское словуце, пространством невелико бѣ, только глубоко добръ; и сквозь его рѣчка мала течаше, зовома Озеречка, бѣ же в ней множество рыб* [Жит. Герас. Болд.: электронный ресурс]; *Егда же приидохом близу мѣста Казанского, яже в великой крѣпости лежитъ, с востоку от него идетъ Казань-река, а з западу Булакь-рѣчка, згло тиновата и непреходима* [Ист. о вел. кн. Моск.: электронный ресурс].

К антропогенным объектам, получившим характеристику в древнерусских текстах, относятся города. Характеристика антропогенного объекта описания представлена словесными рядами, содержащими дескриптивный элемент, вербализующий свойства объекта описания, полученные в результате хозяйственной деятельности человека.

Например: *Приходитъ же деспот Стефанъ и с братом своимъ во свой град Новоброд, град серебряный, воистину и златый*³ [Из Хрон. 1512: 406]; *Приходитъ же и на Новоброд, серебряный град, идѣже серебро дѣлаху* [Из Хрон. 1512: 414]; *Бо то мѣсто воистинну полно было дражайшихъ корыстей — златом и серебром, и каменемъ драгоценным, и соболми кипѣло, и другими великими богатствы* [Ист. о вел. кн. Моск.: электронный ресурс].

Наряду со словесными рядами, вербализующими единичные свойства водных объектов, в древнерусских письменных памятниках представлены дескриптивные единства, состоящие из словесных рядов, содержащих более полное представление о водном объекте. Следует заметить, что подобные дискрептивные единства включают дескриптивные словесные ряды, в которых рациональная дескрипция сочетается с сенсорной дескрипцией. Примером может служить дескриптивное единство из «Сказания о Валаамском монастыре»: *Невское же то величайшее езеро величество должины имѣа 300 верстѣ. Поперекъ же того езера от реки величайшиа Свиры до Орѣхова града, отнюду же великая река течетъ Нева в море Бѣлое, егоже именуютъ*

³ Известный своими серебряными рудниками

по прилежимой земли вокруг (окрестъ) его Свие тоже и море Свисское называютъ. Да якоже рѣкъ, поперекъ того езера меж предиреченныхъ рѣкъ 100 верстъ. Сивернаа же и глубочайшаа страна езера того горами превысочайшими каменными предивне Создателя пресилнаа Божиа премудрость яко стенами огради, да не бесчиннымъ шествием збежат воды от уставленных своих сѣньмъ. Полуденная же мѣлкая бреги езера того песком ограждени суть. Наполняет же ся таковое великое езеро 140 рѣкъ и тысящю ручьи (источник). Онѣжское же великое езеро, иже должину 300 верстъ имѣа и премногими водами насыщаемо, в то же в Невское великое езеро Свирую великою рекою уклонено. Такоже и ильменевскыа воды Вѣлховом в то же езеро втичють. Немецких же странъ множество водное от сивера Узрвою рекою в то же езеро входятъ. Такову же велику сущу езеру и глубоку подобно морю быти; вода же его сладка и здрава, и премножественый нечисленный род рыбный в нем живуць, такоже и звѣрь [Сказ. о Валаам. мон.: электронный ресурс].

Данное дескриптивное единство состоит из словесных рядов, репрезентирующих характеристику озера Невское, и содержит дескриптивные элементы, указывающие на **размеры озера** (длину, ширину, глубину) (*Невское же то величайшее езеро величество должины имѣа 300 верстъ; поперекъ того езера меж предиреченныхъ рѣкъ 100 верстъ; Такову же велику сущу езеру и глубоку подобно морю быти*), **рельеф и характер берегов** (*Сивернаа же и глубочайшаа страна езера того горами превысочайшими каменными предивне Создателя пресилнаа Божиа премудрость яко стенами огради, да не бесчиннымъ шествием збежат воды от уставленных своих сѣньмъ. Полуденная же мѣлкая бреги езера того песком ограждени суть.*), **качество воды** (*вода же его сладка и здрава*), **наличие ихтиофауны** (*премножественый нечисленный род рыбный в нем живуць, такоже и звѣрь*). При этом дескриптивные словесные ряды, указывающие на размер водного объекта, на наличие ихтиофауны, отчасти – на качество воды (*здрава*), относятся к

рациональной дескрипции; а дескриптивные словесные ряды, указывающие на рельеф и характер берегов, качество воды (*сладка*) – к сенсорной дескрипции.

В «Казанской истории» мы можем встретить дескриптивные единства, представляющие собой характеристику природно-антропогенных объектов. Например: *Прилѣжитъ бо к нему с востока поле, зовомое Арское, велико и красно, по нему же течетъ под градъ Казань рѣка. На том же поле изливается езеро, Кабанъ имянуемо, от града за три версты, и рыбу многу имѣюще в себѣ на пищу человеком, из него же изтѣкает Булакъ рѣка, в Казань рѣку под градомъ втѣкает, грязна велми и топна, а не зѣло глубока. С полудни же града, от Булака и до Волги, красный луг Царевъ на семь версть продолжается, травюю многою зеленяся и цвѣты красяся. Град же Казань зѣло крѣпок, велми, и стоитъ на мѣсте висоце промеж двою рѣк, Казани и Булака, и согражденъ въ 7 стѣнь в велицех и толстых древесѣх дубовых. Въ стѣнах же сыпано внутрь хрящъ и пѣсок, и мелкое камение. Толицина же градная от рѣкъ, от Казани и от Булака, трех сажень, и тѣ бо мѣста ратнымъ неприступны. И вода, двема рѣкама быстро со обою страну градъ обтекиши, и во едину рѣку у стѣны града слися, еже есть Казань, и та рѣка в Волгу поиде, двѣма устьи, за три версты выше града — по рѣце же той градъ словет Казань. Яко крѣпкими стѣнами, водами вокругъ обведенъ бѣ градъ той, токмо со единыя страны града, с поля Арского, приступъ малъ. И туда стѣна градная была толстотою седмь сажень, и прекопана около ея стремнина велиа глубока. И от сего казанцы немалу себѣ притяжаша крѣпость и ничесоже бояхуся, аще и вси царства околня, соединишяся, восстанут и подвижутся на нихъ, крѣпокъ бо бѣ градъ ихъ. Крѣпчайше же града сами бяху, умѣние велико имуци ратоватися во бранѣх. И не побѣждени бываху ни от кихъ же, и мало таковыхъ людей мужественыхъ и злыхъ во всей вселѣнней обрѣташяся [Казанск. ист.: 470 – 472].*

Данное дескриптивное единство состоит из словесных рядов, содержащих дескриптивные элементы, указывающие на такие свойства

объекта, как **общий характер поверхности** (*поле, зовомое Арское, луг Царевъ, на мѣсте висоце*), **внутренние воды** (*Кабанъ имянуемо, от града за три версты, и рыбу многу имѣющу в себѣ на пищу человеком; Булакъ рѣка, в Казань рѣку под градомъ втѣкает, грязна велми и топна, а не зѣло глубока*), **особенности природной зоны** (*травою многою зеленыя и цвѣты красяся*), **население, его деятельность** (*Крѣпчайше же града сами бяху, умѣние велико имущи ратоватися во бранѣх. И не побѣждени бываху ни от ких же, и мало таковых людей мужественых и злых во всей вселѣнной обрѣташеся*).

Выводы

Итак, в третьей главе представлена семантическая классификация дескриптивных словесных рядов.

Дескрипцию, представляющую собой языковую экспликацию познания как процесса определения внешних и внутренних характеристик, свойств, элементов объекта действительности, мы дифференцируем как сенсорную и как рациональную.

В основе сенсорной дескрипции лежит восприятие, осуществляемое при помощи органов чувств. Дескриптивные словесные ряды в древнерусском тексте вербализуют признаки, свойства, характеристики объектов описания, воспринимаемые всеми пятью внешними рецепторными органами, что позволяет нам выделять следующие семантические виды дескриптивных словесных рядов: визуальные дескриптивные словесные ряды, аудиальные дескриптивные словесные ряды, ольфакторные дескриптивные словесные ряды, осязательные дескриптивные словесные ряды и дескриптивные словесные ряды, передающие восприятие вкуса.

К ядерным семантическим видам сенсорной дескрипции в древнерусском тексте относятся визуальные дескриптивные словесные ряды. Визуальные дескриптивные словесные ряды могут быть представлены следующими

содержательно-тематическими видами описаний: описанием внешности, описанием местности, описанием материальных объектов, окружающих человека и созданных его руками (церкви, храма, дворца и т.п.), описанием природы.

Рациональная дескрипция связана с фундаментальной характеристикой объекта описания, представляющей собой словесное изображение свойств и качеств объекта описания, основанных на его способности мыслить абстрактно, а также на обобщённой и объективированной системе знаний, полученных в результате коллективной деятельности ряда поколений людей. К этому виду дескрипции мы относим словесные ряды, содержащие морально-этическую характеристику, интеллектуальную характеристику, характеристику практической деятельности объекта описания; а также словесные ряды, содержащие характеристику географических объектов.

Все содержательно-тематические виды сенсорной дескрипции отличаются краткостью и единообразием. Единообразие описаний достигается за счёт повторяемости одного и того же синкретсемичного прилагательного или одной и той же семантически несвободной фразы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящем диссертационном исследовании рассмотрены дескриптивные словесные ряды как основной вид минимальных, вычленяемых, повторяющихся единиц древнерусского текста, главной функцией которых является описание действительности.

Анализ языкового материала позволил выделить дифференциальные структурные и семантические особенности дескриптивных словесных рядов. В структурном плане дескриптивные словесные ряды характеризуются следующими признаками: 1) являются формульными конструкциями, то есть представляющими собой определённую формально-структурную схему, отличающуюся лексическим наполнением, воспроизводимость которой связана с нормативностью текста-образца; 2) состоят из двух логически зависимых друг от друга элементов: номинативного элемента, обозначающего объект действительности, который подвергается описанию, и дескриптивного элемента, содержащего собственно описание означенного объекта действительности (*Инии же видяху нѣкоего воеводу, **саномъ нарочита***); 3) отличаются морфологическим выражением дескриптивного элемента, поэтому могут быть дифференцированы как словесные ряды с адъективным дескриптивным элементом, которые являются ядерными (61%) (*человѣкъ, красенъ лицемъ; церковь камена чудна зѣло; духовнаго отца своего, мужа добродѣтелна, Андреа именем* и т. п.), словесные ряды с вербативным дескриптивным элементом (*нѣкто муж, Леонтие нарицаем, въ конец достиг всякие философии, и словесным, и естъствныи, и звездочѣтныи*), словесные ряды с субстантивным дескриптивным элементом (*старецъ Кирилова монастыря, ему же имя Дионисие, художествомъ часовникъ*), словесные ряды с неоднородным дескриптивным элементом (*Глѣбъ милостивъ на убогия и странънолюбивъ, тщианье имѣя къ церквамъ, теплъ на вѣру и кротокъ, взоромъ красенъ*); 4) в составе дескриптивного элемента могут содержать одну или несколько словоформ, выражающих описание, поэтому могут быть

дифференцированы как однокомпонентные (*Таже вижду исшедша из гроба старца съда брадою*) и многокомпонентные (*Кто болий есть в вас, акъ есть Федосий: послушливъ, и кротокъ, и смиренный*).

Анализ языкового материала также показал, что значение описания в древнерусском тексте может выражаться на уровне одного дескриптивного словесного ряда (*Есть убо здѣ змиѣ великъ и страшен зѣло во езере семъ*) и на уровне дескриптивного микротекста (*Сий же благовѣрный князь Володимѣрь возрастомъ бѣ высокъ, плечима великъ, лицемъ красенъ, волосы имѣя желты кудрявы, бороду стрижый, руки же имѣя красны и ноги, рѣчь же бѣшетъ в немъ тольста, и устна исподняя добела. Глаголаше ясно от книгъ, зане бысть философъ великъ... - см. с.78*), состоящего из словесных рядов одного или разных видов.

В семантическом плане дескриптивные словесные ряды характеризуются следующими признаками: 1) представляют собой языковую экспликацию познания как процесса определения внешних и внутренних характеристик, свойств, элементов объекта действительности, поэтому могут быть дифференцированы как сенсорные и рациональные; 2) содержат номинативный элемент, определяющий содержательно-тематический вид дескриптивного словесного ряда и обозначающий идеологически важный для средневекового человека объект действительности; 3) содержат дескриптивный элемент, лексическое наполнение которого указывает на единообразие и традиционность описаний в древнерусском тексте.

Сенсорная дескрипция представлена в древнерусском тексте визуальными дескриптивными словесными рядами (*Азь же падохъ ниць, не могый зрѣти ангелообразнаго лица его, бѣ бо зракомъ по писанию написаннаго на древнихъ иконахъ*), аудиальными дескриптивными словесными рядами (*И бысть трускъ и звукъ великъ от копейнаго ломления и от мечнаго стѣчения*), ольфакторными дескриптивными словесными рядами (*И бяху власи его бѣгли яко снѣгъ, и бѣше благоуханье от него*), осязательными дескриптивными

словесными рядами (*Напреди же ему солнце добръ сияеть, а по нем кроткийъ вътрець вѣеть*) и дескриптивными словесными рядами, передающими восприятие вкуса (*И оттоле дванадесять дний прешедше, на другое нѣкое езеро дошед, в немъже вода сладка, яко сахаръ*).

Визуальные дескриптивные словесные ряды представлены следующими содержательно-тематическими видами описания: описанием внешности (*Бѣ же Василко лицемъ красенъ, очима свѣтель и грозенъ*), описанием местности (*Аще и мѣсто бѣ пустынно и лѣсно*), описанием материальных объектов, окружающих человека и созданных его руками (*И стояше клубокъ на гробѣ Онаньинѣ златъ с каменемъ драгымъ с жемцюгомъ украшенымъ*), описанием природы (*И се по съмотрению Божию пооблачилося небо, и съниде дѣждь*). Аудиальные дескриптивные словесные ряды представлены описанием боевых действий (*И бысть трускъ и звукъ великъ от копейнаго ломления и от мечнаго стѣчения*), описанием голоса одушевлѣнных объектов действительности (*Образ же имѣлъ возраста своего средній, глава его невелика, гласъ его тонокъ*) и описанием природы (*Бысть же в той день къ Бѣлуграду громъ страшенъ*). Осязательные дескриптивные словесные ряды используются при описании природы (*Бѣ бо воздухъ хладен, и вътри противни*). Ольфакторные дескриптивные словесные ряды представлены описанием одушевленного объекта (*Благоухание от гроба бысть и воня подобна арамат многоцѣнныхъ*), материальных объектов, окружающих человека и созданных его руками (*Да единъ бѣаше украшенъ златомъ чистомъ и каменемъ чѣстнымъ, а вторыи жемцюгомъ великымъ драгымъ блискающимся, а 3-и велми болги обою от всякого цвѣта чървьлена и бѣла и от вѣтвия Божия рая исплетена, неувядаемъ николиже. Таку же воню имѣаху, якоже умъ человецкѣ не можетъ нареци*), описанием местности (*И смрадъ исходит из моря того, яко от стѣры горяща*). Дескриптивные словесные ряды, передающие восприятие вкуса, используются при описании двух идеологически важных для

средневекового человека объектов – воды и хлеба (*Езеро бяше на полъ томъ, вода бо сладка велми и быстра; Бяху же хлѣби оны тепли суце и мягци*).

Рациональная дескрипция представлена в древнерусском тексте морально-этической характеристикой объекта описания (*И просто реци, всѣми добродѣяниши украшенъ бѣ отрокъ той*), интеллектуальной характеристикой объекта описания (*Аще же ... благоразумным велемудрием преудобрен*), характеристикой практической деятельности объекта описания (*Скомондъ бо бѣ волхвъ и кобникъ нарочитъ*), характеристикой географических объектов (*Булакъ рѣка, в Казань рѣку под градомъ втѣкает, грязна велми и топна, а не згло глубока*).

Анализ показал, что количество рациональных словесных рядов в древнерусском тексте превалирует над количеством сенсорных словесных рядов (59 % к 41%).

Выявленные в ходе анализа структурно-семантические особенности дескриптивных словесных рядов позволяют нам сделать вывод, что описания в древнерусском тексте «идеологичны»: их структурные и семантические особенности определяются не авторской интенцией, как в современном тексте, а общественной, культурной, государственной необходимостью, а потому описания в древнерусском тексте, состоящие из дескриптивных словесных рядов, трафаретны и традиционны.

Дальнейшие перспективы работы могут быть связаны с анализом формально-грамматического и содержательно-тематического аспектов дескриптивных словесных рядов, составляющих не только описание, но и повествование, толкование и рассуждение как основные виды функционально-смысловой делимитации древнерусского текста, а также с исследованием динамики функционирования функционально-смысловых типов речи от древнерусского языка к современному состоянию.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамова И. Ю. Структурно-семантическая и синтаксическая организация агиографических текстов стиля «плетение словес» (на материале житий XIV – XV вв.): Автореф. дис. канд. филол. наук. – Нижний Новгород, 2004. – 25 с.
2. Абрамова И. Ю. Эпитет в системе тропов древнерусской агиографии // Русский язык в контексте национальной культуры: материалы Всероссийской научной конференции. – Саранск: Издательство Мордовского университета, 2008. – С. 170 – 176.
3. Агаева З. А. Пейзаж как атрибут национального мировосприятия и художественного своеобразия в творчестве Расула Гамзатова: дис. канд. филол. наук. – Махачкала, 2004. – 196 с.
4. Акимова В. В. Семантические изменения лексики портретных описаний в условиях контекста // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы XI Международной конференции. – Владимир: Транзит-ИКС, 2015. – С. 18 – 21.
5. Акимова Э. Н. Реализация категории обусловленности в языке памятников письменности русского Средневековья (XI – XVII вв.). – Саранск: Издательство Мордовского университета, 2006. – 240 с.
6. Акимова Э. Н. Ментальная и языковая категоризация в диахронии // Русский язык в контексте национальной культуры: материалы Всероссийской научной конференции. – Саранск: Издательство Мордовского университета, 2008. – С. 146 – 151.
7. Акимова Э. Н. Вопрос о категориях древнерусского текста в научной литературе // Русский язык в контексте национальной культуры: материалы Международной научной конференции. – Саранск: Издательство Мордовского университета, 2010. – С. 223 – 226.
8. Анисимова И. Н. Функциональные особенности лексем в пейзажных описаниях русской классической литературы // Русский язык и литература в

- тюркоязычном мире: современные концепции и технологии: материалы Международной научно-практической конференции. – Казань: Отечество, 2012. – С.95 – 97.
9. Анисимова И. Н. Языковая экспликация пейзажа как предмет изучения на занятиях по русскому языку // Чтения, посвященные Дням славянской письменности и культуры: сборник статей Всероссийской научной конференции. – Чебоксары: Издательство Чувашского государственного университета, 2013. – С. 23 – 30.
  10. Антипова И. А. Способы толкования символа в древнерусском тексте: дис. канд. филол. наук. – М., 2010. – 154 с.
  11. Артамонова М. В. Парные именованья в древнерусском тексте: дис. канд. филол. наук. – Владимир, 2005. – 183 с.
  12. Артамонова М. В. Синтагматические механизмы создания древнерусской метонимии // Международный научно-исследовательский журнал. Сборник по результатам XI заочной научной конференции Research Journal of International Studies. – Екатеринбург, 2013. – С. 80 – 82.
  13. Арутюнова Н. Д. Об объекте общей оценки // Вопросы языкознания. – М.: Наука, 1985. – С. 13 – 24.
  14. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1988. – 341 с.
  15. Бабайцева В. В., Николина Н. А., Чиркина И. П. Современный русский язык. Анализ языковых единиц. Ч. 3. Синтаксис. – М.: Просвещение; Владос, 1995. – 603 с.
  16. Баженова-Рагрина С. И. Проблема описания структуры текстов Древней Руси // Учен. зап. Тарт. гос. ун-т. – Тарту, 1990. – Вып. 896: Труды по русск. и слав. филологии. – С. 120 – 130.
  17. Белова О. В. Лексика и символика в словаре названий животных (по материалам памятников восточно- и южнославянской книжности XIII – XVII вв.) // Словарь и культура. К столетию с начала публикации «Словаря

- болгарского языка» Н. Герова. Материалы международной научной конференции. – М., 1995. – С. 90 – 93.
18. Богрова К. М. Устойчивое сравнение в древнерусском тексте: семантика и структура: дис. канд. филол. наук. – Владимир, 2012. – 180 с.
19. Болотнова Н. С. Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня. – Томск: Издательство Томского университета, 1992. – 312 с.
20. Болотнова Н. С. Филологический анализ текста: учеб. пособие. – 3-е изд. – Москва: Флинта: Наука, 2007. – 520 с.
21. Болотнова Н. С. Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 384 с.
22. Большая советская энциклопедия. Том 8 / Гл. ред. А. М. Прохоров. – М.: Советская энциклопедия, 1972. – 592 с.
23. Большая советская энциклопедия. Том 18 / Гл. ред. А. М. Прохоров. – М.: Советская энциклопедия, 1974. – 632 с.
24. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб: Норинт, 2000. – 1536 с.
25. Большой энциклопедический словарь. – М.: Большая Российская энциклопедия, СПб: Норинт, 1997. – 1456 с.
26. Борисов А. А. Модели стилистического осмысления описания природы: композиционно-речевая форма «статическое описание» и композиционно-речевая форма «динамическое описание» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота. – 2014. – № 3 (33). – С. 48 – 52.
27. Брандес М. П. Стилистика немецкого языка (для институтов и факультетов иностранных языков): Учеб. – 2-е изд. – Москва: Высшая школа, 1990. – 320 с.
28. Брандес М. П. Стилистика текста. Немецкий язык. Теоретический курс: учебник. – 4-е изд. – Москва: КДУ, 2011. – 428 с.

- 29.Булаховский Л. А. Курс русского литературного языка. Том I. – Киев: Государственное учебно-педагогическое издательство «Радянська школа», 1952. – 447 с.
- 30.Булыгина Т. В. Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 574 с.
- 31.Бурыкин А. А. Лексика, связанная с природой, в «Слове о полку Игореве» и проблемы средневекового художественного канона // Материалы XXXII Международной филологической конференции. – СПб, 2003. – С. 3 – 8.
- 32.Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. I. – СПб: «Общественная польза», 1861а. – 643 с.
- 33.Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. II. – СПб: «Общественная польза», 1861б. – 429 с.
- 34.Валгина Н. С. Теория текста: Учебное пособие. – М.: Логос, 2004. – 280 с.
- 35.Валгина Н. С. Актуальные проблемы современной русской пунктуации: Учеб. пособие. – М.: Высш. шк., 2004. – 259 с.
- 36.Валиева Г. Д. Структура пейзажных микротекстов в башкирском языке // Вестник Башкирского университета. – 2011. – № 3 (I). – С.1064 – 1065.
- 37.Варфоломеева Ю. Н. Семантика глагольных предикатов как свойство структурно-семантической модели текста типа «описание»: дис. канд. филол. наук. – Улан-Удэ, 2008. – 180 с.
- 38.Виноградов В. В. О теории художественной речи: Учеб. пособие. – 2-е изд. – М.: Высшая школа, 1980. – 287 с.
- 39.Виноградов В. В. О языке художественной прозы. – М.: Наука, 1980а. – 366 с.
- 40.Витрук О. А. Пейзаж как текстовое явление: дис. канд. филол. наук. – Ростов-на-Дону, 2012. – 173 с.
- 41.Волкова Т. Ф. «Казанская история» и троицкие литературные памятники о взятии Казани (К вопросу об историко-литературных особенностях

- «Казанской истории») // ТОДРЛ – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1981. – Т. 36. – С. 242 – 250.
42. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: КомКнига, 2007. – 144 с.
43. Георгиева В. Л. История синтаксических явлений русского языка. – М.: Наука, 1968. – 167 с.
44. Голубинский Е. Е. История канонизации святых в русской церкви. – М., 1903. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://odinblago.ru/istoria_kanonizacii/ (дата обращения 04.06.2016).
45. Гольдберг В. Б. Анализ образного сравнения с позиций дискретности концептуальной сети // Изменяющаяся Россия и славянский мир: новое в концептуальных исследованиях. – Севастополь, 2009. – С. 104 – 110.
46. Гордий О. М. Структурно-синтаксические особенности фразеологических экспрессивов и коммуникативов. Понятие устойчивости и воспроизводимости // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2014. – № 2 (32). – С. 57 – 61.
47. Горский Д. П. Краткий словарь по логике / Д. П. Горский, А. А. Ивин, А. Л. Никифоров; Под ред. Д. П. Горского. – М.: Просвещение, 1991. – 208 с.
48. Горшков А. И. Теоретические основы истории русского литературного языка. – М.: Наука, 1983. – 160 с.
49. Горшков А. И. Теория и история русского литературного языка. – М.: Высшая школа, 1984. – 319 с.
50. Горшков А. И. Русская словесность: от слова к словесности: 10 – 11 кл.: учеб. для общеобразоват. учреждений. – 9-е изд. – М.: Просвещение, 2010. – 492 с.
51. Данилов В. В. О жанровых особенностях древнерусских «хождений» // ТОДРЛ. – М., Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1962. – Т. 18. – С. 21 – 37.

52. Елеонская А. С. «Древесные образы» в произведениях древнерусской литературы // Древнерусская литература: Изображение природы и человека. – М.: Наследие, 1995.
53. Еримбетова А. М. Описание категории сравнения в свете когнитивно-функционального подхода // Изменяющаяся Россия и славянский мир: новое в концептуальных исследованиях. – Севастополь, 2009. – С. 246 – 252.
54. Зайнуллина С. Р. Традиционные формулы русских летописей: структура и семантика (на материале «Повести временных лет» по Лаврентьевскому списку: дис. канд. филол. наук. – Ижевск, 2015. – 160 с.
55. Зиновьева Е. И. «Лицом румяна рожа толста» // Русская речь. – 1993. – № 5. – С. 76 – 81.
56. Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. – М.: Наука, 1973. – 352 с.
57. Золотова Г. А. Роль ремы в организации и типологии текста // Синтаксис текста. – М.: Наука, 1979. – С. 113 – 133.
58. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – М.: Наука, 1982. – 368 с.
59. Золотова Г. А. Текст как главный объект лингвистики и обучения языку // Русское слово в мировой культуре: материалы X Конгресса МАПРЯЛ. Пленарные заседания: сб. докладов, в 2 т. [Электронный ресурс] – СПб, 2003. Режим доступа: file:///C:/Users/%D0%9D%D0%B0%D1%82%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D1%8F/Downloads/Text_kak_glavnyj_object_ling.pdf
60. Зыховская Н. Л. Ольфакторий русской прозы XIX в.: дис. докт. филол. наук. – Екатеринбург, 2016. – 518 с.
61. Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка: Учеб. для студентов пед. ин-тов по спец. «Рус. яз. и лит.». – 3-е изд. – М.: Просвещение, 1990. – 400 с.

62. Калистратова А. В. Предикативные посессивные конструкции в «Повести временных лет» по Лаврентьевской летописи // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2013. – № 6 (2). – С. 81 – 83.
63. Каменская О. Л. Текст и коммуникация. – М.: Высшая школа, 1990. – 152 с.
64. Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. – М., 1871. – 472 с.
65. Книга А. В. Контрастивное описание лексико-семантического поля «наименования явлений природы» в русском и английском языках // Вестник ТГУ. – 2011. – № 9 (101). – С. 226 – 230.
66. Ковалев Н. С. Древнерусский литературный текст: Проблемы исследования смысловой структуры и эволюции в аспекте категории оценки. – Волгоград: Изд-во Волгоградского государственного университета, 1997. – 260 с.
67. Ковалев Н. С. Древнерусский летописный текст: принципы образования и факторы эволюции (на материале Галицко-Волынской летописи). – Волгоград: Изд-во Волгоградского государственного университета, 2001. – 180 с.
68. Коваленко К. И. Семантическое описание в глоссариях и азбуковниках XVI – XVII вв. // Семантика и функционирование языковых единиц разных уровней: сборник научных статей по материалам VIII международной научно-практической конференции. – Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2015. – С. 168 – 174.
69. Ковтунова И. И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. – М.: Просвещение, 1976. – 239 с.
70. Кожин А. Н. Функциональные типы русской речи: Учеб. пособие для филол. специальностей ун-тов / А. Н. Кожин, О. А. Крылова, В. В. Одинцов. – М.: Высшая школа, 1982. – 223 с.
71. Колесов В. В. Мир человека в слове Древней Руси. – Л.: Издательство ЛГУ, 1986. – 312 с.

72. Колесов В. В. Древнерусский литературный язык. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. – 296 с.
73. Колесов В. В. Средневековый текст как единство поэтических средств языка / Труды Отдела древнерусской литературы. — СПб, 1996. — Т. 50. — С. 92 – 98.
74. Колесов В. В. Слово и дело: Из истории русских слов. – СПб: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2004. – 703 с.
75. Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте. – СПб: Петербургское Востоковедение, 2006. – 624 с.
76. Колесов В. В. Историческая грамматика русского языка: учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. – СПб: Факультет филологии и искусств СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2009. – 512 с.
77. Колесов В. В. Древнерусская цивилизация. Наследие в слове. – М.: Институт русской цивилизации, 2014. – 1120 с.
78. Колесов В. В., Колесова Д. В., Харитонов А. А. Словарь русской ментальности. В 2 т. Т. 1. А – О / В. В. Колесов, Д. В. Колесова, А. А. Харитонов. – СПб: Златоуст, 2014а.
79. Колесов В. В., Колесова Д. В., Харитонов А. А. Словарь русской ментальности. В 2 т. Т. 2. П – Я / В. В. Колесов, Д. В. Колесова, А. А. Харитонов. – СПб: Златоуст, 2014б.
80. Колшанский Г. В. Коммуникативная функция и структура языка. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 176 с.
81. Котюрова М. П. Смысловая структура специфических периферийных текстов // Функциональные разновидности речи в коммуникативном аспекте: Межвузовский сборник научных трудов. – Пермь, 1988. – С. 4 – 16.
82. Кошкин И. С. Русско-германские языковые контакты в грамотах Северо-Запада Руси XII – XV вв. – СПб: Издательство С.-Петербургского ун-та, 2008. – 170 с.

83. Краткая литературная энциклопедия / под ред. А. А. Суркова. – М.: Советская энциклопедия, 1968. – 975 с.
84. Купина Н. А. Смысл художественного текста и аспекты лингво-смыслового анализа. – Красноярск, 1983. – 78 с.
85. Курасовская Ю. Б. Лингвопоэтика описания природы (на материале романов Дж. Остин и В. Вульф): Автореф. дис. канд. филол. наук. – М., 1991. – 25 с.
86. Кухаренко В. А. Интерпретация текста. – М.: Высш. шк., 1988. – 190 с.
87. Киынова Ж. К. Традиционные формулы-синтагмы в портретных описаниях // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы XI Международной конференции. – Владимир: Транзит-ИКС, 2015. – С. 198 – 202.
88. Левина В. Н. Пейзажная картина мира в системе русской языковой культуры: Автореф. дис. канд. филол. наук. – Тамбов, 2013. – 46 с.
89. Лехно Е. Ю. Синтаксические и стилистические особенности в изображении пейзажа в «Письмах русского путешественника» Н. М. Карамзина // Материалы XXXIV Международной филологической конференции. – СПб, 2005. – С. 3 – 8.
90. Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1947. – 499 с.
91. Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1958. – 186 с.
92. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. – Л.: Наука, 1967. – 372 с.
93. Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X – XVII вв.: Эпохи и стили. – Л.: Наука, 1973. – 254 с.
94. Ломтев Т. П. Очерки по историческому синтаксису русского языка. – М.: Изд-во Московского университета, 1956. – 596 с.
95. Лопарев Х. М. Хождение Трифона Коробейникова / Под ред. Х. М. Лопарева // ППС, 1889, т. 9, вып. (27).

96. Лопутько О. П. О природе устойчивых формул древнерусской письменности // Вестник литературного института им. А. М. Горького. – М., 1998. – С. 80 – 87.
97. Лопутько О. П. Устойчивая формула в истории русского литературного языка (X – XV вв.). – Новосибирск, 2001. – 226 с.
98. Лосева Л. М. Как строится текст. – М.: Просвещение, 1980. – 94 с.
99. Луценко Р. С. Концепт «пейзаж» в структуре англоязычного прозаического текста: Автореф. дис. канд. филол. наук. – Иваново, 2007. – 21 с.
100. Маклаков А. Г. Общая психология. – СПб: Питер, 2001. – 592 с.
101. Маякова Е. С. Стилистические приемы в пейзажных описаниях: роль, значение и функции // Вестник МГУКИ. – 2014. – № 6 (62). – С. 248 – 250.
102. Мещерский Н. А. К реконструкции текста «Слова о погибели Руския земли» // Избранные статьи. – СПб, 1995. – С. 221 – 233.
103. Мещерский Н. А. О синтаксисе древних славяно-русских переводных произведений // Избранные статьи. – СПб, 1995а. – С. 317 – 337.
104. Москальская О. И. Грамматика текста (пособие по грамматике немецкого языка для ин-тов и фак. иностр. яз.): Учеб. пособие. – М.: Высшая школа, 1981. – 183 с.
105. Мурзин Л. Н., Литвинова М. Н. Текст как художественное произведение: к проблеме специфики // Функциональные разновидности речи в коммуникативном аспекте: Межвузовский сборник научных трудов. – Пермь, 1988. – С. 122 – 128.
106. Нечаева О. А. Функционально-смысловые типы речи (описание, повествование, рассуждение). – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1974. – 261 с.
107. Николаева Ж. В. Структурно-семантические разновидности описательного типа речи по характеру протекания ситуации (бытийно-статальные, бытийно-процессуальные, характеризующие): дис. канд. филол. наук. – Улан-Удэ, 2001. – 167 с.

108. Николаева Ж. В. Структурно-семантические разновидности описательного типа речи по характеру протекания ситуации (бытийно-статальные, бытийно-процессуальные, характеризующие) : Автореф. дис. канд. филол. наук. – Кемерово, 2002. – 18 с.
109. Одинцов В. В. Стилистика текста. – М.: Наука, 1980. – 264 с.
110. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / Под ред. проф. Л. И. Скворцова. – М.: Издательство Оникс: ООО Издательство «Мир и образование», 2009. – 736 с.
111. Омельченко Л. Н. Функционирование неполных двусоставных предложений с незамещенной позицией подлежащего в повествовании и описании : Автореф. дис. канд. филол. наук. – М., 1998. – 17 с.
112. Онипенко Н. К. Теория коммуникативной грамматики и проблема системного описания русского синтаксиса // Русский язык в научном освещении. – М., 2001. – С. 107 – 121.
113. Орлов А. С. Обь особенностяхъ формы русскихъ воинскихъ повѣстей (кончая VII в.). – М.: Университетская типографія, Страстной бульварь, 1902. – 250 с.
114. Петрова В. Д. Язык южнославянского и восточнославянского «плетения словес» (на материале сочинений книжников Тырновской школы и Епифания Премудрого). – Чебоксары: Изд – во Чувашского университета, 2014. – 408 с.
115. Пилипенко Н. В. Описание как способ организации древнерусского текста (на материале «Повести временных лет») // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы десятой международной конференции, посвященной 60-летию кафедры русского языка. – Владимир: Транзит-ИКС, 2013. – С. 440 – 442.
116. Пилипенко Н. В. К вопросу об описании внешности в древнерусском тексте // Материалы Всероссийской научной конференции молодых

- исследователей, посвященной Дню славянской письменности и культуры. – Коломна, 2014. – С. 87 – 92.
117. Пилипенко Н. В. Семантика и структура описаний человека в житиях XI – XIII веков // Церковь, государство и общество в истории России и православных стран: религия, наука и образование. Материалы VI Международной научной конференции, посвященной памяти православных просветителей святых равноапостольных Кирилла и Мефодия и 800-летию Владимирской епархии. – Владимир, 2014. – С. 51 – 55.
118. Пилипенко Н. В. Эвалюативное описание в древнерусском тексте (на материале «Повести временных лет») // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2015. – № 3. – С. 297 – 300.
119. Пилипенко Н. В. Описание явлений природы в древнерусском тексте (на материале памятников XI – XVII веков) // Научный диалог. – 2016. – № 5 (53). – С. 72 – 85.
120. Пилипенко Н. В. Дескриптивный словесный ряд как минимальная единица древнерусского текста (на материале памятников XI – XVII веков) // Научный диалог. – 2016. – № 12 (60). – С. 145 – 160.
121. Пименова М. В. *Красотою украси*: выражение эстетической оценки в древнерусском тексте. – СПб: Филологический факультет СПбГУ; Владимир: ВГПУ, 2007. – 415 с.
122. Пименова М. В., Артамонова М. В. «Речение» и «разум» древнерусского текста: Методические указания к проведению специализированных семинаров по курсу «История русского языка». – Владимир: ВГПУ, 2008.
123. Пименова М. Вас. Семантическая деривация и синкретизм // Ученые записки Казанского университета. – 2012. – Т. 154, кн. 5. – С. 133-136.
124. Пименова М. Вас. Способы организации древнерусского текста и выражение оценки // Вестник Волгоградского государственного университета. – 2016. – Т. 15. – № 2. – С. 17-24.

125. Попова З. Д. Производный синтаксический концепт «состояние природы и окружающей среды» в отношении к его первичным концептам // *Изменяющаяся Россия и славянский мир: новое в концептуальных исследованиях.* – Севастополь, 2009. – С. 64 – 69.
126. Припадчев А. А. Гносеология, прагматика и семантика в диахронии синтаксиса текста. – Воронеж: МП «Курьер», 1992. – 172 с.
127. Пфютце М. Грамматика и лингвистика текста // *Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск VIII. Лингвистика текста.* – М.: Прогресс, 1978. – С. 218 – 242.
128. Родионова О. С. К вопросу о единицах членения текста // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. Филология.* – Казань: КФУ, 2008. – № 1. – С. 81 – 84.
129. Ромодановская В. А., Ромодановская Е. К. К вопросу об эволюции портрета в древнерусской литературе // *Litterarum fructus. Сборник статей в честь С. И. Николаева. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.* – СПб: Альянс-Архео, 2012. – С. 9 – 30.
130. Русакова Н. В. Темпоральные (лексические) и референциальные свойства текста типа «описание»: дис. канд. филол. наук. – Улан-Удэ, 2006. – 164 с.
131. Русецкая О. Н., Лазарева В. А. Композиционно-речевые формы и структурная организация текста // *Вестник АмГУ.* – 2009. – № 4. – С. 116 – 118.
132. Рыбникова Е. Е., Кемерова М. М. Предикативные посессивные конструкции с глаголом *имети* в древнерусском языке // *Альманах современной науки и образования.* – Тамбов: Грамота. – 2007. – № 3 (3). – С. 175 – 177.
133. Рыкин Е. Ю. Сочетания с творительным падежом ограничения как средство выражения оценки в древнерусском тексте: дис. канд. филол. наук. – Владимир, 2014. – 163 с.

134. Рылов С. А. Речестилевой синтаксический анализ текста Новгородской первой летописи старшего извода // Проблемы происхождения и бытования памятников древнерусской письменности и литературы: Сборник научных трудов. – Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2002. – С. 306 – 355.
135. Селезнева А. А. Тенденции формирования функционально-смысловых типов речи в летописном тексте (на материале «Повести временных лет»): дис. канд. филол. наук. – Волгоград, 2004. – 155 с.
136. Селеменова О. А. Простые предложения со значением «состояние природы» в русском языке XIX – XX веков: дис. докт. филол. наук. – М., 2013. – 457 с.
137. Сигал К. Я. Единицы функционального синтаксиса // Вестник Удмуртского университета. – 2012. – № 2. – С. 103 – 109.
138. Сидоров Е.В. Системное определение текста и некоторые проблемы коммуникативной лингвистики // Вопросы системной организации речи. М.: Изд-во МГУ, 1987. – С. 38 – 47.
139. Словарь современного русского литературного языка. Том VIII (О). – Л.: Академия наук СССР, 1959. – 1840 с.
140. Смирнов И. П. О древнерусской культуре, русской национальной специфике и логике истории. – М.: Аграф, 2000. – 544 с.
141. Солганик Г. Я. Стилистика текста: учеб. пособие. – 9-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 256 с.
142. Спивак Д. Л. Матричные построения в стиле «плетения словес» // Труды Отдела древнерусской литературы. Том 49. – СПб: Изд-во Д. Буланина, 1996. – С.99-112.
143. Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков. Типы простого предложения / Общ. ред. В. И. Борковского. – М.: Наука, 1968. – 292 с.

144. Степанов Ю. С. Номинация, семантика, семиология: Виды семантических определений в современной лексикологии // Языковая номинация: Общие вопросы. – М.: Наука, 1977. – С.294 – 358.
145. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. – М.: Академический Проект, 2004. – 992 с.
146. Стеценко А. Н. Исторический синтаксис русского языка. – М.: Высшая школа, 1977. – 358 с.
147. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 696 с.
148. Творогов. О. В. Задачи изучения устойчивых литературных формул Древней Руси // ТОДРЛ. – М., Л., 1964. – Т. 20. – С. 29 – 41.
149. Тодоров Ц. Грамматика повествовательного текста // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск VIII. Лингвистика текста. – М.: Прогресс, 1978. – с. 450 – 463.
150. Голова Г. Н. Пейзаж в литературе и искусстве // Пейзаж в литературе и живописи: сборник научных трудов. – Пермь: Изд-во ПГПИ, 1993. – С. 3 – 10.
151. Толстой Н. И. Избранные труды. Том III. Очерки по славянскому языкознанию. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 464 с.
152. Топоров В. П. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. – М.: Наука, 1983. – С. 227 – 282.
153. Топоров В. Н. Об одном архаичном индоевропейском элементе в древнерусской духовной культуре – **svet-* // Языки культуры и проблемы переводимости. – М., 1987. – С. 184 – 252.
154. Травников С. Н., Ольшевская Л. А. Особенности изображения природы в «Хождении Иоанна Лукьянова // Актуальные вопросы изучения духовной культуры. Материалы Международной научно-практической конференции «Славянская культура»: истоки, традиции, взаимодействие. – М. – Ярославль: Ремдер, 2010. – С. 82 – 92.

155. Трошева Т. Б. Эволюция способов экспликации рассуждения в научных текстах XVIII – XX вв. в связи с тенденцией к расчлененности // Функциональные разновидности речи в коммуникативном аспекте: Межвузовский сборник научных трудов. – Пермь, 1988. – С. 97 – 108.
156. Трошева Т. Б. Система функционально-смысловых типов речи в современном русском языке (описание – повествование – рассуждение – предписание – констатация) [Электронный ресурс] // Филолог: научно-методический, культурно-просветительский журнал. – Пермь: ПГГПУ. Режим доступа: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_2_35 (дата обращения 17.05.2016).
157. Тураева З. Я. Лингвистика текста: (Текст: структура и семантика). – М.: Просвещение, 1986. – 127 с.
158. Ужанков А. Н. Эволюция пейзажа в русской литературе XI – первой трети XVIII веков // Древнерусская литература. Изображение природы и человека. – М.: Наследие, 1995. – с. 19 – 35.
159. Уржумова А. А. Об одном типе конструкций с нечленным именем в предикативной функции в древнерусском языке (На материале подкорпуса древнейших русских летописей и подкорпуса Евангелий) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 7. – С. 197 – 202.
160. Урысон Е. В. Проблемы исследования языковой картины мира: аналогия в семантике. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 224 с.
161. Филатова Е. В. Синтагматическая и предложенческая структуры текста и их назначение // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. – Симферополь. – 2011. – № 4. Ч. 2. – С. 65 – 71.
162. Философия: Энциклопедический словарь / Под ред. И. А. Ивина. – М.: Гардарики, 2004. – 1072 с.
163. Философский энциклопедический словарь. – М.: ИНФРА – М, 2007. – 576 с.

164. Философский энциклопедический словарь / Гл. редакция: Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. – М.: Сов. Энциклопедия, 1983. – 840 с.
165. Фурашов В. И. Современный русский синтаксис. Избранные работы. – Владимир: ВГГУ, 2010. – 368 с.
166. Хамаганова В. М. Структурно-семантическая и лексическая модель текста типа “описание” (проблемы семиотики и онтологии): дис. докт. филол. наук. – М., 2003. – 332 с.
167. Черепанова О. А. О соотношении понятий «семантический синкретизм» и «лексико-семантическая группа» в применении к лексической системе древнерусского языка // Русская культура нового столетия: Проблемы изучения, сохранения и использования историко-культурного наследия. — Вологда: Книжное наследие, 2007. — С. 692 – 697.
168. Чикина Л. К. Лингвистика текста. – Саранск: Изд-во МГУ, 1986. – 84 с.
169. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. – Л.: Учпедгиз, 1941. – 620 с.
170. Шукова О. М. Контекстно-вариативное членение «Изборника 1076 года» // Русский язык в контексте национальной культуры: материалы Всероссийской научной конференции. – Саранск: Издательство Мордовского университета, 2008. – С. 152 – 156.
171. Янович Е. И. Лингвопоэтика древнерусского летописного текста: функционально-смысловые типы, формы и жанры речи (на материале текста «Повести временных лет») // Русский язык: система и функционирование (к 90-летию БГУ и 85-летию профессора П. П. Шубы): сборник материалов V Международной научной конференции. – Минск: Изд. центр БГУ, 2011. – С. 31 – 38.
172. Claudia Claridge. Hyperbole in English. A Corpus-based Study of Exaggeration. – Cambridge University Press, 2011. – 316 p.
173. Josef Schmied and Claudia Claridge. Classifying Text- or Genre-variation in the Lampeter Corpus of Early Modern English Texts. In: Hickey, Raymond,

Merja Kytö, Ian Lancashire, Matti Rissanen (eds.), *Tracing the Trail of Time. Proceedings from the Second Diachronic Corpora Workshop*. Amsterdam: Rodopi, 1997. – P. 119-135.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1. Алекс. – Александрия / *Подгот. текста и пер. Е. И. Ванеевой* // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV века. – М., 1982. – С. 22–173.
2. БСЭ – Большая советская энциклопедия. (В 30 томах) / Гл. ред. А. М. Прохоров. – 3-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1972. – 592 с.
3. Волоколам. пат. – Волоколамский патерик / *Подгот. текста и пер. Л. А. Ольшевской* // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 9. [Электронный ресурс] – СПб: Наука, 2000. Режим доступа: <http://lib.pushkinskiydom.ru> (дата обращения 18.12.2016).
4. Гал.-Вол. лет. – Галицко-Волынская летопись / *Подгот. текста и пер. О. П. Лихачевой* // Памятники литературы Древней Руси: XIII век. – М., 1981. – С. 236 – 425.
5. Деян. и мучен. Петра и Павла – Деяние и мучение святых... апостолов Петра и Павла / *Подгот. текста и пер. Е. Г. Водолазкина* // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 12. [Электронный ресурс] – СПб: Наука, 2003. Режим доступа: <http://lib.pushkinskiydom.ru> (дата обращения 19.12.2016).
6. Дух. грам. Евф. Турк. – Духовная грамота и исповедь Евфимия Туркова / *Подгот. текста и пер. Л. А. Ольшевской* // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 13. [Электронный ресурс] – СПб: Наука, 2005. Режим доступа: <http://lib.pushkinskiydom.ru> (дата обращения 18.12.2016).
7. Жит. Авр. Смол. – Житие Авраамия Смоленского / *Подгот. текста и пер. Д. М. Буланина* // Памятники литературы Древней Руси: XIII век. – М., 1981. – С. 66 – 105.
8. Жит. Ал. Невск. – Житие Александра Невского / *Подгот. текста и пер. В. И. Охотниковой* // Памятники литературы Древней Руси: XIII век. – М., 1981. – С. 426 – 445.
9. Жит. Алексия – Житие Алексия человека Божия / *Подгот. текста Н. Ф. Дробленковой, пер. Н. Ф. Дробленковой и Л. С. Шепелевой* // Библиотека

- литературы Древней Руси. Т. 2. [Электронный ресурс] – СПб: Наука, 1999. Режим доступа: <http://lib.pushkinskiydom.ru> (дата обращения 23.12.2016).
10. Жит. Андр. Юрод. – Житие Андрея Юродивого / *Подгот. текста и пер. А. М. Молдована* // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 2. [Электронный ресурс] – СПб: Наука, 1999. Режим доступа: <http://lib.pushkinskiydom.ru> (дата обращения 20.12.2016).
11. Жит. Арс. Кон. – Житие Арсения Коневского / *Подгот. текста Н. А. Охотиной-Линд, пер. А. Г. Боброва* // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 13. – СПб: Наука, 2005 // <http://lib.pushkinskiydom.ru> (дата обращения 26.11.2016).
12. Жит. велик. кн. Ольги – Житие... великой княгини Ольги, нареченной во святом крещении Еленой... / *Подгот. текста Л. А. Чуркиной, пер. О. П. Лихачевой* // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 12. [Электронный ресурс] – СПб: Наука, 2003. Режим доступа: <http://lib.pushkinskiydom.ru> (дата обращения 19.12.2016).
13. Жит. Вяч. Чешск. – Житие Вячеслава Чешского / *Подгот. текста и пер. А. А. Турилова* // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 2. [Электронный ресурс] – СПб: Наука, 1999. Режим доступа: <http://lib.pushkinskiydom.ru> (дата обращения 23.12.2016).
14. Жит. Герас. Болд. – Житие Герасима Болдинского / *Подгот. текста и пер. Е. В. Крушельницкой* // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 13. – СПб: Наука, 2005 // <http://lib.pushkinskiydom.ru> (дата обращения 26.11.2016).
15. Жит. Дионис. – Житие архимандрита Троице-Сергиева монастыря Дионисия / *Подгот. текста и пер. О. А. Белобровой* // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 14. [Электронный ресурс] – СПб: Наука, 2006. Режим доступа: <http://lib.pushkinskiydom.ru> (дата обращения 19.12.2016).
16. Жит. Дм. Солун. – Житие Дмитрия Солунского / *Подгот. текста и пер. О. В. Творогова* // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 2. – СПб: Наука, 1999 // <http://lib.pushkinskiydom.ru> (дата обращения 23.12.2016).

17. Жит. Дмитрия Углич. – Житие царевича Дмитрия Угличского / *Подгот. текста и пер. Т. Р. Руди* // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 14. [Электронный ресурс] – СПб: Наука, 2006. Режим доступа: <http://lib.pushkinskiydom.ru> (дата обращения 19.12.2016).
18. Жит. Зос. и Савв. Солов. – Жития Зосимы и Савватия Соловецких / *Подгот. текста Р. П. Дмитриевой, пер. О. В. Панченко* // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 13. – СПб: Наука, 2005 // <http://lib.pushkinskiydom.ru> (дата обращения 26.11.2016).
19. Жит. и подв. вел. кн. Ал. Ярослав. – Житие и подвиги... великого князя Александра Ярославича, прозванного Невским / *Подгот. текста и пер. Н. В. Поньрко* // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 12. [Электронный ресурс] – СПб: Наука, 2003. Режим доступа: <http://lib.pushkinskiydom.ru> (дата обращения 18.12.2016).
20. Жит. игум. Никона – Житие и подвиги... игумена Никона / *Подгот. текста и пер. А. А. Савельева* // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 12. [Электронный ресурс] – СПб: Наука, 2003. Режим доступа: <http://lib.pushkinskiydom.ru> (дата обращения 19.12.2016).
21. Жит. Ир. Рост. – Житие Ириарха Ростовского / *Подгот. текста и пер. И. А. Лобаковой* // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 14. [Электронный ресурс] – СПб: Наука, 2006. Режим доступа: <http://lib.pushkinskiydom.ru> (дата обращения 18.12.2016).
22. Жит. Исаяи – Житие и жизнь святого... Исаяи епископа Ростовского / *Подгот. текста и пер. Н. В. Савельевой* // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 12. [Электронный ресурс] – СПб: Наука, 2003. Режим доступа: <http://lib.pushkinskiydom.ru> (дата обращения 21.12.2016).
23. Жит. Кассиана Босого – Житие Кассиана Босого / *Подгот. текста и пер. Л. А. Ольшевской* // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 13. – СПб: Наука, 2005 // <http://lib.pushkinskiydom.ru> (дата обращения 21.12.2016).

24. Жит. Кир. Новоезерск. – Житие Кирилла Новоезерского / *Подгот. текста и пер. Т. Б. Карбасовой* // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 13. – СПб: Наука, 2005 // <http://lib.pushkinskiydom.ru> (дата обращения 20.12.2016).
25. Жит. Конст.-Кир. – Житие Константина-Кирилла / *Подгот. текста и пер. Л. В. Мошковой* // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 2. – СПб: Наука, 1999 // <http://lib.pushkinskiydom.ru> (дата обращения 23.12.2016).
26. Жит. Корн. Ком. – Житие Корнилия Комельского / *Подгот. текста А. Г. Сергеева, пер. А. А. Романовой* // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 13. – СПб: Наука, 2005 // <http://lib.pushkinskiydom.ru> (дата обращения 18.12.2016).
27. Жит. Макар. – Житие Макария Желтоводского и Унженского / *Подгот. текста и пер. И. М. Грицевской* // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 13. – СПб: Наука, 2005 // <http://lib.pushkinskiydom.ru> (дата обращения 21.12.2016).
28. Жит. Мар. Египет. – Житие Марии Египетской / *Подгот. текста и пер. О. В. Творогова* // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 2. – СПб: Наука, 1999 // <http://lib.pushkinskiydom.ru> (дата обращения 23.12.2016).
29. Жит. Март. Белозерск. – Житие Мартиниана Белозерского / *Подгот. текста Е. Э. Шевченко, пер. Г. М. Прохорова и Е. Э. Шевченко* // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 13. – СПб: Наука, 2005 // <http://lib.pushkinskiydom.ru> (дата обращения 21.12.2016).
30. Жит. Никандра Псковск. – Житие Никандра Псковского / *Подгот. текста и пер. В. И. Охотниковой* // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 13. – СПб: Наука, 2005 // <http://lib.pushkinskiydom.ru> (дата обращения 19.12.2016).
31. Жит. Серг. Рад. – Житие Сергия Радонежского / *Подгот. текста Д. М. Буланина, пер. М. Ф. Антоновой и Д. М. Буланина* // Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV века. – М., 1981. – С. 256 – 428.

32. Жит. Феод. Печ. – Житие Феодосия Печерского / *Подгот. текста и пер. О. В. Творогова* // Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI – начало XII века. – М., 1978. – С. 305 – 392.
33. Жит. Ферап. Белозерск. – Житие Ферапонта Белозерского / *Подгот. текста Е. Э. Шевченко, пер. Г. М. Прохорова и Е. Э. Шевченко* // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 13. – СПб: Наука, 2005 // <http://lib.pushkinskiydom.ru> (дата обращения 19.12.2016).
34. Жит. Филип. – Житие митрополита Филиппа / *Подгот. текста и пер. И. А. Лобаковой* // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 13. – СПб: Наука, 2005 // <http://lib.pushkinskiydom.ru> (дата обращения 21.12.2016).
35. Жит. царя и вел. кн. Владимира – Житие... царя и великого князя святого и праведного Владимира / *Подгот. текста и пер. Н. В. Поньрко* // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 12. [Электронный ресурс] – СПб: Наука, 2003. Режим доступа: <http://lib.pushkinskiydom.ru> (дата обращения 21.12.2016).
36. Из «Временника» – Из «Временника» Ивана Тимофеева / *Подгот. текста и пер. В. И. Охотниковой* // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 14. [Электронный ресурс] – СПб: Наука, 2006. Режим доступа: <http://lib.pushkinskiydom.ru> (дата обращения 23.12.2016).
37. Измарагд. – Из «Измарагда» / *Подгот. текста и пер. О. В. Творогова* // Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI века. – М., 1985. С. 54 – 68.
38. Из Хрон. 1512 – Из Хронографа 1512 / *Подгот. текста и пер. О. В. Творогова* // Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI века. – М., 1984. – С. 376 – 415.
39. Из Хрон. 1617 г. – Из Хронографа 1617 года / *Подгот. текста О. В. Творогова, пер. Е. Г. Водолазкина* // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 14. [Электронный ресурс] – СПб: Наука, 2006. Режим доступа: <http://lib.pushkinskiydom.ru> (дата обращения 18.12.2016).

40. Ин. Фомы сл. – Инока Фомы слово похвальное / *Подгот. текста и пер. Н. В. Поньрко* // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV века. – М., 1982. – С. 72 – 131.
41. Ист. о вел. кн. Моск. – История о великом князе Московском / *Подгот. текста А. А. Цехановича, пер. А. А. Алексеева* // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 11. [Электронный ресурс] – СПб: Наука, 2001. Режим доступа: <http://lib.pushkinskiydom.ru> (дата обращения 26.11.2016).
42. Казанск. ист. – Казанская история / *Подгот. текста и пер. Т. Ф. Волковой* // Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI века. – М., 1985. С. 300 – 565.
43. Кратк. похвала самодержцу Василию – Краткая похвала самодержцу Василию и о пострижении его и чудесном отшествии к Богу / *Подгот. текста и пер. Н. В. Поньрко* // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 12. [Электронный ресурс] – СПб: Наука, 2003. Режим доступа: <http://lib.pushkinskiydom.ru> (дата обращения 21.12.2016).
44. Лег. о Кит. – Легенда о граде Китеже / *Подгот. текста и пер. Н. В. Поньрко* // Памятники литературы Древней Руси: XIII век. – М., 1981. – С. 210 – 227.
45. Лет. пов. о Кул. бит. – летописная повесть о Куликовской битве / *Подгот. текста и пер. М. А. Салминой* // Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV века. – М., 1981. – С. 256 – 428.
46. Лет. пов. о монг.-тат. нашествии – летописные повести о монголо-татарском нашествии / *Подгот. текста и пер. Д. М. Буланина* // Памятники литературы Древней Руси: XIII век. – М., 1981. – С. 132 – 172.
47. О вел. кн. Вс. Георг. – О преславном великом князе Владимирском и всея Руси Всеволоде Георгиевиче / *Подгот. текста и пер. Н. В. Поньрко* // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 12. [Электронный ресурс] – СПб: Наука, 2003. Режим доступа: <http://lib.pushkinskiydom.ru> (дата обращения 18.12.2016).

48. О вел. кн. Георгии-Ярославе – О благоверном и богохранимом великом князе Георгии-Ярославе Владимировиче / *Подгот. текста и пер. Н. В. Поньрко* // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 12. – СПб: Наука, 2003 // <http://lib.pushkinskiydom.ru> (дата обращения 23.12.2016).
49. О вел. кн. Ив. Вас. – *О... великом князе Иване Васильевиче, государе и самодержце всея России* / *Подгот. текста и пер. Н. В. Поньрко, коммент. В. К. Зиборова, А. В. Сиренова, Т. Г. Фруменковой* // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 12. – СПб: Наука, 2003 // <http://lib.pushkinskiydom.ru> (дата обращения 7.04.2016).
50. О вел. кн. Яр. Вс. – О благоверном и богохранимом прямом наследнике великом князе Ярославе Всеволодовиче / *Подгот. текста и пер. Н. В. Поньрко* // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 12. [Электронный ресурс] – СПб: Наука, 2003. Режим доступа: <http://lib.pushkinskiydom.ru> (дата обращения 18.12.2016).
51. О взят. Казани – Троицкая повесть о взятии Казани / *Подгот. текста и пер. Т. Ф. Волковой* // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 10. – СПб: Наука, 2000 // <http://lib.pushkinskiydom.ru> (дата обращения 19.12.2016).
52. От жит. преп. Савв. – От жития преподобного отца Саввы... / *Подгот. текста и пер. М. А. Федотовой* // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 12. [Электронный ресурс] – СПб: Наука, 2003. Режим доступа: <http://lib.pushkinskiydom.ru> (дата обращения 18.12.2016).
53. Отв. о прав. вере – Ответ о правой вере / *Подгот. текста и пер. А. А. Цехановича* // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 11. [Электронный ресурс] – СПб: Наука, 2001. Режим доступа: <http://lib.pushkinskiydom.ru> (дата обращения 23.12.2016).
54. Пам. Конст. и Ел. – Память благоверного царя Константина и матери его Елены / *Подгот. текста и пер. Н. В. Савельевой* // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 12. [Электронный ресурс] – СПб: Наука, 2003. Режим доступа: <http://lib.pushkinskiydom.ru> (дата обращения 18.12.2016).

55. Перенесен. мощей Николы чудотвор. – Перенесение мощей святого... Николы чудотворца... в Бар град / *Подгот. текста и пер. Н. В. Савельевой* // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 12. [Электронный ресурс] – СПб: Наука, 2003. Режим доступа: <http://lib.pushkinskiydom.ru> (дата обращения 19.12.2016).
56. Письмо Епиф. Премудр. – Письмо Епифания Премудрого к Кириллу Тверскому / *Подгот. текста и пер. О. А. Белобровой* // Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV века. – М., 1981. – С. 444 – 448.
57. Пов. Акире Прем. – Повесть об Акире Премудром / *Подгот. текста и пер. О. В. Творогова* // Памятники литературы Древней Руси: XII век. – М., 1980. – С. 247 – 282.
58. Пов. о бит. на Лип. – Повесть о битве на Липице / *Подгот. текста и пер. Я. С. Лурье* // Памятники литературы Древней Руси: XIII век. – М., 1981. – С. 114 – 127.
59. Пов. о битве на реке Воже – Повесть о битве на реке Воже / *Подгот. текста и пер. Л. А. Дмитриева* // Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV века. – М., 1981. – С. 256 – 428.
60. Пов. Благовещ. церкви – Повесть о Благовещенской церкви / *Подгот. текста и пер. Л. А. Дмитриева* // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 6. [Электронный ресурс] – СПб: Наука, 1999. Режим доступа: <http://lib.pushkinskiydom.ru> (дата обращения 21.12.2016).
61. Пов. о болезни и смерти Василия III – Повесть о болезни и смерти Василия III / *Подгот. текста и пер. Н. С. Демковой* // Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI века. – М., 1985. – С. 18 – 47, 569 – 576.
62. Пов. Варл. Иоас. – Повесть о Варлааме и Иоасафе / *Подгот. текста и пер. И. Н. Лебедевой* // Памятники литературы Древней Руси: XII век. – М., 1980. – С. 197 – 226.

63. Пов. о виден. во Владим. – Повесть о видении во Владимире в 1611 году / *Подгот. текста и пер. Н. В. Савельевой* // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 14. [Электронный ресурс] – СПб: Наука, 2006. Режим доступа: <http://lib.pushkinskiydom.ru> (дата обращения 21.12.2016).
64. Пов. о взят. Царьгр. – Повесть о взятии Царьграда турками в 1453 году / *Подгот. текста и пер. О. В. Творогова* // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV века. – М., 1982. – С. 216 – 267.
65. ПВЛ – Повесть временных лет / *Подгот. текста О. В. Творогова* // Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI – начало XII века. – М., 1978. – С. 23 – 279.
66. ПВЛ – Повесть временных лет / *Подгот. текста О. В. Творогова* // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. [Электронный ресурс] – СПб: Наука, 1997. Режим доступа: <http://lib.pushkinskiydom.ru> (дата обращения 21.12.2016).
67. Пов. о Динаре – Повесть о царице Динаре / *Подгот. текста и пер. Н. С. Демковой* // Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI века. – М., 1984. – С. 38 – 44.
68. Пов. о жит. Мих. Клопского – Повесть о житии Михаила Клопского / *Подгот. текста и пер. Л. А. Дмитриева* // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV века. – М., 1982. – С. 334 – 348.
69. Пов. о жит. Фед. Иванов. – Повесть о житии царя Федора Ивановича / *Подгот. текста В. П. Бударagina, пер. А. М. Панченко* // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 14. [Электронный ресурс] – СПб: Наука, 2006. Режим доступа: <http://lib.pushkinskiydom.ru> (дата обращения 21.12.2016).
70. Пов. об Ионе – Повесть об Ионе, архиепископе новгородском / *Подгот. текста и пер. М. В. Рождественской* // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV века. – М., 1982. – С. 350 – 368.

71. Пов. о Луке Колоч. – Повесть о Луке Колочском / *Подгот. текста и пер. Л. И. Журовой* // Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI века. – М., 1984. – С. 52 – 56.
72. Пов. Мартир. Зелен. – Автобиографическая повесть Мартирия Зеленецкого / *Подгот. текста и пер. Е. В. Крушельницкой* // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 13. – СПб: Наука, 2005 // <http://lib.pushkinskiydom.ru> (дата обращения 19.12.2016).
73. Пов. наш. Тохт. – Повесть о нашествии Тохтамыша / *Подгот. текста и пер. М. А. Салминой* // Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV века. – М., 1981. – С. 256 – 428.
74. Пов. об ослепл. Василия II – Повесть об ослеплении Василия II / *Подгот. текста и пер. Я. С. Лурье* // Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV века. – М., 1981. – С. 504 – 520, 593 – 598.
75. Пов. о поб. на Пьяне – Повесть о побоище на реке Пьяне / *Подгот. текста и пер. Л. А. Дмитриева* // Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV века. – М., 1981. – С. 88 – 90.
76. Пов. о прихожд. Стеф. Батор. – Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков / *Подгот. текста и пер. В. И. Охотниковой* // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 13. – СПб: Наука, 2005 // <http://lib.pushkinskiydom.ru> (дата обращения 21.12.2016).
77. Пов. о Псково-Печ. мон. – Повесть о Псково-Печерском монастыре / *Подгот. текста и пер. В. И. Охотниковой* // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 13. – СПб: Наука, 2005 // <http://lib.pushkinskiydom.ru> (дата обращения 19.12.2016).
78. Пов. о пут. Иоан. Новгород. – Повесть о путешествии Иоанна Новгородского на бесе / *Подгот. текста и пер. Л. А. Дмитриева* // Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV века. – М., 1981. – С. 454 – 462, 584.

79. Пов. о раз. Ряз. Бат. – Повесть о разорении Рязани Батыем / *Подгот. текста и пер. И. А. Лобаковой* // Памятники литературы Древней Руси: XIII век. – М., 1981. – С. 184 – 196.
80. Пов. о споре – Повесть о споре жизни и смерти / *Подгот. текста Р. П. Дмитриевой, пер. Л. А. Дмитриева* // Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI века. – М., 1985. – С. 48 – 53, 577 – 578.
81. Пов. о Смутном врем. – Псковская летописная повесть о Смутном времени / *Подгот. текста и пер. В. И. Охотниковой* // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 14. [Электронный ресурс] – СПб: Наука, 2006. Режим доступа: <http://lib.pushkinskiydom.ru> (дата обращения 21.12.2016).
82. Пов. о Тим. Влад. – Повесть о Тимофее Владимирском / *Подгот. текста и пер. Н. С. Демковой* // Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI века. – М., 1984. – С. 58 – 64.
83. Пов. убиен. Андр. Боголюбск. – Повесть об убиении Андрея Боголюбского / *Подгот. текста и пер. В. В. Колесова* // Памятники литературы Древней Руси: XII век. – М., 1980. – С. 325 – 338.
84. Пов. о царев. Орд. – Повесть о Петре, царевиче Ордынском / *Подгот. текста Р. П. Дмитриевой, пер. Л. А. Дмитриева* // Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI века. – М., 1984. – С. 20 – 37.
85. Пов. чудесах Казанск иконы – Повесть о явлении и чудесах Казанской иконы Богородицы / *Подгот. текста и пер. О. В. Панченко* // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 14. [Электронный ресурс] – СПб: Наука, 2006. Режим доступа: <http://lib.pushkinskiydom.ru> (дата обращения 23.12.2016).
86. Преставл. и погребен. Мих. Скопина-Шуйского – Писание о преставлении и погребении Михаила Скопина-Шуйского / *Подгот. текста и пер. Н. С. Демковой* // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 14. [Электронный ресурс] – СПб: Наука, 2006. Режим доступа: <http://lib.pushkinskiydom.ru> (дата обращения 20.12.2016).

87. Расск. о смерти Пафн. Бор. – Рассказ о смерти Пафнутия Боровского / *Подгот. текста и пер. Л. А. Дмитриева* // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV века. – М., 1982. – С. 478 – 502.
88. Рукопис. Магнуша – Рукописание Магнуша / *Подгот. текста и пер. Н. С. Демковой* // Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV века. – М., 1981. – С. 56 – 58.
89. Северн. лет. свод 1472 – Севернорусский летописный свод 1472 г. / *Подгот. текста Я. С. Лурье, пер. В. В. Колесова* // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV века. – М., 1982. – С. 410 – 442.
90. Сказ. Авр. Пал. – Сказание Авраамия Палицына об осаде Троице-Сергиевого монастыря / *Подгот. текста Е. И. Ванеевой, пер. Г. М. Прохорова* // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 14. [Электронный ресурс] – СПб: Наука, 2006. Режим доступа: <http://lib.pushkinskiydom.ru> (дата обращения 18.12.2016).
91. Сказ. Агап. – Сказание отца нашего Агапия / *Подгот. текста и пер. М. В. Рождественской* // Памятники литературы Древней Руси: XII век. – М., 1980. – С. 155 – 166.
92. Сказ. об Аристот. – Сказание об Аристотиле / *Подгот. текста и перевод Д. М. Буланина* // Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI века. – М., 1984. – С. 592 – 594.
93. Сказ. Бор. и Глебе – Сказание о Борисе и Глебе / *Подгот. текста и перевод Л. А. Дмитриева* // Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI – начало XII века. – М., 1978. – С. 279 – 304.
94. Сказ. Вавил. – Сказание о Вавилоне / *Подгот. текста и перевод Н. Ф. Дробленковой* // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV века. – М., 1982. – С. 22–173.
95. Сказ. Валаам. мон. – Сказание о Валаамском монастыре / *Подгот. текста и пер. Н. А. Охотиной-Линд* // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 13. – СПб: Наука, 2005 // <http://lib.pushkinskiydom.ru> (дата обращения 18.12.2016).

96. Сказ. Давиде – Сказания о царе Давиде / *Подгот. текста и пер. М. Д. Каган-Тарковской и Р. Б. Тарковского* // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 3. – СПб: Наука, 1999 // <http://lib.pushkinskiydom.ru> (дата обращения 23.12.2016).
97. Сказ. о Довм. – Сказание о Довмонте / *Подгот. текста и перевод В. И. Охотниковой* // Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV века. – М., 1981. – С. 52 – 58.
98. Сказ. Драк. – Сказание о Дракуле / *Подгот. текста Я. С. Лурье, пер. О. В. Творогова* // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV века. – М., 1982. – С. 554 – 562.
99. Сказ. Евст. Плак. – Сказание об Евстафии Плакиде / *Подгот. текста и пер. О. П. Лихачевой* // Памятники литературы Древней Руси: XII век. – М., 1980. – С. 227 – 246.
100. Сказ. об Инд. царст. – Сказание об Индийском царстве / *Подгот. текста и пер. Г. М. Прохорова* // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5. [Электронный ресурс] – СПб: Наука, 1997. Режим доступа: <http://lib.pushkinskiydom.ru> (дата обращения 18.12.2016).
101. Сказ. о кн. влад. – Сказание о князьях владимирских / *Подгот. текста Р. П. Дмитриевой, пер. Л. А. Дмитриева* // Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI века. – М., 1984. – С. 420 – 434.
102. Сказ. Макар. Римск. – Сказание о Макарии Римском / *Подгот. текста М. А. Салминой, пер. О. В. Творогова и М. А. Салминой* // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 3. [Электронный ресурс] – СПб: Наука, 1999. Режим доступа: <http://lib.pushkinskiydom.ru> (дата обращения 21.12.2016).
103. Сказ. о Мамаев. поб. – Сказание о Мамаевом побоище / *Подгот. текста В. П. Будорагина и Л. А. Дмитриева, пер. В. В. Колесова* // Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV века. – М.: Художественная литература, 1981. – С. 134 – 192.

104. Сказ. о нашеств. Едигея – Сказание о нашествии Едигея / *Подгот. текста и пер. Н. Ф. Дробленковой* // Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV века. – М., 1981. – С. 248 – 254.
105. Слово на воскр. Лазаря – Слово на воскресение Лазаря / *Подгот. текста и пер. М. В. Рождественской* // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 3. [Электронный ресурс] – СПб: Наука, 1999. Режим доступа: <http://lib.pushkinskiydom.ru> (дата обращения 21.12.2016).
106. Слово о жит. Дм. Ив. – Слово о житии великого князя Дмитрия Ивановича / *Подгот. текста и пер. М. А. Салминой* // Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV века. – М., 1981. – С. 208 – 228.
107. Сл. о жит. св. Стеф. – Слово о житии... святого Стефана, бывшего епископом в Перми / *Подгот. текста Ю. А. Грибова, пер. Е. Г. Водолазкина, Н. Ф. Дробленковой, Л. С. Шепелевой* // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 12. [Электронный ресурс] – СПб: Наука, 2003. Режим доступа: <http://lib.pushkinskiydom.ru> (дата обращения 18.12.2016).
108. Сл. о крестн. древе – Слово о крестном древе / *Подгот. текста и пер. М. Д. Каган-Тарковской* // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 3. [Электронный ресурс] – СПб: Наука, 1999. Режим доступа: <http://lib.pushkinskiydom.ru> (дата обращения 21.12.2016).
109. Сл. об успен. Богород. – Слово об успении Богородицы / *Подгот. текста и пер. О. В. Творогова* // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 3. [Электронный ресурс] – СПб: Наука, 1999. Режим доступа: <http://lib.pushkinskiydom.ru> (дата обращения 23.12.2016).
110. Сл. Мерк. Смол. – Слово о Меркурии Смоленском / *Подгот. текста и пер. В. В. Колесова* // Памятники литературы Древней Руси: XIII век. – М., 1981. – С. 204 – 209.

111. Сл. о полку Иг. – Слово о полку Игореве / *Подгот. текста и перевод О. В. Творогова* // Памятники литературы Древней Руси: XII век. – М., 1980. – С. 373 – 388.
112. Соч. Макс. Грека – Сочинения Максима Грека / *Подгот. текста и перевод Д. М. Буланина* // Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI века. – М., 1984. – С. 462 – 490.
113. Суды Сол. – Суды Соломона / *Подгот. текста и пер. Г. М. Прохорова* // Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV века. – М., 1981. – С. 66 – 94.
114. СЭС – Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. Н. М. Кожинной. – 2-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 696 с.
115. ФЭС – Философский энциклопедический словарь / Гл. редакция: Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федоров, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.
116. ФЭС – Философия: Энциклопедический словарь / Под ред. А. А. Ивина. – М.: Гардарики, 2004. – 1072 с.
117. ФЭС – Философский энциклопедический словарь. – М.: ИНФРА-М, 2007. – 576 с.
118. Хворостинин И. А. – Хворостинин Иван Андреевич «Словеса дней, и царей, и святителей московских» / *Подгот. текста и пер. Е. П. Семеновой, пер. Д. М. Буланина* // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 14. [Электронный ресурс] – СПб: Наука, 2006. Режим доступа: <http://lib.pushkinskiydom.ru> (дата обращения 19.12.2016).
119. Хожд. Василия Познякава – Хождение на Восток гостя Василия Познякава с товарищи / *Подгот. текста и пер. О. А. Белобровой* // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 10. [Электронный ресурс] – СПб: Наука, 2000. Режим доступа: <http://lib.pushkinskiydom.ru> (дата обращения 21.12.2016).

120. Хождение за три моря – Хождение за три моря Афанасия Никитина / *Подгот. текста Д. М. Каган-Тарковской и Я. С. Лурье, пер. Л. С. Семенова* // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV века. – М., 1982. – С. 442 – 476.
121. Хожд. игум. Дан. – «Хождение» игумена Даниила / *Подгот. текста и пер. Г. М. Прохорова* // Памятники литературы Древней Руси: XII век. – М., 1980. – С. 25 – 116.
122. Хожд. на Флорент. соб. – Хождение на Флорентийский собор / *Подгот. текста и пер. Н. А. Казаковой* // Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV века. – М., 1981. – С. 470 – 492.
123. Хожд. Стеф. Новг. – Хождение Стефана Новгородца / *Подгот. текста и пер. Л. А. Дмитриева* // Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV века. – М., 1981. – С. 30 – 50.
124. Хрон. Конст. Манасс. – Из Хроники Константина Манассии / *Подгот. текста М. А. Салминой, пер. О. В. Творогова* // Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI века. – М., 1984. – С. 268 – 317.
125. Чуд. Ник. Мирликийского – Чудеса Николы Мирликийского / *Подгот. текста И. И. Макеевой, пер. Л. В. Соколовой* // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 2. [Электронный ресурс] – СПб: Наука, 1999. Режим доступа: <http://lib.pushkinskiydom.ru> (дата обращения 21.12.2016).
126. Чудо Георг. – Чудо Георгия о змие / *Подгот. текста и пер. В. В. Колесова* // Памятники литературы Древней Руси: XIII век. – М., 1981. – С. 520 – 530.